

Ион Деген

ПОПЫТКА УЙТИ ОТ СЕБЯ

Сборник рассказов

Второе издание

**Нью-Йорк
2018**

Ион Деген

Попытка уйти от себя. Сборник рассказов. 2018. – 250 с.
Совмещающие в себе документальность и художественность рассказы 1959-2016 г.г., построенные на автобиографическом материале. Это последняя книга Иона Дегена (1925-2017) – воина, врача и литератора, в которой, оглядываясь на прожитую огромную по своей насыщенности жизнь, он смотрит на любовь сквозь призму войны и на войну сквозь призму любви.

© - Юрий Деген, текст, 2018

Редактор – Виктор Каган

Подготовка книги и компьютерная верстка -

Юрий Краснопольский и Михаил Черпаков.

Дизайн обложки – Михаил Черпаков.

Фотографии из семейного альбома Иона Дегена

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	6
МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ	11
КОМАНДИР ВЗВОДА РАЗВЕДКИ.....	16
САША ЕРМОЛАЕВ	35
ЛЕТО ПОСЛЕ ДЕСЯТОГО КЛАССА.....	51
УВЕРЕННОСТЬ	73
ПЯТЬ НОЧЕЙ В СОЧИ	82
СТЕРЕОСКОПИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ.....	99
СЛЕД ПРОЛЕТЕВШЕЙ ПТИЦЫ	115
У НАС В ГАРНИЗОНЕ	128
ЗЯТЬ СЕКРЕТАРЯ ОБКОМА	141
ЦЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР	158
ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ	172
ЗА СОВЕТОМ	193
ПОЕХАЛА КРЫША?	204
УРОК СЛОВЕСНОСТИ	209
ОБИДА.....	216
МАССАЖ.....	235
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	247

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эту книгу Ион Деген готовил, уже зная, что не сможет подержать её в руках. Через три с половиной месяца после поставленной точки его не стало.

Его биографии хватило бы на несколько жизней.

Солдат ... Ушёл на фронт в шестнадцать ... красноармеец истребительного батальона – ранение, повезло избежать ампутации ноги ... командир отделения разведки – ранен на задании в тылу противника ... учебно-танковый полк и танковое училище – младший лейтенант, командир танка, командир танкового взвода и затем роты, гвардии лейтенант, танковый ас, дважды представлялся к званию Героя Советского Союза, но не получил, отказался от зачисления без экзаменов в академию бронетанковых войск, так как хотел стать хирургом-ортопедом ... 21 января 1945 г. тяжёлое ранение, о котором он мне сказал: «... праздную я не день рождения, а 21 января – день моего последнего ранения, когда я был убит. Вот это день моего рождения!» – кости лица собирали по кусочкам, тяжело повреждены руки и нога – инвалид с палкой (свою пятикилограммовую палку мог горизонтально подолгу держать на вытянутой руке почти до последних лет жизни) ... кавалер четырёх советских и трёх польских орденов.

Врач ... в 1946 году поступил в медицинский институт ... часами вывязывал искорёженными пальцами хирургические узлы и тренировался разрезать скальпелем стопку папиросной бумаги на глубину задаваемого себе числа листков ... с 1951 года ортопед-травматолог ... в 1959-ом выполнил первую в мире реплантацию руки ... работал от больного к письменному столу, а не от

стола к больному, и защитил в Москве в 1965-ом кандидатскую и в 1973-ем докторскую (первая докторская по магнитотерапии¹ в медицине), 90 научных статей ... знаменитый киевский доктор ... в 1977-ом уехал от государственного антисемитизма в Израиль, где больше двадцати лет работал ортопедом.

Поэт и писатель ... автор знаменитого написанного в декабре 1944-го стихотворения:

Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам ещё наступать предстоит.

В Большой Библиотеке Поэта оно было опубликовано как стихотворение неизвестного солдата, хотя Ион читал его вместе с другими своими стихами в 1945-ом в Центральном доме литераторов в Москве, где после ранения служил в полку резерва. Его стихи, в которых было: «За наш случайный сумасшедший бой признают гениальным полководца», вызвали погромно-патриотическую реакцию, на которую он ответил стихотворением:

Я не писал фронтовые стихи
В тихом армейском штабе.
Кровь и безумство военных стихий,
Танки на снежных ухабах

1 - Магнитотерапия. — М.: Практик. медицина, 2010.

Ритм диктовали.
Врывались в стихи
Рваных шрапнелей медузы.
Смерть караулила встречи мои
С малоприветливой Музой.
Слышал я строф ненаписанных высь,
Танком утюжа траншеи.
Вы же – в обозе толпою плелись
И подшибали трофеи.
Мой гонорар – только слава в полку
И благодарность солдата.
Вам же платил за любую строку
Щедрый главбух Литиздата.

Много лет после этого он никому свои стихи не показывал. Его прозаические книги² выходили в разных странах, ему предлагали вступить в писательские союзы, но – «Зачем мне ещё писательский союз – тем более что я писателем себя не считаю? Я – рассказчик. И в прозе, и в стихах – рассказчик». Его проза это не fiction, не вымысел – это свидетельство, документальная проза даже если он иногда одевает её в одежды fiction. Это

² - *Из дома рабства*, 1986; *Иммануил Великовский*, 1990; *Портреты учителей*, 1992; *Война никогда не кончается*, 1995; *Голограммы*, 1996; *Невыдуманные рассказы о невероятном*, 1998; *Четыре года*, 1999; *Наследники Асклепия*, 2006; *Чёрно-белый калейдоскоп*, 2009; *Я весь набальзамирован войной*, 2012; *Мои однокурсники*, 2015; *Голограммы-2*, 2015 и др. Некоторые из них, как и стихи, можно найти на сайте lib.ru/MEMUARY/1939-1945/DEGEN/, а рассказы последнего десятилетия - на портале Е. Берковича в журналах «Заметки по еврейской истории», «Еврейская старина» и «Заметки»: berkovich-zametki.com/Avtory/Degen.htm и журнале «Семь искусств»: 7iskusstv.com/Avtory/Degen.php

усилие осмысления своего жизненного – человеческого, военного, профессионального – опыта. Он был self-made-man – человеком, сделавшим себя сам вопреки, а, может быть, и благодаря всему тому, даже малая доля чего многих других сломала бы. Но не просто сделавшим, а продолжавшим до конца жизни высокий труд собирания себя, собственно, и делающий человека человеком. Эта книга – последняя глава в книге жизни Иона Дегена.

О чём она? О войне и любви. О войне сквозь призму любви и о любви сквозь призму войны. Ион и раньше писал об этом, но писал, редко позволяя себе касаться плотской стороны любви и говоря о ней очень сдержанно и осторожно. Он хорошо чувствовал и понимал, что эротика в литературе вроде минного поля, которое очень немногим удаётся пройти невредимым и, тем более, пройти красиво, не опуская любовь до голой эротики, а то и ниже, но поднимая эотику до любви. Но, думаю, дело не только в этом, а и в той вызывающей уважение, романтической и трогательно-деликатной стыдливости, которую он сумел сохранить в себе. Она может показаться странной у врача, от которого у тела нет тайн, и солдата, перед глазами которого была обнажена страшная телесность войны. Но её невозможно не услышать в его рассказах, как невозможно было не видеть в общении с ним. На закате жизни уходящее из-под ног души тело перестало бояться вступить на это поле и получило в книге право голоса, который, однако, оказался не в силах заглушить грохота войны.

Голос этот может показаться старомодным, наивным, неуклюжим и т.д. с точки зрения эротической литературы. Но это не эротическая литература. Это голос мальчика-воина, столь же искушённого в войне,

сколько неискушённого в любви. Голос того Иона, который предстаёт перед читателем в первых двух, по существу автобиографических рассказах этой книги – не умевшего и не смевшего во всей грязи войны заземлить любовь до сексуальности. Того мальчика, которого прошедший сквозь огонь, воду и медные трубы зрелый мужчина сумел не утратить в себе до конца жизни. И если есть в его голосе неловкость, то это неловкость целомудрия, которое не заглушают слова из военного и медицинского словарей любви, а низкое лишь подчёркивает бездонность высокого. Это голос не стесняющегося своей нежности и своих слёз «набальзамированного войной» воина, для которого «война никогда не кончается». Голос трогательный, честный и мужественный даже в своей стеснительной неловкости, порой прячущейся за грубоватостью.

Для меня было честью, печальной радостью и испытанием редактирование этой книги. Боязно было прикасаться к тексту, чтобы не исказить голос автора и смыслы. Выручал наш с Ионом опыт, когда при подготовке книги «Чёрно-белый калейдоскоп» мы с ним обсуждали мои редакторские мнения и сомнения. Сейчас я как будто снова – хотя почему *как будто?* – был с ним, чувствовал и слышал его. Мне остаётся лишь поблагодарить судьбу за это счастье и пожелать читателю счастливой встречи с книгой.

Виктор Каган

МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ

Когда затихали бои, старшина приносил нам смену чистого белья. В живых оставались не многие. И белья было не много – всего один узел. Первый банный день после боёв, как омовение покойника. Ни шуток. Ни смеха. Вид крепкого мужского тела был сейчас неприятен, даже страшен. Слишком много таких тел, изувеченных и обгорелых, видели мы ещё вчера. А кто завтра? Он? Ты? Быстрее спрятать пугающую наготу. Я надеваю бельё и успокаиваюсь. Не потому ли, что от него пахнет чем-то очень знакомым?

Приятная свежесть. Мыло. Горячий уют. Запахи родного дома. Так пахнут тёплые руки мамы. Как это всё далеко и неправдоподобно. Может быть, кроме войны вообще ничего не существует? Я никогда не задумывался над тем, кто на войне стирает бельё. Старшина приносил его – и ладно. Как-то перед боем я впервые увидел необычное подразделение незнакомого тыла.

Мы ехали по тесной просеке. Ржавые сосны нехотя расступались перед танками. Небо, как застиранная гимнастёрка. Тяжёлая тоска марша в предвидении боя. Над серой речушкой на опушке приютились потрёпанные палатки. Старая хвоя маскировала двуколки и камеры для дезинфекции. А между соснами на верёвках бельё. Наверно, всё существующее на свете бельё вывезили на этой истерзанной снарядами опушке.

Девушки в гимнастёрках с закатанными рукавами оглянулись на шум танков, помахали нам вслед и продолжали полоскать. Солнце на мгновение выглянуло из-за туч. Нежные радуги вспыхнули в груди гряз-

ной мыльной пены на берегу. Меня потрясла несовместимость увиденного: мирно развешанное бельё и предстоящий бой; тонкая девушка со светлыми волосами, добрым свечением спокойных карих глаз и узел, который она с трудом волокла к дезинфекционной камере. Какая-то неведомая струна тоскливо зазвенела в моём сердце.

Как обычно во время марша, я сидел на левом надкрылье. В усталых глазах механика-водителя мелькнула улыбка. Он что-то крикнул мне. Я не расслышал и наклонился поближе к люку. Механик показал большим пальцем за спину и снова крикнул: «Мыльный пузырь, говорю!».

Я улыбнулся в ответ. Просто так. Потому, что он мой друг, не только мой подчиненный.

О чём это он? Что заставило его улыбнуться? Прозрачная радуга над грязной пеной? Воспоминания... Мыльница с мутной водой на донышке. Ветерок осторожно снимает с конца трубки эфемерный радужный шар. Он летит и светится. И мир сквозь него такой сказочный и красивый. Он летит и вдруг соприкасается с не сказочным миром. И взрывается. И нет беззащитной колеблющейся оболочки. Только маленькое влажное пятнышко, как случайная слеза. Но в мыльнице ещё есть пена. И снова окунается в неё бумажная трубка. И нет конца волшебству...

Не это ли засветило улыбку в измученных глазах моего механика-водителя? Он всего лишь на два года старше меня. Чуть ли не от мыльных пузырей мы пришли на войну. Я поворачиваюсь назад. Плотная туча погасила солнце. Лес убегает всё дальше и дальше. Танки взвихрили густую пыль. Но мне кажется, что я различаю там что-то очень красивое – нежную радугу... или добрые глаза светловолосой девушки. Я познакомился с

ней поздней осенью. Уже не было в живых моего механика-водителя. И многих не было.

«Сходим в мыльный пузырь, лейтенант?» – спросил меня как-то командир второй роты. Не знаю, действительно ли недоумение сделало моё лицо таким забавным, но офицеры смеялись долго и дружно. Вот когда я впервые узнал, что мыльными пузырями на фронте называли подразделения для стирки белья. Мыльный пузырь располагался по соседству с нами. Мы пошли туда вечером. До передовой было одиннадцать километров. Но мёртвое свечение ракет лежало на осыпающихся брустверах траншей, на воронках с водой, на наших шутках. Гостеприимно распахнулись двери просторной юнкерской усадьбы. Настоянный на мыле воздух, как матовый плафон, смягчал живой и весёлый свет коптилок. Пальцы капитана не всегда попадали в нужные клавиши. Аккордеон ошибался и смущённо поблескивал перламутром.

Я сразу узнал её. Куцая гимнастерка любовно окутывала тонкую фигурку. Светлые мягкие волосы спадали на солдатские погоны. Никогда ещё танцы не доставляли мне такой радости. В тот вечер я был только с ней. Робость сковала мои суставы. Нет, я не научился танцевать. В бригаде мы иногда танцевали друг с другом. Мы были молоды и танцевали несмотря на бои и потери. И сейчас в моих осторожных ладонях был солдат.

Но случайно под гимнастёркой на её спине я ощутил пуговицы. Тяжёлая волна захлестнула меня. Шёл четвёртый год фронтовой жизни. Девушка смотрела на меня спокойными и добрыми глазами. Золотистые лучи разбежались от зрачков. И вся она до кончиков сапог была светлой и чистой. Вечер пронёсся, как добрый сон,

когда не помнишь, что приснилось, но радостное состояние долго не покидает тебя.

Расстались мы далеко за полночь. Она крепко пожала мою руку и очень тихо сказала: «Спасибо».

Всю дорогу и потом я думал о ней и о том, что услышал. За что спасибо, славный Мыльный пузырь? Не за то ли, что я промолчал почти весь вечер? Или за радость, которой я раньше не знал? Или за то, что я старался не замечать, как в зале становилось всё меньше танцующих, как из боковых дверей осторожно появлялись расслабленные и слегка смущённые пары?

Мы стали там частыми гостями. Я уже знал, что светловолосая девушка ушла на фронт с первого курса университета. Она мечтала о подвиге. Но были горы грязного белья и огрубевшие маленькие руки, и гордая чистота. Мыльный пузырь... Почему так называли это подразделение? Может быть потому, что для солдата оно было мимолётным, недолговечным?

Мыльный пузырь...

Я не хотел видеть двусмысленных улыбок моих друзей. Не замечал грязи во всех её проявлениях. Для меня это был радужный мыльный пузырь моего детства – красивый, как её улыбка.

Был обычный вечер. Мы сидели и смотрели на танцующих. В моей руке приютилась маленькая шершавая ладонь светловолосой девушки. Она осторожно перебирала мои пальцы. Коптилки мерцали в такт вальсу. Капитан зажал в углу рта папиросу и щурил глаза – дым мешал ему играть. Внезапно аккордеон умолк. Капитан широко раскрыл глаза и прислушался. Танцевавшие остановились. Мы услышали ревущие моторы танков. Нас звали.

Я не помню прощания. Мы мчались под крова-

выми тучами. Моросил отвратительный прусский дождик. Липкая глина хватала за ноги. Мы перепрыгивали через траншеи. Мы спотыкались на брустверах и падали. Над передовой полыхало пламя.

Я вскочил в башню и надел танкошлем. Дорогой мой Мыльный пузырь...

1959

КОМАНДИР ВЗВОДА РАЗВЕДКИ

*Средь мёртвой тишины
Мне ветер нашептал:
Не выйти из войны
Тому, кто воевал.*

Инна Лиснянская

Всё... Конец... Каждая из шести секунд, в течение которых ещё был какой-то шанс выскочить из горящего танка, казалась ему вечностью. Загорелось сиденье. Обожгло ягодицы и бёдра. Боль подбросила на ноги. Он схватился за рукоятку перископа, пытаясь поднять переднюю крышку люка. Заднюю в этих боях он не закрывал ни разу. Но руки почему-то были ватными. Крышка не открывалась. Всё... Наверно, истекли шесть спасительных секунд. Дым горячей газойли сдавил горло...

А дальше? Был он ещё жив? Или это привиделось ему уже после смерти? Передняя крышка люка откинулась сама по себе. На фоне лёгкой августовской тучки появилась голова ангела. Всё...

Он открыл глаза. Около него, лежащего на траве метрах в тридцати от горящего танка, сидел ангел. Им оказалась невысокого роста красивая девушка с погонами младшего лейтенанта. Тонкую талию перетягивал ремень с пистолетом и подсумком с гранатами. У ног на траве автомат ППШ, а не санитарная сумка. И погоны не узкие, не медицинские. До него дошло, что ангел, вернее, младший лейтенант – не медичка. И тут чувство

стыда превозмогло боль в ягодицах и бёдрах, потому что сквозь дыру в прожжённом комбинезоне и брюках проступало голое тело.

Он не мог понять, каким образом оказался тут. Неужели эта маленькая девушка смогла извлечь из башни больше семидесяти килограммов живого веса? А дальше? Как спустить эти килограммы с высоты двух с половиной метров? Как оттащить от горящего танка?

Оттуда, куда ушли уцелевшие машины, подошли солдаты. Человек десять. Половина из них в маскхалатах. Понятно – разведчики. Пожилой сержант, ему никак не меньше тридцати пяти лет, с некоторым смущением сказал:

– Ну, даёшь ты, командир. И как это ты успела? А мы ведь залегли, когда по танкам открыли огонь. Винюваты.

– Ладно... Вы лучше снимите с него комбинезон. Сергей, дай-ка мне пару индивидуальных пакетов.

Но пакеты не понадобились. Из тыла примчался батальонный военфельдшер, лейтенант медицинской службы Ванюшка Паньков с санитаром. Они распорили комбинезон, брюки и перевязали оба бедра у самого паха. Добро, разведчики со своим младшим лейтенантом уже ушли. Надо же! Совсем ещё девочка – командир взвода разведки!

На следующий день бригаду вывели из боя. Какую там бригаду... В их батальоне осталось два танка – командира и ещё один. А из экипажей – человек двадцать.

Лейтенант отказался от направления в госпиталь. Даже в санвзвод бригады не обратился. Ожоги на ягодицах зажили быстро, а на внутренней поверхности бёдер не заживали – ходил враскорячку. Ни танков, ни пополнения – до следующих боёв ещё далеко. Он был уверен,

что до них будет в порядке. Но болело, и он всё чаще приставал к Ванюшке Панькову: сделай что-нибудь!

Однажды во время перевязки Ванюшка сказал:

– Тебе, кажется, повезло. Тут в имении расположена армейская аптека. Пойди к ним, попроси синтомициновую эмульсию и спермокрин. Вылечу тебя в два счёта.

– Чего это я должен ходить? Ты батальонный фельдшер, ты и иди. Я же не зову тебя регулировать прицелы или длину тяги акселератора.

– Чудак-человек! Кто же мне даст? А ты боевой гвардейский офицер, увешанный орденами. Тебе никто не откажет.

Лейтенант сомневался. В аптеке работают женщины, а он в их присутствии чувствовал себя как-то неловко. В училище в их роте только четверо курсантов, и он в их числе, не ходили по бабам, что было поводом для сальных шуток однополчан. Их даже окрестили – четыре капучина. А ещё до училища, в госпитале после ранения он пережил ужасный конфуз. Очень нравилась ему сестра Дина Мирзоева, азербайджанка на пять лет старше его, семнадцатилетнего. Она всем нравилась. Когда раненные обсуждали её стати и возможные варианты, он сладостно умирал от напряжения. И вот как-то после отбоя Дина позвала его в ординаторскую. Госпиталь спал. Дина привлекла его к себе. Обнимая его, она лежала под ним с закрытыми глазами. За мгновение до того, как всё должно было произойти, его за волосы приподняла дежурный врач Мария Николаевна. Они не слышали, как она вошла. И вообще, почему она вошла, если должна была быть в ординаторской на третьем этаже?

– Дина, ну как ты можешь? Он же ещё совсем мальчик!

Ни одна из ран не причинила ему такой боли, как эти слова Марии Николаевны, да и потом... Может, именно это было причиной того, что в училище он не ходил к бабам? Может, по этой причине он сейчас так не хотел идти в аптеку? Но странно, Ванюшку почему-то поддержали все оставшиеся в живых офицеры – один из его взвода, ещё два из их роты и четверо уцелевших из другой.

Армейская аптека располагалась в одноэтажном каменном здании. Дверь. По обе стороны от неё по два окна. Ванюшка и шесть офицеров проводили его до аптеки. Подвели к двери. «Ну, давай, – сказал Ванюшка, – ни пуха, ни пера».

За дверью открылось просторное помещение, уставленное небольшими столиками. Штук тридцать, не меньше. За каждым сидела девушка в белом халате. И каждая, оторвавшись от своих колб, весов и пакетиков, подняла глаза на лейтенанта. А лейтенант остановился, как уткнувшаяся в броню болванка. За столиками в первом ряду напротив двери сидели две очень красивые девушки – яркая брюнетка и не менее впечатляющая блондинка. Именно она, приветливо улыбнувшись, сказала:

– Ну, здравствуйте, лейтенант.

– Ох, простите! Конечно, здравствуйте.

– Так что вас привело к нам?

– Понимаете, наш батальонный фельдшер послал меня попросить у вас два лекарства – синтомициновую эмульсию и спермокрин.

Аптека заулыбалась.

– У меня ожоги медленно заживают, и Ванюшка, значит, наш батальонный фельдшер сказал, что лекарства ускорят заживление.

– Бедненький! А где у вас ожоги?

Он почувствовал, что заливается краской. К счастью, девушки за всеми столами, не спускавшие с него глаз, почему-то отвлеклись и посмотрели на окна.

– Вы не ответили. Так где же у вас ожоги?

– Бёдра, в общем.

– Бёдра. Бедненький! – Блондинка повернулась к девушке, сидевшей за ней: «Люба, приготовь баночку синтомициновой эмульсии. А вместо спермокрин я предложу вам другое лечение. И даже сама займусь им».

– Почему ты? – вступила брюнетка.

– Не исключено, что моё лечение окажется более эффективным.

Девушки рассмеялись. Только сейчас до лейтенанта дошел смысл происходящего. Только сейчас он сообразил, что корнем слова спермокрин является сперма. Только сейчас он проследил за взглядом девушек, повернулся и за каждым окном увидел физиономии своих товарищей. Он выскочил из аптеки. Вслед за ним выскочила брюнетка с баночкой в руках: «Стойте, гвардии лейтенант. Вот ваша эмульсия. Приходите. Вы ведь совсем рядом с нами».

Ванюшке Панькову досталось тут же по пути в подразделение. Но поддержанный офицерами он перешёл в наступление:

– Ну и дурак ты. Я ведь знал, что ты понравишься. Сказал бы спасибо, девственник несчастный.

Вечером Ванюшка подошёл к нему:

– Слушай, лейтенант, пошли в аптеку?

Лейтенант промолчал, потом спросил:

– Ты ведь видел младшего лейтенанта, которая вытащила меня из танка? Я даже не поблагодарил её. Не знаешь случайно, из какой она части?

– Ещё бы не знать! Это знаменитая Марина Парфёнова, командир взвода в роте дивизионной разведки 184 стрелковой дивизии.

– 184-ой? Так мы с ними взаимодействуем с самой весны! Дивизионной разведки? Значит они где-то рядом со штабом дивизии. Вот подживут ожоги, пойду туда.

– Чудик. До штаба дивизии больше пяти километров, а до аптеки шестьсот метров. А где ещё она, дивизионная разведка? И кто знает, как примет тебя знаменитая Марина Парфёнова. А эта красавица-брюнетка уже готова... Долго ещё будешь оставаться дураком?

Лейтенант развернулся и ушёл. Он был полон решимости найти дивизионную разведку.

Синтомициновая эмульсия оказалась чудодейственной, ожоги почти зажили. Но планы лейтенанта столкнулись с планами командования. Трёхосный студебеккер в спешном порядке привёз оставшихся в живых офицеров и механиков-водителей на ближайшую железнодорожную станцию, где уже разгружался эшелон с танками и экипажами.

Всего два дня было у лейтенанта на знакомство с новым экипажем, на интенсивные занятия, чтобы хоть как-то подготовить к бою почти необученных мальчишек-выпускников учебно-танкового полка и на то, чтобы подкормить отощавших в тылу танкистов, без чего не могло быть речи о подготовке экипажа к бою. Для подкормки лейтенант не погнушался некоторой экспроприацией продуктов питания у местных литовцев. А через два дня танковая бригада прорыва вступила в бой. Началось осеннее наступление.

Первый день наступления оказался удачным. Батальон вклинился в немецкую оборону на пятнадцать километров. За ужином лейтенант налил всем членам

экипажа по сто грамм водки и похвалил за умелые действия. Утром второго дня удача изменила им. Танки пошли в атаку без артподготовки. Сказалось, наверное, и то, что это была уже немецкая земля. У самого фольварка сожгли машину из его взвода. По вспышке выстрела лейтенант заметил немецкий Т-4 и уничтожил его. В самом фольварке они убили не менее пятнадцати фрицев. В полукилометре на юго-запад от фольварка, на опушке берёзовой рощи увидели группу из примерно десяти человек. Лейтенант уже хотел отдать команду открыть огонь, но что-то заставило его взяться за бинокль Невероятно! Это были дивизионные разведчики с Мариной Парфёновой.

Лейтенант приказал механику-водителю укрыть машину между домом и амбаром, выскочил из танка и помчался навстречу разведчикам. Они еле плелись. Оказалось, за неделю до начала наступления их послали в немецкий тыл с заданием передавать по радиации обстановку, не обнаруживая себя, не вступая в бой и не захватывая языка, что обычно было их основной работой. Ему очень хотелось обнять Марину, своего спасителя. Но он только осторожно снял её правую руку со ствола автомата, поднёс к губам и нежно поцеловал: «Спасибо вам огромное. Я тогда даже не успел вас поблагодарить. Спасибо. Спасибо».

– Командир, это же, никак, твой крестник? – спросил пожилой сержант, тот самый, который оправдывался тогда, возле сгоревшего танка.

– Рада вас видеть, лейтенант, – сказала Марина, – заняв этот подлый фольварк, вы помогли нам выйти к своим. Дай нам Бог остаться в живых. Небось, ещё встретимся.

На четвёртый день подбили его танк. Выжили механик-водитель и он. Из старых офицеров, пришедших в

бригаду в начале лета после окончания училища, в батальоне никого не осталось. И снова ожидание формирования. Ожидание новых танков и новых экипажей. А пока оставшихся в живых разместили в одиннадцати километрах от переднего края, от линии немецкой земли, на которой захлебнулось осеннее наступление. Оборону занимала всё та же 184 стрелковая дивизия. И опять рота дивизионной разведки была на пять километров ближе к передовой.

Лейтенант пришёл туда в дождливый полдень конца октября. Встретил его капитан, командир роты. Немолодой, примерно такого же возраста, что и сержант, который назвал его крестником.

– Так ты и есть тот самый танкист, которого вытаскила Марина? Ну, садись. А Марина спит. Ночью она с ребятами притащила языка. Да какого! Можно сказать, твоего коллегу. Командира взвода из танковой дивизии СС. Если и сейчас её не произведут в лейтенанты... Понимаю, гвардии лейтенант, что ты пришёл к Марине. Но честное слово, не стоит её будить.

– Что вы, товарищ капитан! Ни в коем случае. Приду в другой раз. Пожалуйста, передайте ей привет.

– Передам, а как же? Куда ты? Садись, перекусим. Самое время обеда. А Марина говорила о тебе. Скромный, говорит. Это редко, чтобы Марине кто понравился. Потому и в звании не повышают и награждают не очень. Сволочь у нас начальник разведки дивизии. Трус и бабник. А Марина блюдёт себя. И, знаешь, гвардии лейтенант, её взвод, а чуть ли не половина там уголовники, любит её за это, а не только за то, что отважнее разведчика не сыщешь. А ещё любят за то, как бережёт их. Сто раз продумает каждую операцию. Для каждого случая отберёт самых подходящих. И обязательно сама пойдёт. Моей дочке скоро двенадцать. В

Бийске они с женой. Так знаешь, о чём я мечтаю? Чтобы моя Вера стала такой, как Марина. А ещё образованная она. На фронт ушла после первого курса филологического факультета университета. Сразу же, как исполнилось восемнадцать. А тебе сколько?

– Девятнадцать.

– Она на год старше. Славная она. Но вот начальник разведки мстит ей. Я уже в нарушение устава обращался к генералу. Но и он ничего не может – где-то у этого гада сильная рука. А ведь Марину знают не только в дивизии... Жаль, не хочется мне её будить...

– Что вы, товарищ капитан! Конечно, не надо. Я ещё обязательно приду.

– Приходи, приходи. Ты и нашим разведчикам понравился. Рассказывали, как ты ей в бою руку поцеловал.

– Так уж и в бою, – смутился лейтенант.

Пришёл он на следующий день. Надеялся, что не поднимут на смех за три георгина, которыми снабдил его Ванюшка Паньков. Военфельдшер знал, что лейтенант собирается к Марине, и утром в разбитой теплице возле полевого госпиталя километрах в двадцати от их расположения срезал три последних не увядших красных георгина.

Он вошёл в уже знакомое хозяйственное строение большого юнкерского имения, где разместилась рота разведки. Марина поднялась навстречу. Неуверенно, словно совершая нечто недозволенное, он вручил ей георгины. Марина приподнялась на цыпочках и поцеловала его в щеку. Не спускавшие с них глаз разведчики заплодировали. Кто-то сказал:

– Ну, брат, а мы уже думали, что наш командир не способна на такое. Вы, лейтенант, нас тогда здорово выручили, когда взяли тот фольварк. Мы уже двое суток

от голода припухали в роще. А высунуться не было никакой возможности.

Трудно сказать, кто был больше смущён – лейтенант или Марина.

– Тот танк вы здорово долбанули. Командир сказала, что вы ещё две «пантеры» в тот день уничтожили.

Его удивило, что и это стало ей известно. По одному, с небольшими промежутками разведчики покидали комнату. Иногда просто так. Иногда появлялся предлог. Иногда ушедший раньше вызывал очередного. Вскоре они остались одни.

– Капитан сказал, что вы учились на филологическом факультете.

– Было такое. Но прошла уже целая вечность. Часто вообще не верится, что была мирная жизнь и университет, и любимая поэзия. Иногда кажется, что в мире нет ничего, кроме смертельной опасности, грязи, матерщины, хотя мои ребята щадят меня и в моём присутствии стараются не сквернословить. Но как удержишься? Я их понимаю – порой мне и самой хочется матюгнуться. А вы, я понимаю, после десятого класса попали в танковое училище?

– Нет. После второго ранения. А в десятом классе мне не пришлось учиться. Ушёл на фронт после девятого.

Наползали сумерки. Выяснилось, что оба они любят Лермонтова. Марина называла поэтов, имена которых он слышал впервые. Бальмонт. Брюсов. Гумилёв. Северянин. А потом не только русских. И стихи у них, оказывается, замечательные. Ему не хотелось уходить. Но он предупредил командира роты, что вернётся к семи. Видно было, что и Марине не хочется расставаться. Она доложила своему капитану и пошла прово-

дить гостя. Прошли они около километра до старой липовой аллеи. Потом он пытался вспомнить, о чём они говорили. Но в сознании запечатлелись не слова, не темы, а ощущение теплоты. Они остановились у старого чёрного дуба. Листья уже опали. Мокрые ветки клонились к земле. Ему показалось, что ей холодно, и захотелось прижать её к себе. Даже поцеловать. Но он не смел. Откуда было ему знать, что именно этого она ждала? Ждала и удивлялась, что способна на такое. Они договорились о встрече. Марина подала ему руку. Он пожал её, как пожал бы товарищу по батальону. Так началась дружба двух командиров взводов – танкового и разведки.

В ноябре они встречались не реже двух раз в неделю. Иногда, придя к разведчикам, он не заставлял её – взвод был на задании. Тогда, узнав о посещении, она приходила к танкистам. Но и это порой оказывалось безуспешным. Танки были то на стрельбах, то на тактических занятиях, то выезжали на рекогносцировку. Можно было бы подождать их возвращения, но кто знает, сколько ждать? Командир взвода разведки не располагал неограниченным временем. Зато до чего же радостными были их встречи! Беседы. Стихи. Трудно объяснить, почему разведчики приняли такие отношения двух командиров взводов как должное. Другое дело танкисты. И экипаж, и офицеры батальона считали платоническую любовь противоестественной, с нетерпением ждали развития, подзуживали лейтенанта и улыбались, видя, как это злит его.

– Ну, чего ты мудохаешься? – сказал как-то командир роты – Ты что, не понимаешь, что она хочет, чтобы ты её?

Один только начальник боепитания батальона, старый капитан Бушуев – недавно выпивали по поводу

его сорокалетия – сердечно комментировал их дружбу. Он даже объяснил лейтенанту, почему к Марине так относятся её разведчики – синдром Орлеанской девы. Лейтенант, конечно, знал, кто такая Орлеанская дева, но не понимал, о каком синдроме идёт речь.

– Понимаешь, в грязи войны необычная смелая девушка, сохраняющая чистоту, девственность, воспринимается как не от мира сего, как святая, как чудо. Постоянная опасность, страх. А тут рядом святая. Хранит их. Ты же сам рассказывал, как она бережёт своих ребят. Вот они и боготворят её. А вообще Марина удивительный человек. Тебя можно поздравить с тем, что досталась такая подруга.

В один из дней конца ноября вскоре после полудня в проливной дождь он пришёл к разведчикам. Пять километров по липкой грязи. Плащ-палатка поверх шинели. Вымок весь снаружи и внутри. Но предвкушение встречи с Мариной скрасило дорогу. Капитан, командир роты разведки, встретил его как обычно приветливо. Но казалось, к приветливости прибавился ещё какой-то нюанс, какая-то удовлетворённость, чуть ли не радость.

– Понимаешь, Марину зачем-то вызвал майор, начальник разведки. Я тебе уже говорил, что сволочь он большая. И с чего бы вызывать командира взвода через мою голову?

– Где это?

– Видишь господский дом?

Он поднялся по трём ступенькам и вошёл в широкий коридор. Четыре запертые двери. Из-за одной доносился крик, обильно насыщенный матом.

– Мне дать отказываешься! Не подходит тебе пехота! С танкистом е...ся!

Он рывком распахнул дверь. Увидел увешанного орденами майора лет тридцати и вытянувшуюся перед

ним по стойке смирно Марину. Лейтенант слегка отстранил её, явно, как и майор, удивившуюся его появлению, и всего себя вложил в удар. Майор упал на спину, не согнувшись ни в одном суставе. Из носа обильно полилась кровь. Марина взяла лейтенанта под руку, пытаясь успокоить его.

– Ну, зачем ты? Это же обычные взаимоотношения начальника и подчинённого. Помоги ему подняться.

– Значит так, лейтенант... Штрафным батальоном ты у меня не отделаешься. Обещаю тебе высшую меру!

Марина удержала руку, готовую повторить удар. Уже потом, вспоминая это, он понял, как такая маленькая девушка смогла вытащить его из горящего танка. Вернувшись, доложили командиру роты разведки о происшедшем.

– Я же предупреждал, что это сволочь. И генерал с ним чикается, хотя уже не раз убеждался в том, какая это гнида. Ты доложишь своему командованию?

– Конечно.

Вместе с командиром своей роты он обратился к командиру батальона. Тот, обложив его матом, повёл их к командиру бригады. Гвардии полковник спокойно выслушал взволнованный рассказ одного из лучших своих командиров взводов.

– Говоришь, начальник разведки 184 стрелковой дивизии? Знаю, у генерала тоже не всё просто с этой блядиной. Но, кажется, есть вариант. Блядина – шурин очень высокой особы. Если до особы дойдёт слух о том, что муж его сестры на фронте блядует и за это получает ордена, то шуряку можно не позавидовать. Короче, в таком плане я поговорю с генералом. Думаю, он поблагодарит меня за то, что сможет избавиться от этой личности. Иди, лейтенант, и, хотя ты гвардейский офицер, в

будущем не вызывай никого на дуэль. Нет у нас сейчас дуэлей. А субординация есть.

Действительно, всё обошлось без последствий, если не считать того, что Марину не наградили орденом, к которому она была представлена.

В декабре фронт перешел на зимнее обмундирование. Начались снега. Свидания с Мариной стали редкими. Разведчики почти круглосуточно были на заданиях. Да и у танкистов поубавилось свободного времени. По всему было заметно, что скоро закончится стояние в обороне. Но отпраздновать Новый год решили по-царски. В самом большом зале имения, где располагалась рота танкистов, во всю длину соорудили стол и скамейки. Старшина привёз откуда-то несколько сервизов, хрустальные рюмки, бокалы и фужеры. В жизни своей они не видели такой роскоши. Всё-таки Германия. Батальонный повар приготовил закуски. Лейтенант пригласил Марину. Капитан, командир роты разведки, отпустил её до утра. В десять часов вечера сели за стол. Марина слева. Справа экипаж его танка. Напротив экипаж второго танка его взвода. Между ними на столе два одинаковых изящных хрустальных графина. В одном спирт, во втором вода. Половину рюмки Марины он наполнил спиртом и долил водой из второго графина. Себе и экипажу налил чистый спирт. Командир роты произнёс тост за уходящий год, за победу. Выпили. И вдруг Марина буквально перестала дышать. Лейтенант испугался. Решил, что ошибся и вместо воды долил в рюмку из графина со спиртом. Схватил графин с водой и плеснул в фужер. Марина надпила и чуть не потеряла сознание. Оказалось, какая-то сволочь, чтобы подпоить Марину, подменила графин с водой графином со спиртом. До двенадцати часов он не дал ей ни капли спирт-

ного. А в двенадцать выпили за год окончательной победы. И тут началось! Все выскочили на морозный воздух и начали стрелять из всех видов оружия. Ребята притащили ракетницы с наличным запасом ракет. Орудия открыли спонтанный огонь. Настоящая артиллерийская подготовка. Салют такой, что куда там московскому со всего двадцатью залпами. Всё обошлось без наказаний – списали на предсказание победы.

Застолье закончилось где-то в начале второго ночи. Лейтенант устроил Марину на кровати в своей каюте и пошёл искать место для ночлега. Но места нигде не оказалось. Танкисты тайком от него заранее договорились об этом. Марина, поняв, что ему негде спать, велела остаться с ней в его комнатушке. Он расстелил рядом с кроватью обе их шинели и лёг, не раздеваясь. Но и одетого его донимал холод, проникавший в щель под дверь. Он скорее догадывался, чем видел, как Марина сняла гимнастёрку и ватные брюки.

– Иди ко мне, – сказала она.

Он разделся быстрее, чем в училище после отбоя, и лёг рядом с Мариной. Господи! Какая она нежная! Впервые в жизни он лежал рядом с женщиной. Дина Мирзоева не в счёт. Тогда была мгновенная животная вспышка страсти. А сейчас они обнимали друг друга, сейчас поцелуи были символами любви, любви такой, о какой он только в книгах читал. Но вдруг... Вдруг всё стало таким, как тогда с Диной Мирзоевой. Небывалую нежность подавила неподвластная страсть. Марина ощутила её. Она разжала объятия и вдавилась в стенку. Он чувствовал и понимал, что должен остановиться. Но как? Никогда ещё это изумительное, это проклятое желание не достигало такой силы. Марина превратилась в базальтовую глыбу. Он встал и как был раздетым вышел

на улицу. Снег искрился под большими звёздами и редкими вспышками ракет. Он пришёл в себя, почувствовав, что замерзает. В комнатухе снова лёг на полу, на шинели. Утром, когда башнёр принёс им в котелках завтрак, он пытался вспомнить, уснули ли они хотя бы немного.

После завтрака он пошёл провожать Марину. Началась метель. Порывы западного ветра засыпали их снегом. Валенки утопали в сугробах.

– Ты сердисься на меня, родной? – спросила Марина.

– Какое у меня право сердиться? Никогда в жизни я не забуду, что ты не только мой спаситель, но и любимая девушка.

– Родной мой, я так тебя хотела! Может быть, ещё больше, чем ты меня. Но я боялась.

– Боялась?! Чего?

– Мы с тобой ещё такие неумелые. Боялась забеременеть. Хотя и это было бы для меня счастьем. Но не сейчас. Ты же знаешь, как забеременевших медичек, связисток и прочих отправляют в тыл. Забеременеть сейчас, значит покинуть фронт, бросить моих ребят – это дезертирство.

До самого штаба дивизии они говорили о любви, о счастье, о будущем... Но будущее началось уже через несколько часов...

Сразу после возвращения Марины в подразделение вся их рота пошла на задание. Дважды лейтенант приходил и дважды не заставал ни Марины, ни кого-нибудь из разведчиков. В третий раз старшина роты, единственный, кого он нашёл, сообщил по большому секрету, что все на заданиях, а группа, отобранная Мариной, сегодня надолго ушло в немецкий тыл. Так. Понятно. Готовится наступление.

Вечером того же дня бригада вышла на выжидательную позицию, а утром началось зимнее наступление. Танки вступили в бой после двухчасовой артподготовки – на их двухкилометровом участке прорыва было пятьсот орудий, не считая «катюш» и миномётов. Но лишь на пятый день наступления бригада выполнили задачу первого дня. А на шестой, когда уже приближались сумерки, четыре уцелевших танка его роты остановились за длинной кирпичной конюшней. Из соседнего фольварка к ним приближались пять солдат в белых маскхалатах. Впереди коlobком катилась Марина в шапке-ушанке и белом маскхалате поверх ватника, ватных брюк и валенок. Он побежал навстречу, обнял Марину, за руку поздоровался с разведчиками. Каждого из них он уже давно знал по имени.

– Такая маленькая группа? Всего лишь пять человек?

– Из одиннадцати, – ответила Марина, – четверо погибли. В том числе и твой любимец. Старик, как ты называл его. Двое ранены. Один – тяжело. Их уже забрали в санбат.

Они с Мариной уединились в конюшне, забравшись в широкие деревянные ясли. Сняв перчатки, держались за руки. Он удивился, когда Марина поздравила его с назначением командиром роты. Как она узнала об этом? Он забыл спросить. И вообще говорить не хотелось. Придавленные тяжестью потерь, они лишь касались друг друга.

Темнело. На мотоцикле прикатил старший адъютант. Сейчас будет очередной приказ. Капитан ждал у входа, пока лейтенант прощался с Мариной и разведчиками.

Прошло ещё двое суток и ночь. Остатки бригады перебросили на другое направление. Он ничего не знал

о Марине. А утром третьего дня – не всё же везенье! – танк подбили. Хорошо хоть, что машина не загорелась. Тяжело раненного его увозили всё дальше и дальше в тыл.

Первое письмо от Марины пришло почти через месяц после ранения. Треугольник был отправлен уже на следующий день. До чего же тёплым было это письмо! И все последующие. И то, которое библиотекарь принесла в палату в начале апреля, когда даже водка уже была приготовлена, чтобы выпить в день победы. В письме, согревавшем любовью, только одна строчка была густо замазана военной цензурой. Он тщетно пытался отгадать, что могло быть в этой строчке. А ещё в то утро сестра дала ему костыли и впервые раз решила выйти в коридор. И тут произошло чудо. Навстречу, тоже на костылях, без правой ноги выше колена переваливался капитан, командир роты разведки.

– Это же надо! Ты в какой палате?

– Во второй. А вы?

– В третьей. Ну, знаешь, такого просто не может быть! И давно ты здесь?

– Месяца два, наверное. Точно не знаю. Долго был без сознания. А вы?

– Ранен двадцать первого февраля. Медсанбат. Полевой госпиталь. Санитарный поезд. А здесь уже месяц. Эх, кабы знал, что и ты здесь!

– Надо же, какие совпадения! А я только что получил письмо от Марины, написанное двадцать первого февраля.

Капитан не ответил. Лейтенант увидел, как у него заходил кадык.

– Двадцать первого... Я видел, как она писала это письмо, как складывала его, как оставила старшине. А через полчаса мы ушли на задание. Вот и всё...

– Что – всё?

– Всё! Видишь, я без ноги... Но главное – нет Марины.

Он не помнил, как прошёл несколько метров до своей палаты, как очутился на койке... Рядом с ним сел капитан. Молчали. Кто-то, ни о чём не спрашивая, достал из тайника поллитровку и налил им по стакану водки. Потом капитана перевели в его палату и поместили на койке справа, а лейтенанта, занимавшего эту койку, на его место.

Однажды капитан рассказал, что Марина относилась к нему, как к отцу родному. Не было у неё тайн от него. Даже о ночи встречи Нового года она рассказала ему без утайки. Тогда он ничего не сказал ей. Ни похвалы, ни порицания. А теперь сказал бы...

– Бедная девочка, ты, которая сделала столько, сколько не каждому сильному и смелому мужику под силу, не испытала ты счастья, которое полагается по штату каждой женщине. Боялась забеременеть. Дезертирство... Уж лучше бы такое дезертирство. К тому же, кто бы увидел беременность за месяц и двадцать дней, которые оставались в твоей жизни? Эх, Марина, Марина...

До самой выписки капитана из госпиталя они были вместе. Потом... Но потом уже не было Марины.

2007

САША ЕРМОЛАЕВ

Старательно пытаюсь вспомнить, был ли Саша с нами в 21-ом учебно-танковом полку, то есть, воевал ли он на Северном Кавказе? Нет, не могу вспомнить. Но, судя по некоторым косвенным признакам, в Первое харьковское танковое училище он попал с гражданки, может быть, даже сразу после окончания школы. Будь он с нами, его патологический аппетит обратил бы на себя внимание. Вернее, в полку он бы просто не выжил.

Мы и с обычным аппетитом в этом проклятом полку доходили от голода. Жизнь продолжала теплиться в нас только благодаря вареву из заплесневевшей кукурузы, которую первые дни после выписки из госпиталя я вообще не мог взять в рот. Привык, правда, через несколько дней – куда денешься? Но и этого несъедобного варева, от которого отвернулась бы нормальная уважающая себя свинья, нам тоже не хватало. Нет, Саши определённо не было в 21-м полку. Следовательно, он попал в нашу роту с гражданки в числе нескольких только что призванных в армию. Если не ошибаюсь, их было не больше десяти, может быть, даже меньше. Основную массу роты составляли фронтовики, воевавшие на Северном Кавказе.

Мы с Сашей были в разных взводах. Внешне он ничем не выделялся среди ста двадцати пяти курсантов роты. Обычный парень с доброй физиономией. Рост чуть выше среднего – сантиметров примерно сто семьдесят восемь. Строевой подготовкой не блистал. Вообще был каким-то мешковатым, рыхлым. Голос у него

был несколько крикливый, высокий тенор, переходивший, когда Саша возбуждался, в дискант. Иногда он выглядел просто недотёпой.

Уже к концу первого месяца Саша начал становиться училищной знаменитостью. Дело в том, что он болел булимией. Слово «булимия» я тогда услышал впервые. Оказалось, что булимия это постоянное чувство голода. Страдающий булимией человек не может насытиться. Врачи прописали Саше две курсантских пищевых нормы.

Надо заметить, что после 21-го учебно-танкового полка еда по девятой курсантской норме вообще показалась нам райской пищей. Даже со своим зверским аппетитом я не мог бы одолеть даже половины такой дополнительной нормы. А Саше и двух норм не хватало. Сразу после еды он подходил к окну раздачи и выпрашивал добавки у помощника дежурного по кухне. У нас это называлось – закрывать амбразуру своим телом. На первых порах помощники дежурного, ещё не зная, что такое Сашина булимия, в лучшем случае выставляли ему миску, скажем, плова, который был у нас в обед на второе. Но Саша быстро вылизывал миску так, что и мыть её не надо было, и снова закрывал амбразуру своим телом.

В училище было шестнадцать рот. Каждый день в наряд выделялась одна рота. Из дежурной роты одно отделение назначалось в кухонный наряд. Круглосуточная работа на кухне, готовившей пищу примерно на три тысячи ртов, была не из лёгких. Но курсанты любили кухонный наряд – наесться там можно было от пуза. Так вот, по мере заступления в наряд всё училище постепенно узнало об аппетите курсанта Александра Ермолаева. И когда Саша закрывал амбразуру своим телом, сердобольные помощники дежурного выставляли ему

уже не миску, а полбачка каши, то есть порцию на семь курсантов. До меня просто не доходило, куда это всё помещается, и как человек, съедая такое количество пищи, не толстеет.

А ещё я как-то услышал, что кроме булимии Саша отличается невероятной величиной детородного члена. Разбираясь в этих вопросах примерно так же, как в булимии, я тогда не обратил внимания на слухи. К тому же признаки булимии я видел, когда после двух порций Саша съедал ещё полбачка плова, а его детородного члена не видел.

Но однажды... В баню мы ходили повзводно. Саша был в третьем взводе, я во втором. Как в третьем взводе относились к Саше, видя его обнажённым, не знаю. Но однажды Саша почему-то попал в баню вместе с нашим взводом. Господи! Такого просто не может быть! На Кавказе я видел ослов. Без них воевать на перевалах было невозможно. Меня удивила величина полового члена, никак не соответствующая относительно небольшому животному. Но Саша ведь не осёл! У человека, повторяю, такого просто не может быть!

Написал это и вспомнил, что в ту пору я уже знал «Читал охотно Апулея, а Цицерона не читал». Почему лицеист Пушкин читал охотно Апулея и вообще кто такой этот Апулей, я не имел представления. И только потом, прочитав «Золотой осёл» Апулея, вспомнил, почему у меня возникла ассоциация с половым членом осла.

Сейчас врач, я мог бы спокойно, подробно и профессионально описать необычные величину и диаметр этого невероятного чуда. Теперь понимаю, что это была такая же патология, как и булимия. Но тогда даже мои товарищи, похвалявшиеся своим богатым сексуальным

опытом, обалдели, увидев такие нечеловеческие размеры.

О нормальном мытье уже не могло быть и речи. Почти весь взвод потребовал, чтобы Саша продемонстрировал своё сооружение в рабочем состоянии. Саша смущался. Саша просил оставить его в покое. Но куда там!? Коля Трубицын намылил ладони, схватил Сашу за член и стал его массировать двумя руками. Вместе с Ростиславом Армашовым мы пытались заступиться за Сашу, но взвод категорически пресёк наше вмешательство. Взводу было интересно. Среди всеобщего веселья Саша смирился, и, судя по его реакциям, даже получал удовольствие, а взвод добился желаемого и увидел эрегированный член во всём его величии. За всю свою долгую врачебную жизнь я не видел ничего подобного.

– Слушай, Сашка, как бабы выдерживают это дышло?

Смущаясь, с виноватой улыбкой Саша объяснил, что он ещё никогда не имел бабы. Услышали бы вы комментарии по этому поводу!

После того банного дня я обратил внимание на то, что Саша не ходит даже в училищный клуб на танцы, не говоря уже о городе, когда нам выдавали увольнительные. Я не был его другом и, естественно, не знал о причине такого сверхскромного поведения. Уже значительно позже с моим другом Антоном Сердечневым мы услышали Сашин рассказ о причине непосещения танцев.

Оказывается, как-то, ещё на вечере в школе он пригласил на танго одноклассницу. Во время танца то ли случайно, то ли умышленно она прижалась к нему. Член эрегировал в штанине, где места ему не хватило. Это было ужасно. Мало того, что больно, так и шагу нельзя

было сделать, рассказывал Саша. Он не знал, как отвя-
заться от партнёрши и покинуть танцплощадку. С тех пор
он не ходил на танцы.

После окончания училища сто двадцать пять
младших лейтенантов нашей роты приехали в Нижний
Тагил за танками и экипажами. Отсюда в танках на же-
лезнодорожных платформах мы разъехались в разных
направлениях, чтобы почти наверняка никогда больше
не встретиться. Вероятность выжить у танкистов не
очень велика.

Закончилось летнее наступление. Из десяти но-
воиспечённых младших лейтенантов, выпускников
нашей курсантской роты, прибывших во Вторую отдель-
ную гвардейскую танковую бригаду, уцелели двое – Ан-
тон Сердечнев и я.

Жалкие остатки нашего батальона – меньше роты
– располагались в землянках в чахломе литовском лесу.
Танков у нас не было. Ждали, когда они придут с лич-
ным составом.

Не помню, чем мы занимались, когда вдруг где-
то неподалёку услышали женский смех. Ребята ра-
достно переглянулись. Но откуда здесь может взяться
женщина? Уже через мгновение на нашу полянку выска-
чил младший лейтенант Саша Ермолаев. Мы с Антоном
к этому времени успели стать лейтенантами.

Оказывается, это был не женский смех, а радост-
ный голос Саши, когда ему указали, где мы.

Тут же появилась трофейная немецкая тминная
водка, закуска. Возможно, Саша пришёл к нам сразу по-
сле еды, но наше угощение оказалось излишним. Мы с
Антоном знали это наверняка.

Саша рассказал, как сложилась его судьба после
нашего расставания в Нижнем Тагиле. В одной из пер-
вых атак летнего наступления подбили его машину. Он

и стреляющий были ранены, механик-водитель контужен, а лобовой стрелок и башнёр погибли. Из госпиталя его выписали в резерв офицерского состава, а оттуда направили в нашу бригаду. Вот и всё. И надо же – в тот момент, когда несколько часов назад он представлялся начальнику штаба бригады, от того ушёл командир его танка. Саше уже успели шепнуть, что этот лейтенант – сыночек очень важной особы и что его перевели в Первый Балтийский танковый корпус на какую-то тыловую должность. А начальник штаба бригады тут же предложил Саше, побывавшему в огне танкисту, выписавшемуся из госпиталя после ранения, стать командиром его танка. Саша, уже зная о нашем существовании в бригаде и намереваясь посоветоваться с нами, попросил подполковника дать ему несколько часов на раздумье. Подполковник удивился странному, казалось бы, отказу, но дал согласие.

– Чего же тут раздумывать? – сказал Антон – Танковую атаку ты уже понюхал. Поживи в спокойном месте. И благодари бога, что тебе так повезло.

– Это так. Но ведь фактически командир танка начальника штаба бригады это его адъютант.

– Ну и что?

– Как что? Мне же придётся наносить на карту обстановку. И не взвода, даже не роты, а бригады. А в тактике и в топографии я даже в училище плавал.

– Научись. Пока мы бездействуем, приходи, Ион тебе всегда поможет. Иди и соглашайся.

Так Саша вступил в должность командира машины начальника штаба бригады. Для Антона и для меня это стало просто находкой. Шутка ли? Саша приходил к нам за помощью и от него мы могли узнавать о войне то, что командиры танковых взводов никогда не знают.

Закончились осенние бои. Чудо! Мы с Антоном и на сей раз уцелели. Во время боёв с Сашей, разумеется, не общались – где мы, а где танк начальника штаба бригады? Мой взвод жил в бывшей конюшне. Всё же лучше, чем копать землянку в тяжёлой мокрой прусской глине. Танков у нас ещё не было.

И вдруг всех офицеров батальона вызывают в штаб бригады. Всех. Не помню уже, сколько осталось в батальоне офицеров из танковых экипажей. Помню только, что не боевых офицеров было больше. Оба заместителя командира батальона, начальник штаба батальона, помпотех, секретарь парторганизации, начальник боепитания, батальонный фельдшер. Кого я ещё забыл? Ладно. Пришли мы в штаб, располагавшийся в большом юнкерском имении километрах в полтора от нашей конюшни.

С чего это нас срочно вызвали, если ещё и танков нет, и экипажи не пополнены? И не только нас, офицеров второго батальона. Пришли все офицеры первого и третьего танковых батальонов, мотострелкового батальона и ещё куча околачивающихся в тылу офицеров, о которых мы и понятия не имели. Мы с Антоном, командир второй роты и ещё два младших лейтенанта, командиры танков – все с маленькими звёздочками на погонах – сели подальше от стола, поближе к двери. Я, правда, хотел подойти к Саше и выяснить у него обстановку. Но Саша сидел у самого стола, недалеко от начальника штаба бригады. Вид у него почему-то был похуже, чем перед положением во гроб. К тому же, надо было пройти мимо офицеров с большими звёздами на погонах. А во мне занозой засело правило, что самый короткий путь между двумя точками это крутая дуга вокруг начальства.

Тут раздалась команда: «Товарищи офицеры!» Все вскочили. Вошли командир бригады, его заместитель по политчасти и бригадный смерш³, майор. Гвардии полковник и его заместитель сели в первом ряду рядом с начальником штаба, а смерш – на председательское место за столом и сразу же, перебирая в руках бумаги, начал свою речь:

– Товарищи офицеры, нет нужды рассказывать вам историю нашей бригады, одной из лучших в Красной армии, бригады, которая второй в Советском Союзе стала гвардейской 5 января 1942 года в кровавых боях под Москвой. Бригада наша Витебско-Вильнюско-Каунасская – звание, свидетельствующее о продолжении героических традиций нашей бригады. На знамени нашей бригады никогда не было позорных пятен. И вот офицер нашей бригады совершил постыдный поступок, который подлежит обсуждению суда чести офицеров бригады. Для этого мы сейчас здесь собрались. Гвардии лейтенант Ермолаев, возьмите табуретку и садитесь сюда. Не так. Сядьте, чтобы ваше лицо видел я и все.

За несколько дней до этого суда Саше присвоили звание лейтенанта. Он сидел на табуретке, согнувшись, придавленный к земле, ещё более мешковатый, чем обычно. Мы видели его бледный испуганный профиль.

– Товарищи офицеры, мы не будем выбирать состав суда. Судить его будут все присутствующие.

Мы с Антоном переглянулись в недоумении. Что такого мог натворить Саша, чтобы его судили? Разве что обворовать продуктовый склад? Но это на него не похоже. Кроме того, он нам ещё летом рассказал, что в

³ -СМЕРШ – сокращённое «Смерть шпионам» – советская военная контрразведка во время II мировой войны; здесь – офицер СМЕРШ (В.К.)

жизни своей не был обеспечен питанием так, как сейчас.

Смерш докладывал, что гвардии лейтенант Ермолаев вступил в преступную связь с гвардии младшим сержантом Осиповой, что послужило причиной её смерти.

Ни Антон, ни я не знали гвардии младшего сержанта Осипову. Смерш сказал, что она была связисткой. Откуда нам было знать сидящих в штабе связисток? Правда, когда он стал описывать её, я вспомнил, что как-то мельком видел хорошенькую пичужку, младшего сержанта, с фигуркой цирковой акробатки. Кажется, тогда механик-водитель комбата сказал, что она безотказная и, хоть и маленькая, но страшно ненасытная, поэтому неутомимо обслуживает весь штаб бригады. Помню, он сказал, что этот недомерок мог бы легко обслужить даже весь наш батальон. Допустим. Но как мог Саша, стеснительный, сторонящийся женщин Саша вступить с ней в преступную связь? И как могла эта преступная связь стать причиной смерти младшего сержанта?

Тем временем смерш дал слово начальнику бригадного медсанвзвода, чтобы тот доложил о происшедшем. К столу вышел высокий тощий капитан медицинской службы. Я с ним не сталкивался ни разу. Помощь после ожогов мне оказывал наш батальонный фельдшер гвардии старший лейтенант медицинской службы Ванюшка Паньков. Славный парень. Доктор стоял у стола и читал бумагу. В результате полового акта от шейки матки был оторван задний свод влагалища, инфекция оттуда попала в брюшную полость, начался перитонит – воспаление брюшины. С этим диагнозом он отправил пострадавшую в медсанбат 184-й стрелковой

дивизии. Там её срочно прооперировали и эвакуировали во фронтальной госпиталь. Но по пути в госпиталь она умерла.

– Вопросы будут? – спросил майор.

Вопросов не было.

– Ну что же, – продолжил смерш, – мы должны осудить фактическое убийство гвардии младшего сержанта Осиповой гвардии лейтенантом Ермолаевым. Я думаю, что нам следует сформулировать меру наказания.

– Дайте Саше объяснить, то есть, гвардии лейтенанту Ермолаеву, – из первого ряда сказал начальник штаба бригады, гвардии подполковник.

– А что может сказать преступник? – возразил смерш.

– Простите, майор, но вы сказали, что это суд чести, то есть суд, а не решение вашей службы. Не так ли? А на суде подсудимый имеет право на объяснение своих действий, своего поступка. Не так ли?

– Ну что ж, гвардии лейтенант Ермолаев, что вы можете сказать?

Саша встал. Господи, как он выглядел! Бледный. Мешковатость удвоилась. Ноги, казалось, не держали его. Он начал говорить, заикаясь, с трудом выдавливая из себя слова.

– Ну ... значит ... я не приставал к Даше ... значит... к гвардии младшему сержанту Осиповой. Она это ... заигрывала со мной. Я всё время, значит, старался уйти, а она приставала. А в тот день я зашёл в их помещение по приказу товарища гвардии подполковника ... это... взять карты, значит. А там была Даша, то есть, гвардии младший сержант Осипова и две связистки. А она им сказала что-то принести. Ну, они, значит, засмеялись и ушли. Я, значит, взял карты и, это, пошёл к двери. Но Даша, то

есть, гвардии младший сержант Осипова остановила меня. Она стала, это ... ну ... значит ... стала там гладить. А потом, значит ... ну, это ... простите, но не могу об этом говорить...

– А вы говорите, раз уж начали, – сказал майор.

Саша потоптался и продолжил, смущаясь всё больше и больше.

– Ну, значит, она расстегнула ширинку, значит ... и кальсоны Ну и ... нет, я не могу.

– А убить воина Красной армии вы могли? Чего же говорить не можете?

– А потом делала такое ... значит ... и при этом стонала, и кричала, и удивлялась и говорила, что даже не представляла себе ... это ... такой, мол, радости для себя. Ну ... это ... я же живой человек. И я до того ещё не видел голый девушки. И тогда она легла, значит, и потащила меня на себя. Я и сейчас не знаю, как я, значит, как я вошёл. Это ... ну ... это ... это она направила. Это же ... ну ..., это же у меня первый раз было. Ну, как это объяснить? Ну, уже будто не я это делаю. Ведь я раньше ещё никогда не испытывал такого ... ну, как это объяснить ... такого, значит, удовольствия. Тут она как закричит! Но ведь она и до этого, значит, кричала. До того, как я ... это ... нажал. Поэтому я ... ну, значит ... это ... не обратил внимания. А потом смотрю, а она уже без сознания. Я тут же, это, побежал к гвардии капитану медицинской службы. А к товарищу гвардии, значит, подполковнику пришёл без карт, забыл я ... ну растерялся и оставил там, в комнате у связисток ... рассказал ему, что случилось. Ну и...

Саша замолчал, испугано переводя взгляд с подполковника на смерша.

За окнами на малых оборотах фырчал дизель тридцатьчетвёрки и раздавались удары кувалды по тракам гусеницы. Звуки эти сгущали гнетущую тишину зала. Я посмотрел на Антона, на мудрого человека. Таким я считал его. Он был почти на десять лет старше, лет около двадцати девяти. Всегда спокойный, выдержанный. Может быть, поэтому, не заводился с пол-оборота, как я. Антон дал мне рекомендацию в партию. Сейчас он понял, почему я посмотрел на него. Он кивнул и прошептал: «Давай. Иди. Ты грамотнее – скажешь лучше меня».

В этот момент я забыл о крутой дуге вокруг начальства и попросил слова. Комбриг и все его соседи оглянулись и посмотрели на меня.

– Ну что ж. Слово имеет гвардии лейтенант... гвардии лейтенант...

– Гвардии лейтенант Ион Деген, – не без раздражения подсказал командир бригады.

– Да-да, запомятовал. Гвардии лейтенант Деген. Не надо с места. Давайте сюда, к столу.

Знаете, страшно бывает перед атакой – в бою уже не до страхов. Времени для них нет, надо работать. Каждый член танкового экипажа тяжело работает в бою. Вот так и здесь. Может быть, какой-то страх ещё и оставался, пока я шёл по проходу, но у стола я уже полностью избавился даже от почитания больших звёзд. Тем более, что и командир бригады, и начальник штаба смотрели на меня с явным одобрением. Я не знал, что такое свод влагалища. Я не знал, что такое шейка матки. Я не знал, что значит перитонит. Но я твёрдо знал, что Саша не виноват. У меня в этом не было сомнения.

– Товарищи офицеры. Александра Ермолаева гвардии лейтенант Сердечнев и я знаем почти два года. Знаем как человека благородного, правдивого и чест-

ного. Всё, что он сейчас рассказал, не подлежит сомнению. Около года мы вместе были в танковом училище. За всё это время Ермолаев ни разу не был в нашем клубе на танцах. Саша и близко к женщинам не подходил. Тридцатьчетвёрку я знаю лучше, чем строение человека. Но из доклада товарища гвардии капитана медицинской службы я понял, что у гвардии младшего сержанта Осиповой произошла травма в связи с несоответствием размеров. Тут я хочу обратиться к товарищу гвардии майору, – я посмотрел на смерша, – и спросить, известно ли ему, что Ермолаев болен булимией и официально получает два пайка, но и этого ему не хватает? Есть у Ермолаева ещё одно, если можно так выразиться, несоответствие. Простите мне, товарищи офицеры, но у Саши этот самый, ну, как его, член, половой член невероятных размеров. И тут гвардии младший сержант Осипова захотела, не знаю, как выразиться... В общем, вы понимаете. Это примерно то же, что на тридцатьчетвёрку установить пушку-гаубицу калибром 152 миллиметра.

В зале раздался смех. Улыбнулись и все сидевшие в первом ряду.

– Поэтому я не понимаю, за что судят гвардии лейтенанта Александра Ермолаева.

Я пошёл к своему месту. Офицеры, сидевшие у прохода, пожимали мне руку. Антон полуобнял, не сказав ни слова. Тут снова заговорил смерш:

– Выступление гвардии лейтенанта Дегена я считаю безответственным. Вот у гвардии лейтенанта Ермолаева есть пистолет. Допустим, при чистке пистолета он случайно выстрелит и убьёт товарища. Так что, он суду не подлежит, потому что убил неумышленно? Так вас надо понимать, товарищ гвардии лейтенант? Надо отдавать себе отчёт о своём личном оружии. И надо отдавать

себе отчёт, о чём вы говорите. И если у гвардии лейтенанта Ермолаева половой член, как вы выразились, как пушка-гаубица, то надо к своему оружию относиться ответственно. Ещё кто-нибудь хочет выступить?

Поднялся гвардии подполковник, начальник штаба бригады.

– Товарищи офицеры. Не хочу злоупотреблять своим положением, должностью и давить на вас этим. Гвардии лейтенанта Александра Ермолаева я знаю меньше, чем знают его Деген и Сердечнев. Но одно могу сказать – не было у меня ещё такого дисциплинированного, исполнительного и скромного командира танка, как Ермолаев. Я получил данные о нём из штаба 107-ой танковой бригады, в которой он воевал до ранения. Лучшей характеристики на боевого командира не придумаешь. Кстати, Саша, из 107-танковой бригады сообщили, что ты награжден орденом Красной звезды. Поздравляю тебя.

Гвардии подполковник сел на место. Я уже успокоился. Решил, что этим всё завершится. Но у смерша было другое мнение. Преступление гвардии лейтенанта Ермолаева подпадает под статью уголовного кодекса, по которой в лучшем случае ему полагается десять лет тюремного заключения. Но из уважения к командиру бригады и начальнику штаба он согласился не предавать преступника суду, а провести суд чести. К сожалению, офицеры бригады почему-то остались безучастными к совершённому преступлению и даже не осудили гвардии лейтенанта Ермолаева. А выступление этого офицера из второго батальона вообще было безответственным. Если бы не его глубокое уважение к обратившимся к нему офицерам, десять лет тюрьмы гвардии лейтенанту Ермолаеву сейчас, в военное время заменили бы штрафным батальоном, в котором он кровью

должен был бы смыть свою вину. Поскольку в танковом экипаже возможности смыть кровью свою вину не меньше, чем в штрафном батальоне, он, явно нарушая своё служебное положение, считает, что можно ограничиться переводом гвардии лейтенанта Ермолаева в боевой экипаж.

На этом завершился суд чести. Саша подошёл к нам, и, не промолвив ни слова, обнял меня и Антона. Мы возвращались в расположение батальона. Холодный косой дождь, казалось, утяжелил танкошлем. Мы скользили по раскисшей глине. Командир батальона гвардии майор Дорош положил мне руку на плечо:

– Спасибо, Счастливчик. Мужество в бою не самое главное мужество.

Помолчал и почти шёпотом добавил:

– Ну и говно же он. Надо было ему устраивать этот цирк ...

Я не стал спрашивать, кого он имел в виду. Сашу перевели командиром танка в первый батальон. В начале зимнего наступления он сгорел вместе со всем экипажем.

P.S. Я не заметил, в котором часу начал писать этот рассказ. Он выплеснулся в один присест. Я едва успевал записывать. Проще было бы, владей я стенографией. Случайно ли это? Я не верю в случайности. Сегодня, 21-го января, исполнилось ровно 64 года со дня моего последнего ранения, которое врачи назвали смертельным. Это случилось через четыре или пять дней после гибели Саши Ермолаева. А в 1975 году с женой и сыном мы приехали в город Нестеров Калининградской области, бывший немецкий Эйдкунен в Восточной Пруссии. Симпатичный майор-военком положил передо мной книгу захоронений в Нестеровском

районе. Толстая книга. Все погибшие были перезахоронены в братской могиле. В списке среди многих знакомых фамилий я нашёл гвардии лейтенанта Александра Ермолаева. И надо же! Оказалось, что он погребён в могиле, в которой по ошибке похоронили и меня ещё до того самого суда чести. А вспомнил я об этом почему-то, уже закончив рассказ.

2009

ЛЕТО ПОСЛЕ ДЕСЯТОГО КЛАССА

Когда началось это лето? На выпускном вечере? На дневном сеансе в полупустом зале кино? Как чётко и ясно всё на радиосхеме – лампы, конденсаторы, сопротивления, трансформаторы, контакты, питание. А тут никакой ясности. Когда это началось? Как? Может быть, в тот день, когда Леся Петровна впервые вошла в их класс? "Первое сентября, первый день календаря". Первый урок органической химии.

Две новых учительницы, химичка Леся Петровна и русачка Лариса Павловна, появились у них в десятом классе. Две Л.П. Две очень красивые женщины, свеженькие выпускницы университета. С классом они состыковались мгновенно. Тому было две причины. Первая – относительно незначительная разница в возрасте, при этом Л.П. не становились на ходули. Вторая – их знание предмета и юношеская увлечённость им. Класс немедленно признал их своими. Обе почти одновременно выделили из класса Бориса. Почему? Пять мальчиков в классе шли на золотую медаль. Радиолобительство не имело ничего общего ни с химией, ни с русской литературой. Девицы, а у некоторых из них уже был весьма определённый опыт, многозначительно объясняли Борису, что обе Л.П. проявляют к нему не вполне педагогический интерес. В классе действительно хватает смазливых ребят, но пойдя пойми, как и почему выбирают. У Бориса ещё не было опыта его одноклассниц. Он только краснел и вспоминал давнюю историю.

В седьмом классе математику у них преподавала Нина Яковлевна. Хорошая была математичка. Особенно любил Борис уроки геометрии. Но, стыдно признаться,

он, только лишь приближавшийся к своему пятнадцатилетию, влюбился во взрослую женщину. Нине Яковлевне было никак не меньше двадцати шести. Шутка ли – чуть не вдвое старше его! Никто, конечно, даже не догадывался о его влюблённости. Единственным человеком, умевшим выслушать всё, была бабушка. Но ведь и ей не расскажешь о безумных снах, в которых всегда появлялась Нина Яковлевна, о сновидениях, после которых утром он тайком уничтожал постыдные следы на простыне, а потом на уроках Нины Яковлевны сжимался в клубок, как ёжик. Ему казалось, она знает, что произошло между ними ночью. Она стояла у доски и рассказывала о параллельных прямых. А он смотрел на параллельность её красивых сильных икр, на чуть скошенные внутрь носки – она смешно скашивала внутрь стопы, когда стояла у доски. Он боялся поднять глаза, потому что воображение немедленно дорисовывало продолжение этих прекрасных голеней и у него начинала кружиться голова. А когда они случайно сталкивались взглядами, Боря видел, как в её огромных зелёных глазах, подтрунивая и поддразнивая его, бесились весёлые чертики.

Боря был лучшим математиком в классе. И чертил хорошо. И в надзоре не нуждался. Но однажды в марте Нина Яковлевна подошла сзади к парте и стала внимательно рассматривать его тетрадь. Она наклонилась и оперлась правой рукой о парту. Грудь её, большая, упругая, изумительная, прикоснулась к его плечу. Боря стиснул зубы. Он чувствовал, что сейчас взорвется и будет ужасно, если она заметит. А как не заметить? Ведь она смотрела сзади вниз и могла увидеть, что творится с ним под партой.

Несколько дней какое-то незнакомое томление не покидало его. В таком состоянии он пребывал, даже

собирая семиламповый приемник. А ведь раньше стоило взять в руки паяльник и окружающий мир переставал существовать.

Он ждал уроков математики и боялся их. У Нины Яковлевны появилась привычка рассматривать лежащую на парте тетрадь, грудью прикасаясь к его плечу. Бориса уже не беспокоило, что она может увидеть творящееся с ним под партой.

Иногда он с опаской вглядывался в лица одноклассников. Не заметили ли они? Нет. Всё шло своим чередом. Класс был потрясен смертью товарища Сталина. Через месяц отпраздновали Борин день рождения. Пятнадцать лет. На носу экзамены. Нет, никто ничего не мечтал. Правда, на первомайской демонстрации сидевший за ним Ленька, верзила, дважды остававшийся на второй год, – он уже брился, – так, вскользь сказал Борису:

– Слышь, Борь, а Нинка наша хочет, чтобы ты её поимел.

Борис густо покраснел и отошёл к группе одноклассников. Больше Лёнька с ним об этом не заговаривал. Забыл, наверное – он всё забывал, этот непробиваемый второгодник. Но Борис не забыл. Раньше такое и в голову ему не пришло бы, а сейчас он не мог заставить себя не мечтать об этом. Да тут ещё перед самыми экзаменами Нина Яковлевна встретила его в коридоре и, ласково охватив рукой его спину так, что её грудь снова прикоснулась к нему, предложила прийти к ней домой, если у него возникнут какие-нибудь неясности.

– Ты ведь знаешь, где я живу?

Он кивнул. Он знал, где она живёт. Он только внезапно забыл, где он сейчас находится. Чуть ли не сутки он отыскивал какую-нибудь неясность в алгебре или геометрии.

На следующий день после разговора в коридоре Борис пошёл домой к Нине Яковлевне с придуманными вопросами. Он нажал на кнопку вызова лифта. Сердце, как подвешенный на резинке шарик, бешено металось между пахом и горлом. Он знал, что муж Нины Яковлевны, офицер, уже больше месяца находится в лагерьях со своей частью. Из лифта вышла старушка. Она внимательно оглядела Бориса. Он почувствовал, как лицо его наливается краской, вошёл в лифт и вместо пятого этажа нажал кнопку второго, спустился и что есть духу помчался домой.

А потом были экзамены и каникулы. В восьмом классе у них уже была другая математичка. Мужа Нины Яковлевны повысили в звании и перевели в какую-то важную часть. Она уехала вместе с ним. Немало времени прошло пока Борис перестал ощущать одуряющее прикосновение к правому плечу. О Нине Яковлевне он вспоминал изредка, перед сном или утром, когда так не хотелось вылезать из-под одеяла.

Новая русачка, Лариса Павловна, воскресила в нём тоску о несостоявшемся. Очень она напоминала Нину Яковлевну. До десятого класса Борис не любил уроков литературы – ни русской, ни украинской. Он считал их пустой тратой времени. Добросовестно прочитывал тексты в хрестоматии. Рекомендованные книги просматривал по диагонали. Любил хорошую поэзию и без усилий запоминал стихи. Но на кой чёрт нужны много-речивые пейзажи Тургенева, если можно сказать "лесов таинственная сень с печальным шумом обнажалась"? Всего семь слов, а сколько в них информации! А музыка какая! Уже в девятом классе он решил, что из всей художественной литературы следует оставить только поэзию. Она напоминает электронику. Размер и рифмы ограничивают расползание. Они, как параметры ламп и

конденсаторов, требуют чёткой схемы. Ну а заполнение схемы полноценными деталями, словами-образами – это от бога.

Лариса Павловна становилась ещё красивее, когда урок был посвящён поэзии. Однажды, войдя в класс и едва успев положить журнал и портфель на стол, она возбуждённо начала рассказ о стихотворении Маяковского, которое никогда не было опубликовано. Подлая баба утаила его из чувства ревности, преобладавшим над обязанностью отдать читателям замечательное творение поэта. Здорово Лариса прочитала "Письмо Татьяне Яковлевой"! Борису казалось, что она читает лично ему. Когда в невероятной тишине прозвучало "Иди сюда, иди на перекресток моих больших и неуклюжих рук", он вдруг почувствовал на своих руках стройное тело Ларисы Павловны. Или Нины Яковлевны? Он их почему-то отождествлял.

Но сейчас, два с половиной года спустя после того обжегшего его прикосновения, в душе Бориса появился непонятный новый чистый контур с многими каскадами усиления. Он преобладал над более примитивным, плотским, настроенным на частоту Нины Яковлевны и Ларисы. Бориса даже угнетала вина – как это в нём может гнездиться такой порочный контур?

Когда Леся Петровна входила в класс и тёплым голосом, которому особую прелесть придавало мягкое Л, овеществляла двойные связи альдегидов и кетонов, когда, застенчиво одёргивая платье, под которым угадывалась такая же красивая, как её почти детское лицо, фигура, писала на доске формулы реакций, Борис чувствовал сладостный ток, протекающий по этому недавно возникшему контуру, абсолютно не похожему на тот порочный. Он не призывал её в свои сны. Он пред-

ставлял себе её не так, как Ларису. Ему просто было сладостно слышать её добрый голос, видеть её мягкую красоту, знать, что она есть.

Какие чувства, какой ураган разбушевался бы в нём, услышь он, о чём она и Лариса говорят в учительской! Он узнает об этом спустя много лет, а воспоминания о лете после десятого класса воскресят в его душе тепло и тоску о несбывшемся. Перед концом третьей четверти до него дошли отголоски разговора Леся Петровны с украинкой. Не просто разговора – баталии. Кто мог бы подумать, что такая деликатная, такая мягкая Леся Петровна способна на такое?

Украинка его недолюбливала. Она вообще не жаловала евреев. Поэтому Борис, преодолевая своё отношение к предмету, готовился к занятиям по украинской литературе основательнее, чем к физике, тригонометрии и даже полюбившейся химии. Трудно объяснить, каким образом при отношении Бориса к литературе его сочинения отличались неученической зрелостью, иногда даже профессионализмом опытного критика. Порусски и по-украински он писал без ошибок – ошибку у него последний раз обнаружили во время диктанта в восьмом классе. И вдруг за сочинение украинка поставила ему тройку. Это была серьёзная угроза медали, тем более, что за всю четверть она ни разу его не вызывала и тройка была единственной оценкой. Борис ни слова не сказал, получив свою тетрадь. И позже посчитал ниже своего достоинства жаловаться.

Но Леся Петровна увидела оценку в классном журнале. С несвойственной ей твёрдостью она подошла к украинке.

– Вероятно, вы спутали его сочинение с каким-нибудь другим. Я надеюсь, что вы снова проверите работу и исправите оценку.

– Вы, девочка, ещё не доросли делать мне замечания. Только жидовских защитников нам здесь и не хватало!

Лесья Петровна побелела. С ненавистью посмотрела на украинку, но сказала очень спокойно:

– Я не собираюсь переубеждать вас или просить изменить мировоззрение. Но оценку вы измените не медленно. В противном случае у вашей племянницы в третьей и четвёртой четверти по химии будет тройка. Причём, если исправить оценку за сочинение сможет беспристрастный эксперт, то оценку по химии подтвердит любая комиссия.

У той лицо исказилось от злости и даже слёзы блеснули в свинцовых глазах. Как она ненавидела эту химичку! А ещё стопроцентная украинка. Но она тут же исправила оценку в журнале на «отлично». Что ей оставалось делать? Не было сомнений в том, что эта тихоня выполнит угрозу. В параллельном десятом классе училась её племянница. Всеми правдами, а больше неправдами её тянули на серебряную медаль. Во время стычки Леси Петровны с украинкой в учительской никого не было. Но в тот же день смазливая толстушка Оля, сидевшая с Борисом за одной партой и чуть ли не с первого дня занятий в десятом классе безуспешно подбивавшая его проявить активность, с деланным равнодушием сказала:

– Обе Л.П. закрывают тебя своим телом, как амбразуру. Интересно, которая из них лишит тебя невинности.

Как обычно в таких случаях, Борис хотел отвернуться, но Оля рассказала ему, что произошло в учительской.

– Откуда ты знаешь?

– Не твоё собачье дело.

На следующий день Борис увидел в журнале исправленную оценку. Лесю Петровну он встретил на лестнице, уходя из школы. Он ничего ей не сказал – только замедлил шаг, почти остановился и, посмотрев на неё, молча, где-то в глубине души произнес всё, что хотел бы сказать. Она улыбнулась и кивнула ему. Борису показалось, что он услышал её ответ. Он очень удивился, потому что в этом ответе звучали слова, произнесенные им.

Из школы Борис поехал к чёрту на кулички ремонтировать телевизор. Уже больше года он подрабатывал починкой электронной аппаратуры и гордился тем, как легко и быстро разобрался в монтажной схеме относительно недавно появившихся телевизоров. Большой ящик с маленьким экраном, но какой прогресс электроники, какая чёткая картинка! Он не сомневался в том, что экраны станут большими, а со временем даже цветными. В общих чертах он представлял себе, каким путём следует идти к решению этой проблемы. Но даже телевизор – пустяк в сравнении с тем, чем электроника одарит человечество. И хотя в недавно изданном "Философском справочнике" писалось, что кибернетика – буржуазная лженаука, Борис был уверен в том, что с электроникой и с этой наукой, как бы её ни порочили, связано его будущее.

Красивая весна была в этом году. Может быть, она всегда была красивой, но только сейчас открыла Борису свою красоту? В природе и в нём царила совершеннейшая уравновешенность. Просыпаясь утром, он мысленно посылал Лесе слова любви и обожания. Нет, не слова. Частотный генератор в его душе или в мозгу излучал потоки волн, которые не могли не быть восприняты ею. Эти волны вовсе не должны трансформиро-

ваться в слова. Ведь словами музыку, например, не опишешь. Тогда, на лестнице в школе, он сердцем узнал, что они обладают контурами, настроенными на одну частоту.

Через несколько дней начнутся выпускные экзамены. Естественно, это не могло не волновать его, слегка нарушая равновесие. Он знал свою силу, знал, что подготовлен основательно, что перед каждым экзаменом подготовится ещё лучше. Но мало ли подводных рифов на пути к заветному радиофизическому факультету. Была же история с украинкой.

Дома никто никогда не вмешивался в его школьные дела. Мама всегда была занята: работа плюс младшая сестричка – ребёнок от второго брака. Отчим вообще не занимался им. Только бабушка, самый близкий человек, беспокоилась о том, чтобы он был сыт и ухожен. Не всегда ей это удавалось, но не было в том её вины.

Он запомнил серый зимний день, хотя сейчас знал, что это случилось в начале октября (ему было три с половиной года, но он, кажется, понимал, когда взрослые говорили, что бои идут под Москвой). Почтальонша принесла в их лачугу похоронку на отца. Лейтенант, командир стрелковой роты, погиб в бою за Родину. Настоящий смысл этих слов дошёл до его сознания много позже. А тогда был обледенелый рукомойник, снег на пимах почтальонши, душераздирающий крик мамы и тихие слёзы бабушки.

Он почти не помнил отца. А то, как они голодали в эвакуации в Сибири, да и потом в родном городе, помнил отчётливо. Мама вышла замуж. Стало сытнее. Любостью его одаривала бабушка, добрая бабушка с миллионом еврейских притч и анекдотов на все случаи жизни.

Накануне экзамена по химии Борис попросил бабушку купить цветы. Она и раньше покупала. Было принято приносить учителям цветы в день экзамена. Но никогда ещё у Бориса не было такого букета. Красные розы с бархатными лепестками казались чуть ли не чёрными. Бывает же на свете такая красота! Бабушка! А ведь он ей ничего не сказал. Откуда она знала, что нужны именно такие цветы?

Оля ахнула, увидев букет. Даже ребята бурно отреагировали на эту красоту. А Леся Петровна так посмотрела на него, что всё на миг исчезло и только они вдвоём остались во всей вселенной.

На выпускном вечере ему вручили золотую медаль. Все поздравляли его. А потом были танцы. Он почти никогда не танцевал и сейчас не стал бы, но Оля силой потащила его в центр спортивного зала. А потом был дамский вальс и его пригласила Лариса Павловна. Он танцевал, стараясь не чувствовать себя не в своей тарелке.

– Смелее, увалень, – сказала она, – и пригласи Лесю.

Он вопросительно посмотрел на русачку. Она рассмеялась и оставила его среди танцующих пар.

Он вдруг почувствовал себя так, как в лифте в доме Нины Яковлевны. Он шёл приглашать Лесю по колеблющемуся полу. Впервые он держал её руку в своей руке и осторожно прикоснулся к талии. Он держал её как с трудом приобретенную дефицитную электронную лампу. Она тоже сказала ему: «Смелее». Он сильнее охватил её талию. Трудно было представить, что ток, идущий от ладони, от прикосновения к нежной теплоте, может быть таким сладостным. В какой-то момент во всеобщей толкучке он словно случайно привлёк её к

себе. Он даже не успел удивиться её податливости, потому что снова, как тогда, когда он преподнёс ей букет, они остались одни во всей вселенной.

Уже смелее Борис пригласил её на танец.

– Дорогая Леся Петровна, – невольно он произнёс "дорогая" так, что слово полностью соответствовало истинному смыслу, а не было частью официального обращения, – Я вам так благодарен за всё! Я сейчас самый счастливый человек на свете.

Рука на талии дополнила произнесенную фразу:

– Единственное, что меня огорчает, это расставание с вами.

– Нам вовсе не обязательно расставаться.

Он слегка отстранился, чтобы увидеть её лицо. Она улыбнулась и кивнула утвердительно. И уже не он, а она, воспользовавшись теснотой на танцевальной площадке, прильнула к нему, и он чуть не перестал танцевать, потому что... потому что... Но она прижалась к его твёрдости и на какое-то мгновение стала ведущей в танце.

– Не смущайся, родной, всё в порядке. Я рада этому.

Он не помнит, как закончился выпускной вечер. Ему так хотелось проводить её. Но ведь одноклассники могли заподозрить... По традиции все решили пойти на набережную встречать рассвет. Он боялся не за себя. Ему было страшно скомпрометировать любимого человека.

На следующий день, за добрый час до того, как учителя уходят с работы, Борис выбрал скамейку на бульваре – наблюдательный пункт, позволявший ему следить за каждым появившимся в дверях школы.

Сердце невыносимо заколотилось, когда на широкую лестницу подъезда вышла группа учителей. Леси

Петровны не было среди них. Он увидел её вместе с Ларисой Павловной несколько минут спустя.

Стараясь остаться незамеченным, Борис пошёл вслед за ними по бульвару. Л.П. остановились на перекрёстке. Он знал, что Лариса сейчас свернёт налево, а Леся Петровна пойдёт на остановку трамвая, спускающегося к реке. Он не знал, где она живёт, но этот отрезок маршрута был известен ему, как схема детекторного приемника. Они ещё продолжали разговаривать, когда прошел её трамвай. Борис несколько успокоился, поняв, что у него будет время перехватить Лесю Петровну на остановке. Л.П. распрощались.

Борис вышел из-за укрытия, пересёк бульвар и догнал Лесю Петровну за несколько метров до остановки. Она улыбнулась, увидев его, и подала ему руку. Он взял у неё портфель и несмело предложил:

– Леся Петровна, пойдёмте в кино.

– Пойдём.

Они пошли в кинотеатр. Не тот, который возле школы. Зал был почти пустым. Шёл киножурнал. Леся Петровна усадила его рядом с собой в последнем ряду. Здесь они были одни. В нескольких рядах перед ними – ни одного человека. Ни названия фильма, ни даже о чём фильм Борис не помнил. Он вообще не смотрел на экран. Только на неё, на это лицо, прекраснее которого для него не существовало. И она смотрела на него. В слабом мерцающем свете он видел её улыбку. Ему так хотелось прикоснуться к её источнику – огромным глазам, сейчас казавшимися чёрными, к полуоткрытым губам. Но смел ли он прикоснуться к божеству?

В какой-то момент она взяла его руку и стала нежно перебирать пальцы. Он млел, как во сне, когда парил над землей. Потом она положила его ладонь на своё колено. Он замер. Он затаил дыхание. Он сидел,

как в каталепсии, не в силах шевельнуться и не имея сил оторвать ладонь от этого изумительного колена.

Кончился сеанс. Она с тревогой посмотрела на часы.

– Я, кажется, сошла с ума. Ох и достанется мне от мамы!

Они мчались к трамвайной остановке. Трамвай. На площади пересели в другой. Вот когда он узнал, что значит у чёрта на куличках. Вовсе не его случайные клиенты, к которым он добирался на троллейбусе за двадцать-тридцать минут. Во втором трамвае они ехали больше часа. Она внимательно оглядела немногочисленных пассажиров и только после этого прижалась к нему. Он готов был ехать так всю жизнь и слушать её рассказ о себе.

В университет она поступила сразу после окончания школы. Только в декабре ей исполнилось восемнадцать. А уже к концу первого курса сдуру вышла замуж. Он хороший человек. Инженер-химик. На десять лет старше. Тогда он показался девчонке существом из другой галактики – уйма знаний, интеллект... Через год у них родилась дочка. Леся не пропустила ни одного дня в университете. Человек из другой галактики оказался односторонним технарем и к тому же обывателем и эгоистом. Беременная студентка, а потом кормящая мать должна была обслуживать его, как прислуга. Девичьи романтика и влюблённость испарились. К окончанию университета в душе образовался невыносимый вакуум. И вдруг случилось невероятное. Её неудержимо потянуло к...

– Ты понимаешь, через сколько препятствий потянуло меня, дурную? Мальчик. На пять лет моложе меня.

– На четыре года и даже меньше четырёх месяцев.

– Мой ученик. А ведь педагог ограничен определёнными моральными рамками. Замужняя женщина с ребёнком. Совсем очумела.

Борис нежно поднес к губам её руку. Трамвай остановился на кольце. Рассказ Леси Петровны настолько поглотил его, что он не заметил, как несколько километров они ехали сквозь сосновый лес. Сейчас Борис стоял, не понимая, от чего он пьянеет – от густого запаха пропалённой солнцем хвои или от присутствия любимого существа. От последней остановки до села, в котором жила Леся Петровна, чуть больше полукилометра. Она попросила не провожать. Ещё несколько дней они смогут встречаться после работы. В отпуск она уйдёт только первого июля.

На следующий день он ждал её на трамвайной остановке недалеко от школы. И снова тот же маршрут. Но сейчас он увидел, как красива пуща с вкрапленными в неё дачами и санаториями. Они вышли на последней остановке и углубились в лес.

Подлесок между стволами старых сосен надёжно отгораживал их от остального мира. Опавшая хвоя мягко пружинила под ногами. Она обняла его и осторожно прикоснулась губами к его губам. Впервые он целовал женщину. Как тогда, во время танца на выпускном вечере, она прижалась к его твёрдости, едва покачивая бедрами. Это волшебное трение сводило его с ума.

– Осторожней, родной, задушишь.

Он снял тенниску и застелил ею хвою. Леся Петровна опустила её и привлекла его к себе. Он целовал её и гладил, сквозь тонкую ткань платья ощущая сказочность её тела. Рука его оказалась под платьем. Ладонь

скользила по изумительной гладкой нежности, проскользнула под резинку трусиков, крепко сжала плотную прелесть ягодицы. Это было пределом. Она извивалась. Едва слышный стон вырвался, когда открытым ртом схватила его губы и вся прижалась таким желанным и желающим телом. Он с трудом оторвался, чтобы расстегнуть брюки. И снова рука под платьем. Она уже не прижималась, а вдавливалась в него. И вдруг резко отстранилась, осторожно отвела его руку, снимающую трусики, и, задыхаясь, прошептала:

– Не сегодня, родной.

Ничего не понимая, он посмотрел на неё, пылающую желанием.

– Сегодня нельзя.

Он не стал задавать вопросов. Каждое слово, каждый звук изрекались божеством. Ему, смертному, оставалось только повиноваться.

В трамвае по пути домой он восстанавливал и снова переживал каждое мгновение в лесу, подаренное ему судьбой.

Два следующих дня были точным повторением первого дня в лесу. Она позволяла ему всё. До определённого предела. При всей неопытности он понимал, что она желает нисколько не меньше, чем он. Тем непонятнее было её внезапное отрезвление в момент кульминации и это вымученное, мягкое, но такое непререкаемое "Не сегодня, родной".

В начале июля он дважды приезжал на их место в лесу. Хотя до условленного времени оставалось ещё около получаса, она уже ждала его. В третий раз трамвай напоминал подводную лодку. Верхушки сосен с трудом поддерживали готовое рухнуть небо, низвергавшее водопады. Молнии сверкали непрерывно. Он был уверен, что Леся не придёт. Но и сейчас она уже ждала его,

укутанная в просторный мужской плащ. По пути от остановки трамвая он промок до нитки. Распахнув плащ, она прижала его к себе.

Борис рассказал, что подал документы на радиологический факультет университета. Она пожелала ему удачи и пообещала приходить сюда в дни, когда не будет дождя.

У неё не было телефона. Ближайший автомат на конечной остановке трамвая. У него телефон в коридоре коммунальной квартиры. Приходить в село Леся категорически запретила, но пообещала что-нибудь придумать, чтобы встречи не зависели от погоды.

Как на грех, всю неделю хлестали дожди. В первый погожий день он приехал на полчаса раньше условленного времени. Она пришла почти вслед за ним. Они обнялись и поцеловались, но возможности распалить себя она ему не дала. Обстоятельства сложились так, сказала она, что почти на месяц им придётся расстаться. Они уезжают в отпуск к родителям мужа. Надеется вернуться в середине августа и позвонит.

Борис почувствовал себя покинутым ребенком. Не проронил ни звука. Она безошибочно поняла его состояние и, утешая, прижалась к нему. И снова всё, как обычно. И снова непонятное "Не сейчас, родной". И уже перед самым расставанием она как-то странно, необычно посмотрела на него и грустно сказала:

– Я так тебя хочу! Я так хотела бы от тебя сына!

Он рванулся к ней, но она отрицательно качнула головой.

– Нет, любимый, иди.

Мир опустел без поездок в лес, ставших частью самого необходимого человека. Ум старался уравновесить потерю пониманием того, что пять-шесть часов, которые занимала поездка, окажутся приобретением в

пору подготовки к конкурсу медалистов. На двадцать пять мест подали документы семьдесят человек.

Письменный экзамен по математике показался Борису почти примитивным. Уже через два часа и двадцать минут (на экзамен полагалось четыре часа) он отдал законченную и тщательно проверенную работу. Только один медалист, мальчишка с ярко выраженной еврейской внешностью, сдал работу минут на пять раньше его. После письменного экзамена в списке осталось всего тридцать восемь медалистов. Бориса очень удивил такой отсев. Экзамен ведь был лёгким. Тем более возросла его уверенность в том, что он будет принят в университет.

На устном экзамене всё шло гладко, как и на письменном. Но от Бориса не укрылось нетерпение, даже раздражённость экзаменатора, не находившего слабых мест в обороне экзаменуемого. После точного и чёткого ответа на вопрос, сколько возможностей построения шеренги из восьми человек, при том, что один и тот же всегда будет крайним, экзаменатор вдруг спросил:

– А кто написал оперу "Богдан Хмельницкий"?

Возможно, Борис вспомнил бы фамилию композитора, но, застигнутый врасплох, ответил:

– Не знаю.

– Вот как? А кто написал произведение, по которому написана опера?

– Не знаю.

– А музыку вы любите?

Борис любил музыку. Он помнил большие фрагменты симфонических произведений. Ему нравились Гудмэн и Миллер. Ему нравились хороший джаз и му-

зыка многих народов. Но чтобы пресечь не имевшие никакого отношение к математике вопросы, он односложно ответил:

– Нет.

– Вот как? А хотите попасть на радиофизический факультет...

Дома он ничего не рассказал, но бабушка обняла его так, как обнимала всегда, когда у него в душе скребли кошки. Как хорошо было бы сейчас прижаться к Лесе...

В списке поступивших Борис себя не нашёл. Мальчишка с еврейской внешностью тоже отошёл от доски объявлений обескураженным. Так они и не познакомились.

Несколько дней Борис не выходил из дома. Ждал телефонного звонка. Потом устроился на работу в бригаду путейцев-ремонтников. Вечерами возвращался домой измочаленным, со стонущими от боли мышцами. Ведь в бригаде он тоже должен был быть таким, как в школе – первым. Он вопросительно смотрел на бабушку и она беззвучно отвечала ему. Звонков не было. Борис почему-то был уверен в том, что бабушка знает, от кого он ждёт звонка.

Как-то вечером, накладывая ему компресс (головка костыля, которым приколачивают рельс, отскочила и ударила по колену), она вдруг сказала:

– Внучек, если ты ждешь звонка от той, для которой я купила розы, так ты лучше не жди. Хватит тебе цурыс⁴ с университетом. Может, я старая и глупая женщина и вообще ничего не понимаю, но лучше тебе было сразу уехать и поступить в институт, а не ломать спину в этой бригаде и ждать прихода Мессии.

⁴ Цурыс, цорес (идиш) – беда, горе, несчастье (В.К.)

Бориса не удивила пронизательность бабушки. Но бабушкино пророчество его, привыкшего верить ей, испугало. Он поцеловал её, не проронив в ответ ни слова.

Начался учебный год. Смазливая толстушка Оля, которая иногда приходила к нему по вечерам и мешала сосредоточиться, когда он копался в схеме, рассказала, что в школе появились новые учителя. Лариса Павловна работает по-прежнему. А Леси Петровны нет. Говорят, она перевелась в другую школу, а может быть, даже уехала в другой город.

Бабушка не понимала, почему он считает Олю толстушкой. Она действительно кругленькая, но у неё очень красивая фигура, не говоря уже о личике. Борис не возражал. Это не имело значения.

Через год не без приключений он поступил в провинциальный инженерно-строительный институт, хотя и не отказался от желания стать радиоинженером. Он не замечал липших к нему девиц, не теряя надежды получить весточку от Леси.

Во время зимних каникул Борис взял лыжи и поехал в лес. На конечной остановке трамвая он встал на лыжи и пошёл в село. Разговорился со всё знавшими катавшимися на санках мальчишками – его бывшая учительница уже давно уехала. Куда? Мальчишки этого не знали.

Вот и всё.

Рубцуются даже очень глубокие раны. Иногда медленно. Иногда остаются болезненные рубцы. Оля добилась своего. Через год, во время летних каникул она утешила Бориса. Действительно, Оля вовсе не была толстушкой. Два летних месяца, приятных, как лёгкая музыка. Прошли и не оставили рубцов. А вот Леся... Почему?

С отличием окончен инженерно-строительный институт. Потом одиннадцать лет мытарств, унижений, упрямой борьбы. В течение всех этих лет он, инженер-строитель, работая по своей специальности, консультировал электронщиков, практиков и учёных. В течение одиннадцати лет с перерывами, отказами, отчислениями по формальным причинам инженер-строитель сдавал экзамены и наконец получил диплом радиоинженера. Только любимая жена умела обезболить многочисленные рубцы, следы этой победы.

Прошло двадцать лет после окончания школы. В тот день Борис играл с сыном в бадминтон на лужайке в парке. Подбежав к аллее за упавшим воланом, он увидел красивую женщину, пристально смотревшую на него. Лариса Павловна! Он ведь ни разу не встречал её после выпускного вечера!

Сын, вылитый Борис времен Нины Яковлевны, забрал у него ракетку и стал играть со своим сверстником, четырнадцатилетним пареньком.

Лариса Павловна усадила его рядом с собой на скамейку. Спросила о работе, о жене, о сыне. Правда ли, что жена такая необыкновенная женщина? Слухи к удивлению Бориса докатились и до неё.

Стали вспоминать школу. Она всё еще работает в ней. Разное бывает, а в основном рутина. Не то, что было, когда она впервые пришла в их класс. Этот класс, как первая любовь. Да и любовь была.

– Знаешь, Боря, это трудно объяснить. Ты ведь по существу был ещё ребенком, а я – замужняя женщина, правда, недавно выскочившая замуж, сразу захотела тебя. Говорят, коровы чуют мускусного быка на расстоянии десяти километров. Так, примерно, я чувствовала тебя. Но что забавнее всего, не я одна. Помнишь Лесю Петровну, химичку? Мы были очень дружны. Я ей как-то

сказала, что потащу тебя в постель. И она призналась, что любит тебя. Понимаешь, не просто в постель, а любит. Я-то всегда была легкомысленной. Это обо мне моя любимая поэтесса написала: «Легкомыслие! — Милый грех, милый спутник и враг мой милый! Ты в глаза мне вбрызнул смех, ты мазурку мне вбрызнул в жилы»⁵. А у Леси было серьёзно – это при её-то пуританстве и домостроевском взгляде на семью. Не знаю, что у вас было. Перед началом учебного года она пришла увольняться. Сказала, что едет с мужем. Его командировали в Индонезию. Я спросила о тебе. Она долго молчала, а потом ответила, что ей стыдно за страну, в которой такой талантливый юноша не принят в университет. Не побоялась сказать такое. Но она верит в твоё будущее и ей очень печально, что в нём не найдётся места для неё. Говорят, что после возвращения из Индонезии её муж стал важной персоной. Если не ошибаюсь, они сейчас в Москве.

– Как она узнала, что я не попал в университет?

– Она караулила в сквере напротив в дни твоих экзаменов.

– Вы ошибаетесь, Лариса Павловна. Её не было в городе. Она уехала к родителям мужа.

– Никуда она не уехала. Она не хотела мешать тебе готовиться к экзаменам.

Борис долго молчал. Он смотрел, как сын упорно гоняется за каждым воланом. Только ли в спорте он такой? Леся... Зачем она так поступила? Ей было стыдно за страну. Но она увидела только одну гадость из множества, преподнесенного ему этой страной. Леся...

⁵ - М.Цветаева

Они сидели молча, глядя на игравших мальчиков. Он ничего не сказал ей о том, что намерен расстаться со страной, в которой талантливый радиоинженер, нужный и признанный, всё равно чужак, которому оказывают милость, сквозь зубы признавая его нужным. Об этих намерениях знала пока что только жена, часть его существа. Но это уже другая история, хотя она тоже началась летом после десятого класса.

1993

УВЕРЕННОСТЬ

Оля и Марк, славная супружеская пара, в этой группе и вообще в институте появились только на третьем курсе. Перевелись из другого города. Марк – капитан-артиллерист, начавший воевать рядовым красноармейцем, поступил в институт сразу после окончания войны. Рубцы ранений помогли демобилизоваться. В институте мгновенно не влюбился, а, можно сказать, втрескался в семнадцатилетнюю девочку, ещё почти ребёнок, только что с отличием окончившую школу. В том, что в неё влюбился двадцатидвухлетний бывший командир дивизиона, не было ничего необычного. В эту девочку, едва увидев, немедленно влюблялись все представители мужского пола от пацанов-школьников до убелённых сединой мудрецов. Это же надо, такое невероятное, такое предельное сочетание качеств – умная, скромная, воспитанная, а уж какая красивая! Да что там красивая! Красавица! А фигура! Изящная нежная статуэтка! Надо же какое сочетание – ребёнок-женщина! Необычным можно считать только то, что из легиона своих достойных поклонников она почему-то выбрала именно Марка. Впрочем, почему необычным?

Марк действительно видный парень. Высокий, стройный, надёжный, обстоятельный. Отличный студент. Правда, до сей поры он слегка отставал от Оли. Что уж говорить об отставании на первом курсе? Ничего удивительного. Девочка прямо со школьной скамьи и парень, успевший за четыре года боёв, прерываемых временем в двух госпиталях, забыть всю школьную науку. На втором курсе, в начале сентября как только Оле исполнилось восемнадцать лет, они поженились.

Время приближалось к десяти вечера. Два одногруппника, два друга, два бывших офицера, Марк, капитан-артиллерист, и Леонид – бывший старший лейтенант, командир стрелковой роты, непостижимым чудом оставшийся в живых. Не только биографиями и характеристиками, даже внешне они были чем-то похожи. Одинакового роста, только Леонид чуть плотнее и более спортивный – как-никак в прошлом чемпион области по фехтованию, по всем видам от рапиры до сабли. После занятий два друга, мечтавшие стать хирургами, весь день не уходили из клиники на кафедре госпитальной хирургии.

– Лёнь, у меня к тебе просьба. Понимаешь, доцент пообещал, что, если я останусь с дежурными на ночь, он включит меня ассистентом на все операции. Но, понимаешь, надо Олю домой проводить. Она сейчас в своём кружке в клинике глазных болезней. А тут участие в операциях. Жалко упускать такую возможность. Ты не мог бы проводить её?

– О чём речь?

– Спасибо, друг.

Кратчайший путь к Олиному дому – через безлюдную часть парка почти без освещения. И ночь безлунная. Но асфальтированные дорожки, знакомая местность и отличное умение ориентироваться помогли Леониду в почти в полной темноте без затруднений находить дорогу. Ещё до входа в парк он начал читать стихи. Даже не для Оли. Это было его любимым занятием. Проходя мимо едва угадываемой в темноте скамейки, Оля взяла Леонида за руку и предложила посидеть.

– Воздух-то какой! И это после чуть ли не суток в больнице с её ароматами. Ладно, согласна, не суток, но с раннего утра до ночи – тоже достаточно.

Хотя сентябрь уже вступал во вторую треть, дни стояли по-летнему тёплые. Поэтому на Оле было только лёгкое платье. Медицинский халат прятался в портфеле. Сейчас, вечером даже пиджак не очень согревал Леонида. Сев на скамейку, он тут же снял его и накинул Оле на плечи.

– Спасибо. Но это нечестно. Твоего пиджака на двоих хватит.

Она плотно прижалась к нему, прикрыв его спину полкой пиджака.

–Ну вот, так даже теплее. Ты обещал почитать неизвестного мне Багрицкого. Вот видишь, как мы вместились в твой пиджак.

Действительно вместились. Как было не вместиться этому изумительному изящному нежному созданию? Только вот беда... Беда? Конечно, беда, хотя и такая неожиданная радость, такое невероятное удовольствие. Сквозь свою рубашку и её легкое платье каждой клеткой он ощущал божественную прелесть её тела, словно вообще нет никаких текстильных преград. А ещё он безошибочно ощущал, что и ей это доставляет удовольствие. От чего? Может быть, от поэзии? Как безумно ему хотелось обнять её и ещё крепче прижать к себе. "Лягушечья прозелень дачных вагонов... Уже окунувшийся в масло по локоть...". Строки страстных стихов Багрицкого неудержимо стали куда-то проваливаться. И что уже совсем невыносимо, ну, просто совсем – пиджак достаточно просторен, но брюки... Наверное они в своё время были правильно скроены и, пошитые для нормального состояния человека, были вполне просторны, но... У Леонида не было девушки и с такими проблемами в одежде он ещё не сталкивался. Но сейчас он в этих брюках он был просто не в состоянии сидеть. А стоять? Хорошо, что в темноте она этого не видит ...

– Пойдём, Оленька. Завтра рано вставать.

До Олиного дома было чуть больше пяти минут хода. Весь этот путь прошёл в напряжённом молчании. Никаких стихов. Дружеское рукопожатие у входа. И – спокойной ночи.

Леонид не мог знать, была ли спокойной ночь у Оли. У него она спокойной не была. Вздремнуть удалось лишь под утро.

Первая пара – практическое занятие по терапии. Леонид не понимал, чем объясняется не просто оживление, а возбуждение в группе. Какой-то непонятный смерч. Явно что-то произошло. До начала занятия оставалось минут пять.

Группа уже в полном составе, все двадцать пять человек – шестнадцать студенток и девять студентов – ожидала ассистента. Зоя, общепризнанный лидер все годы учёбы, сейчас центр этого смерча, преодолевая непонятное возбуждение и шум, крикнула: “Девочки, кто ещё не дал денег?”

Леонид обратился к Захару, к третьему в их тесной неразлучной троице:

– Захар, что случилось?

Захар, бывший младший лейтенант, командир танка, весельчак, отличный гимнаст, парень, который никогда ни при каких обстоятельствах не смущался, на сей раз замялся.

– Ничего особенного... просто девицы коллективно угощают нас сегодня обедом в "Люксе".

– То есть, как это ничего особенного? Угощают? Они что, вдруг разбогатели? Если не ошибаюсь, обед в "Люксе" стоит десять рублей на одного. Следовательно, на группу это двести пятьдесят. Разделить на шестнадцать – почти семнадцать рублей с носа. Ты забыл, какую часть стипендии в триста рублей это составляет? А

ведь для многих из них это единственный источник существования.

– Ничего я не забыл. Девицы коллективно продали пари парням. Хорошо, что проиграли не мы, а то тебе пришлось бы выложить не семнадцать, а целых двадцать восемь тугриков. Впрочем, никто из нас не сомневался в том, что выиграем мы. Надо было девицам совсем не иметь мозгов, чтобы вообще затеять такое пари. Мы их честно предупреждали.

– Какое пари? Почему я ничего не знаю?

– Понимаешь, так получилось. Ну ладно, скажу. Только ты, пожалуйста, не обижайся.

Всё началось с того, что Зоя пару дней назад прямо во время лекции по гигиене сцепилась с Захаром – сначала едва слышным шёпотом, а потом почти во весь голос. Профессор чуть не выгнал их из аудитории. В перерыве продолжили. Короче, до Зои каким-то образом дошли слухи о том, что Захар изнасиловал шестнадцатилетнюю дочку двоюродного брата жены знакомой Зоинной одноклассницы ко всему прочему ещё и девственницу. Захар упорно отнекивался. Во-первых, он никого не насиловал и вообще никогда девочку не видел. Во-вторых, неизвестно, была ли она девственницей. В-третьих, неизвестно, когда и с кем она перестала ей быть. А в-четвёртых, никакого насилия вообще не было – всё произошло по обоюдному страстному желанию и, разумеется, согласию. И главное, обоим это доставило удовольствие. Зоя шумела так, что в дискуссию втянулась вся группа.

Темой дискуссии было отсутствие в настоящее время благородных или просто порядочных мужчин. Конечно, речь идёт не о Захаре. Патологический блядун! Изнасиловать несовершеннолетнюю! Но вообще все

мужчины сплошные кобели. Каждый из них ради минутного удовлетворения похоти отвергнет все моральные принципы. Нет ни ума, ни совести, одна вегетативная нервная система, только гормоны да и то один тестостерон. Тут кто-то из ребят спросил: «Так-таки все? И Леонид, например? Леонид, на которого залипают все девицы?». Зоя на минуту задумалась. Но только на минуту. Она вспомнила приятельницу, которой Леонид, когда та, по её собственному признанию, действительно залипала, деликатно сказал: "Подожди, девонька, подари это при замужестве твоему избраннику". Но тут же решительно возразила: «Да, и ваш Леонид! Посмотрите, как плотоядно он поглядывает на Олю, на жену своего друга. А во время танцев?».

– Ну это ты уже брось. На институтских вечерах Оля с Леонидом действительно самая совершенная пара танцоров, привлекающая всеобщее внимание. Даже Марк, не ревнуя, любитесь ими – любитесь! Отпусти Оля чуть поводья – понимаешь, Оля, добропорядочная женщина, а не скотина мужского пола – Марк любовался бы в зеркале своими рогами.

Что бы они сказали, узнав ещё кое-что о танцующем Леониде? Это кажется невероятным, но никто кроме Захара не знал, что у великолепного танцора Леонида протез вместо ампутированной голени. Правда, культя длинная, ампутация всего на несколько сантиметров выше голеностопного сустава. Но дело не в этом. Почему-то именно воспоминания о танцах, о красивой Оле, самым лучшим партнёром которой всегда был Леонид, завели женскую половину.

Кто-то из девушек предложил поставить эксперимент и заключить пари, скажем, на коллективный обед в ресторане. Какой эксперимент? Создать Леониду соответствующие условия при встрече с Олей. Посмотрим,

как поведёт себя благородный Леонид. Не выдержит ваш Лёня, не откажется. Ведь ни на одну женщину он не смотрит так, как на Олю. Тогда и выясним, существуют ли благородные мужчины.

Захар немедленно предупредил, что пари заключают только дураки или подлецы. Он лично подлец, в чём не стесняется признаться. Заключает пари исключительно, когда минимум на триста процентов уверен в своей правоте, а заключающий пари, уверенный в своей правоте пусть даже на пару процентов меньше ста, просто дурак. Он не просто знает, а твёрдо уверен, что девицы пари проиграют. А они не настолько богаты, чтобы выбрасывать деньги на ветер.

К концу дискуссии подошёл Марк, который без всяких сомнений поддержал Захара. Девицы, перебивая друг друга, не преминули заметить, что Марк просто храбрится, всё-таки опасаясь результатов эксперимента. Марк на это ответил, что готов кулак в огонь положить, не сомневаясь в том, что девицы проиграют это идиотское пари.

Дискуссия продолжилась на следующий день после политэкономии в административном корпусе, где, кстати, они получили стипендию. Только сейчас Леонид сообразил, как ловко его выставили. Придя к вызвавшему его заместителю декана, он не мог не заметить растерянности доцента, упорно пытавшегося вспомнить, зачем вызвал этого студента и вызывал ли его вообще. Надо же доценту быть таким рассеянным.

Группа тщательно обсуждала каждую деталь эксперимента. Как они узнают результат? Нет ни малейших сомнений в том, что при любом результате Леонид даже под пыткой ничего не скажет. Оля? Кто знает? Есть три случая, когда след обнаружить невозможно: след ползущей по голому камню змеи, след птицы в полёте и

след мужчины в женщине, если она не хочет, чтобы след был обнаружен. Кто знает, как к этому отнесётся Оля? Ведь, положа руку на сердце, как в один голос заявили несколько девушек, от Лёни отказаться трудновато.

Тут Оля возмутилась так, что абсолютно все почувствовали себя неловко. Переборщили. Такой реакции никто не ожидал от выдержанной интеллигентной Оли. «Я уверена, – сказала она, – что мы проиграем пари, но ещё в детском садике привыкла быть частью коллектива. Как член женской половины я не смею не принять участия, хотя, повторяю – как и Захар я не сомневаюсь в том, что мы проиграем этот глупый спор».

– А что всё-таки скажет Марк? – ехидно спросила Зоя.

– Марк вам уже сказал. А сейчас я скажу, что вы, простите, дуры. Впрочем, это недвусмысленно и отчётливо сказал вам Захар. Участвую в этой бессмыслице, чтобы только наказать вас за глупость.

– Но почему ты меня не предупредил? – спросил Леонид.

– Как я мог предупредить? Ведь это должен был быть чистый опыт. Честное пари. Даже Оля, понимаешь, честно участвовала в нём. Даже Марк. Именно ему поручили направить тебя провожать Олю. Короче, дружище, не обижайся и не переживай. Белое это белое, а чёрное это чёрное.

После занятий группа радостно пошла на обед. Все были только несколько смущены тем, что в ресторане не оказалось Леонида. Единственного из группы.

Отношения с Марком оставались по-прежнему дружескими, хотя порой на них наплывал лёгкий, но всё же холодноватый туман. Во всяком случае, они уже не были такими безоблачными, как с совершенно другим

по натуре Захаром – умницей, безукоризненным товарищем, но в отличие от Марка шалопаем.

До окончания института оставалось чуть меньше девяти месяцев. За всё это время ни на одном институтском или курсовом вечере Леонид не пригласил Олю на танец. Какой там танец! Деликатный и общительный, он за всё это время не перемолвился с ней ни единым словом.

Удивления достойно Олино понимание того, что ничего уже изменить нельзя и что она бессильна что-либо с этим поделать. Кто знает?

Никаких, разумеется, невидимых следов ни на камне, ни в воздухе вообще не было. Но всё же... Кто разбирается в этих следах? И как именно их оставляют?

2015

ПЯТЬ НОЧЕЙ В СОЧИ

С Юрием, студентом из Одессы, Борис познакомился ещё в автобусе по пути с вокзала к дому отдыха. Два других студента в их комнате, Игорь из Москвы и Вениамин из Новосибирска, отдыхали уже неделю. Именно они стали источниками необходимой информации, главные составляющие которой – пляж, столовая, отношения между женским и мужским полом. На этих трёх китах держался дом отдыха, расположенный в четырёх километрах от ближайшего населённого пункта. Основная масса отдыхающих – студенты-медики. Попадались и молодые преподаватели, ассистенты. По слухам даже два доцента снизошли до этого дома отдыха.

Когда разговор дошёл до секса, к общему удивлению оказалось, что у Бориса нет совершенно никакого опыта. Он приехал в пиджаке, на котором красовалась солидная колодка с ленточками орденов и медалей. После окончания войны прошло три года. Каким образом студент, бывший офицер, хорошо сложенный симпатичный парень оставался девственником – для товарищей по комнате оставалось необъяснимым.

– Слушай, Борис, – сказал Юрий, – эта ассистентка из Саратова, которая ехала с нами в автобусе, ты ещё сказал, что у неё хорошая фигура, глаз с тебя не сводила. Так что у меня нет никаких сомнений в том, что непростительный дефект твоей отличной биографии будет устранён буквально сегодня-завтра.

Эта фраза пробудила тайную надежду в сознании Бориса, хотя к разговорам на подобные темы он обычно

относился без одобрения и даже с некоторым отчуждением. Какая-то непонятная стыдливость во всём, что касается отношений с женским полом, сковывала его, человека вовсе не стыдливого, в остальном весьма активного и, можно сказать, избыточно общительного.

Даже в их группе со всеми девушками он почему-то оставался в каких-то братских отношениях. Больше того, несколько раз выпивая на брудершафт и целуясь с девушкой, он никак не мог потом перейти с ней на ты. Единственное исключение... Он часто вспоминал этот случай.

Сразу после зимних каникул во время занятия в рентгеновском кабинете, в темноте Мара, стоявшая перед ним, вдруг всей спиной и ягодицами прижалась к нему. Он хотел и не мог отстраниться. Хотел, потому что устыдился внезапной мгновенной телесной реакции, подавить которую был не в состоянии. Не мог, потому что очень сладостно было это состояние. А Мара, почувствовав это состояние, прижалась ещё плотнее. Она была очень красивой женщиной. Пожалуй, самой красивой в их группе. И единственной замужней. По пути на следующую пару между Марой и Борисом состоялся разговор, которому Борис и сейчас не мог дать однозначной оценки. Дело в том, что он был знаком с Мариным мужем, тоже демобилизованным офицером, на несколько лет старше Бориса. Инженер. Занимал какую-то руководящую должность на фабрике. Борис даже несколько раз выпивал с ним.

– Понимаете, Мара, – сказал он, – я так вас хочу, что никакими словами описать степень моего хотения невозможно. Но совесть не позволяет мне быть в близких отношениях с женой моего доброго знакомого. Жаль. Очень жаль.

В группе, кажется, заметили натянутые отношения между Марой и Борисом, но мало ли какая причина могла вызвать это...

Ассистенточка из Саратова, как назвал её Юра, очень понравилась Борису. Он ещё не знал не то что её семейного положения но и имени, но решил, что в конце концов, даже если она замужем, его это не останавливает. Если у неё и есть муж, никакого представления о нём он не имеет, и, разумеется, ничем ему не обязан. Проблема только в том, что они на разных ступеньках социальной лестницы. Он студент, а она ассистентка. Вероятно именно поэтому, когда во время обеда он заметил её явное внимание к себе (она сидела недалеко от их столика), Борис постеснялся подойти и познакомиться. Не решился и на второй, и на третий день. За это время он успел стать душой компании, в которой было больше десяти студентов, из них – шесть симпатичных девушек. В этом не было ничего необычного и Борис не считал это своим достоинством. Просто и в армии, и в институте он всегда оказывался центром притяжения. Естественно, вся их комната была в этой компании. Юра очень быстро подобрал себе пару, а Игорь и Веня уже упивались любовью двух студенток. Борис, как и в институте, почему-то оставался просто в дружеских отношениях со всеми девушками. Ну, просто рок какой-то!

Что ещё хуже – у ассистентки, ощутившей, как ей показалось, равнодушие Бориса, появился поклонник, с которым она уединялась в роще. А роща, как убедительно и красноречиво высказался Игорь, росла для того, чтобы скрывать от посторонних глаз радости любви. Бориса это очень огорчило – разумеется, не то, что роща росла.

Утром четвёртого дня он удивился, увидев Тamarу, студентку их курса. Они были в разных группах, но

на одном потоке. Борис не мог вспомнить, говорил ли он с Тamarой за три года учёбы хоть раз. Здоровались – это точно. Тихая красивая девушка, скромная, не выделявшаяся участием в общественной жизни, она как-то умудрялась оставаться в тени, не осаждаемая поклонниками. Она даже неброской аккуратной одеждой приглушала свою явно неординарную внешность, словно стеснялась её. Сейчас они вежливо раскланялись, перекинулись несколькими ничего не значащими словами и Борис пошёл на пляж со своей компанией, не сообразив, что было бы естественно и разумно предложить Тамаре примкнуть к ним – как-никак сокурсники.

Вечером в комнате Вениамин восторженно рассказывал о Тамаре:

– Понимаете, познакомились мы на пляже. Не очень разговорчива, хотя интеллект будь здоров! Но грудь у неё! Такая грудь, братцы, по благу выдаётся одна на тысячу девушек. Удивительная грудь! Какая форма при таком объёме! А фигура! Посмеете ли вы осудить меня за то, что мне страстно захотелось сменить мою Леночку на Тамару? Такая грудь! И надо же – владилица её настоящая льдина, торос. Подступиться к ней невозможно. Но я не пожалею усилий.

Вениамин, как выяснилось, несмотря на все его усилия так и не подступился. Подступились ли другие, Борис не знал. Собственно говоря, это его и не интересовало.

До самого отъезда – все двадцать три дня – Борис с Тамарой почти не общался. В свою компанию, которая постоянно обновлялась – одни уезжали, другие приезжали – привлечь так и не догадался. А она, по-видимому, принимала это как должное.

Вечером накануне Бориного отъезда после ужина на пляже собралась вся их компания. Проводы

отметили несколькими бутылками сухого не очень качественного вина – другого, увы, в посёлке не было. Разошлись почти перед самым отбоем. У входа в их домик Бориса ждала Тамара.

– Я слышала, что вы собираетесь в Сочи, а уже оттуда домой.

– Да. Быть в нескольких километрах от знаменитого курорта и не увидеть его было бы просто грешно.

– И я так думаю. Не будете возражать, если мы поедем вместе?

– Но у вас ещё четыре дня в доме отдыха.

– Можно сократить. А поехать в Сочи самостоятельно я, возможно, не решилась бы.

– Ну что ж, я за.

Они подсчитали свой капитал, решив объединить его. Правда, Бориса смутило, что у Тамары оказалось на сорок рублей больше. Он почувствовал себя несколько ущемлённым этим. А в общем, денег, хоть и немного, однако на два-три дня в знаменитом курортном городе впритирку, но хватит.

Утром первым же поездом они отправились в Сочи. После деревенского уединения их оглушило столпотворение вокзала. К счастью, подошла строгая сухощавая женщина и спросила, не нужно ли им жильё. Нужно, как же не нужно? Женщина предупредила, что койка стоит десять рублей в сутки. Дешевле в Сочи не бывает. Борис взял оба чемодана, свой и Тамары, и они долго петляли по малопривлекательным улицам, пока не подошли к небольшому одноэтажному домику с уютным маленьким двором перед двумя дверями и таким же чахлым садиком за домом.

Хозяйка открыла одну из двух дверей и ввела их в крохотную комнатку. Кровать под небольшим окном слева от двери – вот и вся мебель.

– Вам одну кровать или две? – строго, как на допросе, спросила хозяйка, по пути с вокзала так и не сумевшая определить статус этой пары.

– Конечно, две.

Бориса даже оскорбил вопрос: неужели она не видит, какие у нас отношения? Тамара никак не отреагировала ни на вопрос, ни на ответ. Она вообще была не очень разговорчивой.

Хозяйка притащила узкую металлическую кровать с прохудившейся сеткой. С Бориной помощью собрала и втиснула её перпендикулярно первой, почти перекрыв дверь торцом кровати. Но студенты отнеслись к этому с олимпийским спокойствием – они слышали, что в Сочи в курортный сезон для жилья могут сдать и собачью будку. Их занимало, с чего начать первый день в Сочи – пойти за железнодорожными билетами или оставить дела на потом и отправиться на пляж.

Победило благоразумие. Однако в билетной кассе их ждало отчаянное разочарование. Выяснилось, что раньше чем через две недели выехать не удастся. Тамара решила тут же послать телеграмму родителям с просьбой выслать ей денег. Но Бориса этот вариант не устроил. Ему некого было просить и он начал искать варианты.

Выяснилось, что через пять дней в Одессу пойдёт круизный теплоход «Грузия». А из Одессы добраться домой должно быть значительно проще, тем более, что из подсознания пришла авантюрная мысль, продиктованная опытом. К этой аванюре его подталкивало то, что рассчитанные на три дня деньги при задержке придётся растянуть на шесть, к тому же, сейчас трудно точно соизмерить транспортные расходы.

Авантюра заключалась в том, что из Одессы он надеялся зайцем улететь самолётом. Весной он летел из

Киева в Черновицы. У него было ровно сто восемьдесят рублей, когда он приехал в аэропорт «Жуляны» – как раз столько, сколько стоил билет. Сто восемьдесят и ни копейки больше. Он просунул в окошко деньги, но кассирша потребовала ещё пять рублей – стоимость страховки. Пяти рублей у него не было. К счастью, он услышал объявление по радио – к дежурному пригласили профессора, заведующего кафедрой в их институте. Борис решил обратиться к нему и одолжить деньги, хотя профессор преподавал на четвёртом курсе и Бориса не знал. Поиски профессора в зале оказались безуспешными. Началась посадка в самолёт. Борис пошёл, надеясь там найти профессора, и оказался в толпе пассажиров. Дежурный по посадке поторопил его подняться в самолёт. Неуверенность покинула его уже только на высоте. Не выбросят же его, безбилетника, из самолёта. А сто восемьдесят рублей он с благодарностью отдаст. Но и при посадке никто ничего не потребовал. Может быть, и в Одессе пройдёт такой номер.

Тамара спокойно выслушала этот рассказ, никак не отреагировав на него. Казалось, она полностью полагается на его решения.

На пляже Борис вспомнил восторженный отзыв Вениамина о Тамаре, особенно о её груди. Действительно, она была великолепна. Как это одежда могла скрывать такую прелесть? Длинные стройные ноги при относительно невысоком росте, такие же красивые руки. Плавный переход шеи в слегка покатые плечи. Но грудь! Купальник не в состоянии был скрыть её красоты. Вероятно, очень тонкая талия делала тугую соразмерную грудь такой выдающейся. Вот так Тамара!

Пообедали они в какой-то забегаловке, отстояв полуторачасовую очередь. Надо было переходить на режим экономии.

Шесть дней они прожили почти впроголодь. Борис относился к этому очень спокойно. Похоже, что и Тамара тоже. Вот только пять ночей оказались для Бориса танталовыми муками. Зевс наказал своего провинившегося сына, сбросив его в Аид, где Тантал умирал от голода, когда перед ним были самые изысканные яства. Но как только он прикасался к ним губами, они уходили от него. Он погибал от жажды, стоя по шею в чистой воде – как только он наклонялся к воде, она уходила. В двух шагах от Бориса лежала очаровательная девушка, такая совершенная, такая желанная, а он вынужден был мучиться, заставляя себя не думать о ней. Под утро второго или третьего дня, когда он наконец уснул, ему приснилась Тамара, да так приснилась, что уже наяву он обнаружил следы приснившегося.

Днём было проще, хотя по-своему даже сложнее. Бориса удивило, что эта неразговорчивая девушка так образована и начитана. Как он ухитрился в институте не обратить внимания на её уникальную походку?! Стройные ноги царственно несли неподвижный, чуть откинутый назад корпус, словно уравнивающий тяжесть груди. На красивой головке, казалось, высится не поддерживаемая рукой драгоценная амфора, по самый венчик наполненная розовым маслом – ни одна капля не прольётся при таком шаге. Но ещё больше Бориса удивило и озадачило то, что, глядя на совершенную фигуру, на доброе красивое лицо, на большие печальные серые глаза этой славной девушки, ему хотелось не просто жадно обнять её, а защитить этим объятием от опасностей окружающего мира. Надо же такое!

Наконец из Сухуми пришёл теплоход «Грузия». Борис купил два палубных билета – один до Одессы за семьдесят пять рублей, а второй до Туапсе за семнадцать. В Сочи не было настоящего порта и теплоход не

подходил к причалу, а останавливался на рейде. К нему пассажиров подвозили на катере. Без билета не проберёшься.

На корабле они встретили супружескую пару – профессора и его жену-доцента из их института. Узнав, что у Тамары палубный билет, они пригласили её к себе в каюту первого класса, где у них был свободный диван. Удача обрадовала Бориса.

Сейчас он стоял и смотрел, как четыре матроса взялись за рукоятки лебёдки и неторопливо приготовились поднимать трап. Командовал ими помощник капитана. Бориса удивило, что трап поднимают четыре здоровых парня. Движения их были ленивы и расслаблены – никакого усилия. Он пренебрежительно высказал своё мнение помощнику капитана. Тот с любопытством посмотрел на Бориса.

– Надо полагать, студент?

– Да.

Матросы прекратили крутить лебёдку и с интересом прислушивались к разговору.

– Думаю, я бы поднял один.

– Да? Поспорим? На что?

– Если вы не против, на шесть обедов до Одессы.

По одному для двоих.

– Ну, а если проиграешь?

– На ваше усмотрение в пределах разумного.

– Ну, давай, студент, приступай.

Тут как раз рядом с ними появилась Тамара. Она с явным осуждением посмотрела на Бориса и приняла поддержать снятый пиджак с орденской колодкой. Борис взялся за рукоятку. Пока трап был под углом сорок пять градусов, рукоятка подавалась с терпимым сопротивлением. Но по мере того как трап поднимался к горизонтальному положению, крутить становилось всё труднее.

И наконец сопротивление стало таким, что Борис почувствовал, как у него буквально трещат позвонки. В глазах поплыли чёрные круги. Он был на пределе, но проиграть не имел права – расплатиться-то нечем.

Он вспомнил относительно недавнюю послевоенную историю. Его друзья-спортсмены и среди них чемпион Советского Союза по тяжёлой атлетике, чтобы как-то просуществовать, ездили по сёлам с лекциями и демонстрациями своего умения. Однажды они решили разыграть чемпиона. Пока он рассказывал аудитории разные истории, они навесили на гриф груз, на килограмм превышающий мировой рекорд. Чемпион закончил рассказ и подошёл к штанге. Увидев её и хохочущих за кулисами товарищей, он озверел. Объяснить колхозникам, что произошло? Не поймут. Не взять вес, а его невозможно взять, позор. Он ухватился за гриф и поднял штангу. Он побил мировой рекорд, поразив приятелей. Но ведь никто им не поверит. А он – сумеет ли он повторить рекорд?

Когда трап замер в горизонтальном положении, помощник капитана, матросы и несколько пассажиров заплодировали.

– Ну, силён студент! Придётся кормить тебя.

Корабль тронулся. Стемнело. Становилось прохладно. Палубные пассажиры, а их было очень много, стали искать места для ночлега. На крышке носового транспортного люка расположилась большая группа альпинистов с бухтами страховочных канатов, альпенштоками, ледорубами. Борис пристроился рядом с ними.

Проснулся он на рассвете от дикого холода. Вокруг никого. Встречный ветер сдул всех альпинистов. Борис соскочил с люка и стал разогреваться прыжками и быстрыми взмахами рук.

– Эй, студент, замёрз? – прозвучал сверху с капитанского мостика хриплый голос с грузинским акцентом.

– Околел...

– Поднимайся ко мне.

– Как?

– По трапу. Справа по борту первая дверь.

Накануне вечером Борис слышал легенду о капитане. Во время одного из рейсов в Нью-Йорк он наткнулся на забастовку докеров. Чтобы не простаивал корабль, что очень дорого обходилось государству, капитан нанял для разгрузки штрейкбрехеров. За политическую слепоту его сняли с зарубежных рейсов и сейчас он командует круизным кораблём без всякой надежды ходить за границу.

Капитан протянул ему рюмку коньяка. Борис проглотил её залпом, как водку.

– Это ты вчера поднимал трап?

– Да.

– Ну и дурень. Инвалидом мог стать.

– Зато заработал обеды до самой Одессы.

Капитан снова наполнил рюмку. Днём в бассейне на корме корабля Борис заключил ещё одно пари. На сей раз с дородным генералом, который очень уверенно и совершенно безграмотно вещал, каким временем ограничены возможности ныряльщиков. Борис сказал, что легко просидит под водой полторы минуты. Генерал предложил пари на несколько кружек пива в день до самой Одессы. Борис разделся. Тамара молча сторожила его одежду. Перед погружением Борис сделал несколько очень глубоких вдохов и выдохов. Затем, дав знак рукой, окунулся и, держась за поручни лесенки, слушал, как каждые пять секунд отсчитывают время его пребывания под водой. Прошло полторы минуты. Он

улыбнулся. При такой гипервентиляции он может пробыть под водой и три минуты. Вынырнул через две минуты и двадцать пять секунд. Тамара посмотрела на него с укоризной.

Генерала очень огорчил проигрыш. Но пивом он исправно поил Бориса все три дня. Правда, не до самой Одессы, так как в самую Одессу они пришли на рассвете четвёртого дня.

Все эти дни на корабле Борис с Тамарой общались значительно меньше, чем в Сочи. Бориса отчасти это радовало. Он пытался приглушить воспоминания о пяти мучительных ночах. Трудно это было. Особенно, когда у бассейна он видел Тамару в купальнике. Но значительно больше он старался вытравить из души это непонятное желание защитить, оградить от опасностей, просто приласкать её безотносительно к этим пяти ночам. К чему, если она в нём явно не нуждается?

Ещё во время первого обеда Борис рассказал помощнику капитана, что он заяц, потому что лопнули их финансы в связи с вынужденной задержкой в Сочи.

Помощник посокрушался. До Одессы – никаких проблем. Но вот в Одессе как без билета вывести его из порта? Следует отдать помощнику должное – он организовал проход Бориса через контроль наилучшим образом.

Прямо от причала они с Тамарой отправились в аэропорт. В кармане ведавшего финансами Бориса осталось ровно сто рублей, хотя на два билета необходимо было триста девяносто. На сей раз Борис избрал другую тактику в отличие от случайно сработавшей при полёте из Киева. Он разыскал экипаж самолёта и честно рассказал о положении, в котором они оказались. За полёт он предложил весь их капитал – сто рублей. Оба пилота рассмеялись.

– Ладно, студент. Не будем говорить о деньгах. Как только начнётся посадка, валяйте к машине.

Посадка почему-то началась в невероятной спешке. Борис шёл к самолёту с двумя чемоданами, а Тамара – с нескрываемым страхом. Борис даже попросил её взять себя в руки, чтобы их состояние не стало известно всему аэропорту и окрестностям. У невысокого трапа кто-то из экипажа подхватил у Бориса чемоданы и погрузил их в самолёт. Но тут перед ними возникла типичная одесситка и потребовала предъявить билеты. Билетов, естественно, не оказалось. Уже бодро раскрутились пропеллеры обоих моторов. В последнюю минуту удалось извлечь чемоданы. Тамару и Бориса под охраной привели в кабинет начальника аэропорта. Он должен был приехать на работу в восемь часов утра. А пока эта самая одесситка честила их последними словами.

Появился начальник аэропорта. Разумеется, всю вину Борис взвалил на себя, ни малейшим намёком не дав понять о сговоре с экипажем. Начальник оказался либералом. Пожурил, сказал, что, конечно, следовало бы препроводить их в милицию, но так уж и быть, пусть идут.

Оставалась только ехать на железнодорожный вокзал. К счастью, подвернулся их коллега – тоже студент, владелец автомобиля «Победа». Но двадцать пять рублей, хоть и коллега, он с них всё-таки содрал.

Билет в общий вагон стоил семьдесят рублей. Осталось ровно пять рублей. Они зашли в буфет и съели хлеб с кефиром. Осталось три рубля.

– Да, те пятьдесят рублей не оказались бы сейчас лишними, – задумчиво и очень печально сказала Тамара.

– Какие пятьдесят рублей?

– Те самые. За вторую кровать, пять ночей по десять рублей за ночь

Борис онемел.

– По-настоящему я узнала вас на корабле. Инфантильность полнейшая. Свидетельство тому ваши пари и прочие штучки. Так что обижаться на вас просто неразумно.

– Но почему же вы хоть как-то не намекнули? – чуть ли не закричал Борис.

– Не намекнула? Ну, знаете! Девушка нагло навязывается парню сопровождающей в Сочи – какие ещё нужны намёки?

– Я воспринял это как доверие и был польщён этим. Но мы же были вместе в доме отдыха три недели. Неужели нельзя было хоть как-то дать мне знать, что я вам не совсем безразличен?

– Не совсем безразличен... Как дать знать? К вам же нельзя было подступить. Ожерелья девиц постоянно висели на вашей шее.

– Но это были чисто товарищеские отношения.

– Товарищеские! Конечно, с вашей инфантильностью вы не понимали, что эти товарищи только и мечтают о стогах в ваших объятиях. Товарищеские...

– И всё-таки...

– Возможно, в институте на какой-нибудь лекции мне следовало передать вам письмо – что-нибудь в стиле Татьяны Лариной. Почти два года безмолвного и безнадёжного обожания – с того вечера, когда услышала ваш доклад об инстинктах. Какие пируэты пришлось проделать мне и моему ничего не понимающему отцу, чтобы достать путёвку в дом отдыха! Какие надежды лелеяла я! Как обрадовалась, когда выяснилось, что вместо двух-трёх дней у нас есть пять ночей!

Пять ночей! И что? Пять бессонных ночей, когда я прислушивалась к вашему дыханию, когда я так надеялась, что вот сейчас вы подниметесь со своей постели и ляжете рядом со мной, когда я так стеснялась, так боялась и так мечтала.

Борис чуть не заплакал. Он взял Тамирину руку, чтобы поцеловать.

– Не надо. Я постараюсь выздороветь. Три дня на корабле мне кое-что объяснили. При всём вашем прошлом, при всех регалиях, свидетельствующих о мужестве, вы остались ребёнком. Именно так вас следует воспринимать. Вероятно, кроме страсти, которую я, собственно говоря, осознала только в Сочи – до этого у меня к вам было платоническое чувство – существует ещё какое-то подобие материнской любви. Именно такой любви вы достойны.

– Но ведь когда я сказал хозяйке о второй кровати, вы могли меня поправить.

– Поправить? Вы это выкрикнули с такой поспешностью и таким возмущением... У меня возникло чувство, что вы испытываете ко мне какую-то, ну как это сказать, какую-то брезгливость. Только этим можно было объяснить именно такую реакцию на вопрос хозяйки. После второй ночи, а наша конура, как вам известно, плохо проветривалась, я ощутила запах спермы. Помните, на физиологии нас познакомили с запахами и консистенцией? Я поняла, что у вас была поллюция. Весь день мысль об этом не покидала меня. Ночью, подумав об этом, я вдруг впервые в жизни почувствовала такое непреодолимое желание, такое наваждение, что, казалось, умру, если не удовлетворю его. Откуда мне, девственнице, было знать, не имея абсолютно никакого опыта, что это такое? Мне безумно захотелось сейчас же, забыв о девичьей гордости, о стыде и скромности,

встать и прийти к вам. Но снова поспешность, с которой вы сказали хозяйке о двух кроватях, напомнила, что у вас ко мне брезгливое чувство. Не знаю, как мне удалось не заплакать. Если бы в ту ночь я знала вас так, как сегодня!

Борис сидел безмолвно, перекатывая по столу пустую бутылку от кефира. Потом поднял голову и снова взял Тамирину руку.

– Девочка, но ведь сегодня не прекращается существование вселенной. Ведь у нас есть будущее. И трудно рассказать вам, какие водопады нежности каждую секунду я изливаю на вас.

– Не знаю. Слишком глубока рана. Не знаю.

Началась посадка. Проводница, надо полагать, поняла, что Борис не провожает Тамару и, хороший человек, делала вид, что не замечает его. Сложнее было с контролёрами. Но и здесь повезло. Рядом оказался симпатичный юноша, студент-москвич. Таким образом, на троих было уже два билета. Они очень ловко пользовались ими в уловках при появлении контролёров. Дважды им пришлось проделать этот цирковой номер. А ещё у студента тоже оказались три рубля. Борис и юноша вышли на узловой станции из вагона. Говорили, что здесь невероятно дешёвые фрукты. Действительно, Борис за три рубля купил ведро слив, надеясь на то, что москвич догадается купить хлеб. Но москвич надеялся на то, что хлеб купит Борис, и за три рубля купил ведро абрикосов. Почти сутки они сидели на уже вызывавшей тошноту фруктовой диете. Борис попытался продолжить разговор, который потряс его в буфете одесского вокзала. Деликатный по природе, он действительно обволакивал Тамару нежностью. Но она ловко не замечала этого. Она вообще мастерски умела молчать.

Москвич расстался с ними за три остановки до конечной. На перроне Тамару встречали родители. Тамара познакомила их с Борисом. Холодно подала ему руку и пошла с родителями к выходу, где они сели в такси.

Тут он вспомнил, что у него нет тридцати копеек на трамвай. Забыла об этом Тамара или решила, что выбрасывающему на ветер пятьдесят рублей человеку как-то неприлично предлагать тридцать копеек, которые, к тому же, надо взять у родителей?

Борис вздохнул, поднял чемодан и медленно поплёлся к выходу из вокзала.

2008

СТЕРЕОСКОПИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Торжество было в той стадии, когда некоторая полуофициальная напряжённость растворяется в изрядном количестве выпитого. Каких-нибудь десять лет назад этот ресторан – удивительно уютное место, в котором так приятно отпраздновать десятилетие окончания института – для подавляющего большинства собравшихся был не доступнее Джомолунгмы. Не все из трёхсот врачей их выпуска смогли или захотели быть. Не все, но многие – вместе с жёнами и мужьями собралось больше четырёхсот человек.

Большинство приехало из дальнего далека. В отличие от них Аншел с женой пришли в ресторан пешком. Видимо, не без оснований Аншела считали выдающимся хирургом. А заслужить такое звание врачу со всего десятилетним стажем – редкость необычайная. Уже три года он жил в городе, в котором родился и в котором окончил институт. Кроме естественного чувства родного дома у Аншела была уверенность в том, что именно здесь, а не в другом месте, ему легче всего будет осуществить давнюю мечту – уехать в Израиль. Он знал, что в пору, когда это казалось немыслимым, именно отсюда в Израиль уехали несколько человек, как и он родившихся в Румынии. Поэтому, а не из-за тоски по родным местам, он вернулся сюда из Караганды, куда был направлен после окончания института и где стал любимым пациентами и почитаемым коллегами хирургом.

Жена была знакома с несколькими врачами. Ещё с несколькими, о которых ей рассказывал Аншел, она

познакомилась сейчас. Её очаровала обстановка торжества, сдобренная теплотой общения сокурсников, смешными воспоминаниями об институтских буднях. На филологическом факультете университета, который она окончила, почему-то не было такого братства, как у этих медиков. Но главное – наконец-то она могла вволю натанцеваться. От партнёров не было отбоя и она танцевала без отдыха.

Только что Аншел выпил с прилетевшим из Красноярска майором медицинской службы очередную рюмку водки. Пять лет они проучились в одной группе. Десять лет не виделись. До чего же приятной и радостной оказалась встреча! А сейчас свободный стул жены заняла Софа, тоже одноклассница.

– Ну, как ты, Аншел? Всё такой же правильный?

Аншел рассмеялся.

– Я только что собирался подойти к тебе и Лёвке. Я просто безумно рад видеть вас! Как вы там на своём Урале? Всё ещё танки строгаете?

– С божьей помощью, как ты обычно выражался. Не танки. Тебе, вероятно, известно, что я гинеколог. Поэтому строгаю баб, умеющих беременеть чуть ли не ежедневно.

– Ну, Софуля, не ожидал от тебя подобного.

– Ничего необычного. Меняются времена, меняемся мы. Скажи, Аншел, а ты всё ещё такой необычный?

– Почему же необычный?

– Ты никогда не думал, что твоё неуклонное следование каким-то непонятным для нормальных людей нормам иногда, ну, как бы граничит с патологией?

– Видишь ли, Софуля, это не для празднично-ресторанной беседы тема. В студенческие годы мне порой хотелось познакомить тебя, скромную еврейскую де-

вушку, с тем, что ты называешь непонятными нормальным людям нормами. Это всего лишь наша Тора, наша книга законов, на которых сейчас, по существу, держится цивилизация.

– Не знаю, как цивилизация – это тоже не на нетрезвую голову, но иногда твоя порядочность для нормального человека, например, для меня, может выглядеть довольно тошнотворной.

– Не понимаю, о чём ты говоришь.

– Ну, как бы... привет тебе от Тамилы.

Аншел застыл. Слегка затуманенное несколькими рюмками сознание вдруг стало чистым, как только что протёртая влажной тряпкой школьная доска.

– Замечательно! У тебя сейчас такой вид, будто ты проглотил живую жабу. Ты, конечно, считал, что никто никогда и никак не узнает о твоих отношениях с Тамилей. Но, дорогой Аншел, всё самое тайное в конце концов становится явным. Так вот, пока твоя половина танцует, я тебе кое-что расскажу.

– Мы с Лёвкой работали в нашей больнице около пяти лет...

– Прости, что перебиваю, вы с Лёвкой, не помню, расписались ещё в институте или уже после?

– Что значит расписались?! Мы женились, а не расписались. Женились перед самым распределением. Конечно, мы могли и не женившись начать то, что ты сейчас имеешь в виду. Но я же была, ну, наивной дурочкой. Как тогда пели: «Мой совет до обрученья не целуй его». Ох и дурные же мы были! И что я берегла? Несколько квадратных миллиметров складки из слизистой оболочки? Уверяю тебя, Лёвка не разобрался бы, не обнаружив её у меня.

Да, так вот, мы работали уже около пяти лет, когда к нам хирургом из Казахстана приехала молодая

красавица. Впрочем, описывать тебе Тамилу вроде не надо. Её мужа назначили главным энергетиком нашего завода. Оказывается, она уже была хорошо беременной. Я принимала у неё роды. Родила она замечательного богатыря. Четыре килограмма.

И вот тут начинается забавная история. Сына она решила назвать Аншелом. Аншел на Северном Урале! Ты представляешь себе что-нибудь более нелепое? Кто и когда на Северном Урале слышал такое несуразное имя – Аншел? Я бы и сама не слышала, если бы пять лет не проучилась в одной группе с чудачком, которого так звали. Почему чудачком? Ну пойми сам. Разве можно было обвинить Хаимов, что они стали Ефимами, Барухов, что они стали Борисами, и так далее? Разве в той обстановке, да, собственно говоря, и в нынешней, у еврейских ребят есть другой выход? Ты был единственным упрямым... Аншел Хаимович! Иногда я восхищалась тобой. Но чаще считала, ну, как бы просто сумасшедшим.

Да, так вот Аншел на Северном Урале... Муж встал в третью позицию. Что это за Аншел? Как это будет звучать – Аншел Родионович? Но Тамила объяснила, что когда-то её, умиравшую девочку, вернул к жизни блестящий врач Аншел Иосифович. Вполне серьёзно он сказал, что она, когда родит мальчика, должна назвать его Аншелом – это принесёт сыну счастье. И она поклялась сделать это. Ну, короче говоря, любящего мужа она уломала. Сложнее было с загсом. Нет такого имени и точка. Но и тут оказалось, что у Тамилы характер сильнее советской бюрократии.

Постепенно к этой истории притёрлись. Малыш рос образцово-показательный. Как-то так получилось, что мы очень сблизились с Тамилкой. Благороднейший человек! Для тебя, конечно, не тайна, что она моложе

меня на два года, следовательно, моложе тебя на пять лет.

Как-то вечером, а Лёвка в тот вечер был дежурным врачом, Тамила заскочила ко мне. Забыла тебе сказать, что мы к тому же ближайšie соседи, квартиры наши на одной площадке. Не помню, как это получилось, но я показала ей альбом нашего выпуска. Она медленно листала его. Внимательно рассмотрела нашу группу с моей фотографией. Ну, а следующий лист – твоя группа. Она открыла его и замерла. Знаешь, у неё было такое состояние, что я испугалась. Именно её состояние помешало мне сразу сообразить, что произошло. Имя ребёнка Аншел и Аншел на этой фотографии. А ведь я знала, что ты работаешь в Караганде, а Тамила приехала из Казахстана.

Я пришла в себя, увидев, что она, как бы успокоилась, хотя продолжала пожирать глазами эту фотографию. Я спросила: «Аншел?» Она молча кивнула и спросила, нет ли у меня чего выпить? Я сказала, что есть хороший ликёр. «Нет, – сказала она, – я имею в виду вале-риану». И всё же мы выпили по две или три рюмки ликёра.

Ну, и она мне рассказала о том, как приезжала в Караганду смотреть на твои операции, что было совсем не просто. Редко она могла оставить больничку на попечение сестёр. Рассказала, как мечтала стать твоей ученицей, как втрескалась в тебя единственный раз и на всю жизнь.

Знаешь, как гинеколог могу сказать, что бабы иногда невероятно откровенны. Ни один мужчина не расскажет даже самому близкому приятелю то, что может рассказать женщина. Так вот, она сказала, что иногда в самые интимные моменты, чтобы получить максимальное удовольствие, закрывает глаза и представляет

себе, что её обнимаешь ты, а не её Родион. И тогда, сказала она, я понимаю, что значит быть в раю. И тогда ни о чём не догадывающийся Родион на седьмом небе. А вообще в такие моменты кто-нибудь вообще что-нибудь понимает?

Рассказала она и о той самой ночи, когда ты был у неё. Как я возненавидела тебя! Она рассказала, как после трёх плановых и нескольких дополнительных операций, которые ты сделал в её сельской больничке, вы пришли к ней домой. Как она постелила себе на полу, но ты категорически отказался занять её кровать и сам улёгся на полу. Как ночью она пришла к тебе и легла рядом, рядом с самым любимым человеком, который и сейчас остаётся самым любимым. Как вместо того, чтобы вдвоём испытать радость любви, ты читал ей нравоучительную лекцию.

Понимаешь, рассказывала она, я впервые лежала рядом с мужчиной. Не просто с мужчиной, а с тем, о ком непрерывно мечтала. Мечтала именно с ним стать женщиной. Понимаешь? Я сгорала от желания. А он объяснял мне, что по некоторым причинам жениться на мне не может. А лишать девственности просто так, ради удовольствия ему не позволяют его вера и его совесть. И ему было наплевать на моё уверение, что мне вовсе не нужна его женитьба, что я хочу его так, что сейчас умру, если всё не произойдёт. Но он лежал железобетонный, не отзываясь на мои объятия и поцелуи. А я ведь ощущала, что и его тело желает меня.

Знаешь, когда она мне рассказала подробности, я вдруг пожалела, что за пять лет общения с тобой, не удосужилась ощутить того самого. Не будь сейчас со мной Лёвки, я бы попыталась компенсировать это упущение. Или ты прочитал бы мне мораль о супружеской верности?

– Софка, что с тобой стало? Ты ведь была такой скромной девушкой.

– Ну вот, начинается. Так слушай дальше. Тамила до сих пор сокрушается, говорит, что, по существу, всё было проще простого. Но она была настолько наивной дурочкой, настолько неопытной, что считала соитие возможным как бы только тогда, когда женщина лежит на спине, а мужчина – на ней. Сволочь ты, Аншел. А небось гордишься своим благородством. Скажи, ну кому оно нужно – это твоё благородство, кому оно доставило радость?

– Понимаешь, Софа, не знаю, как бы я поступил сейчас, почти шесть лет спустя. Вероятно, так же. Для этого есть моральные причины. А тогда... Не будь она девственницей...

– Господи! Опять девственницей! Опять эти чёртовы несколько квадратных миллиметров несчастной плевы.

– Но откуда я мог знать, как её будущий Родионотреагирует на отсутствие этих, как ты говоришь, нескольких квадратных миллиметров? Как я смел испортить жизнь замечательной девушке?

На какое-то мгновенье Аншел задумался. Несколько квадратных миллиметров. Функция определяет структуру. Всё в человеческом организме, каждая клетка имеет определённую функцию. Но какая функция у этих нескольких квадратных миллиметров? Никакой. Абсолютно никакой. Мистика какая-то. Никакой функции. Как это может быть? Вероятно, эти миллиметры зачем-то всё же нужны, если они есть. Но зачем? Надо подумать. Конечно, не здесь, не сейчас, не в таком состоянии. Зачем-то эта плева всё же создана...

Музыка умолкла. Жена Аншела, красивая, раскрасневшаяся, возбуждённая подошла к столу почти одновременно с Лёвой.

– Слушай, Аншел, надолго это ты оккупировал мою Софу?

Аншел и Софа встали. Аншел познакомил жену с бывшими одноклассниками. Разговор принял общий непринуждённый характер. Лёва вдруг спросил:

– До нас дошли слухи, что ты мечтаешь об Израиле. Это правда?

– Правда.

– Но это же, прости меня, глупость.

– Лёвка, если ты не забыл, генетика и кибернетика тоже глупость. Возьми «Краткий философский словарь» 1954 года. С момента издания прошло всего семь лет. Кстати, справочник до сих пор не изъят. Прочти, что такое кибернетика. Лженаука.

– При чём тут генетика и кибернетика? В отличие от нас, живущих у чёрта на куличках, ты живёшь и работаешь в городе, где родился. Слухи о твоих успехах в хирургии дошли даже до наших недалёких от Северного полюса краёв. Какого же хрена тебе ещё надо?

– Дорогой Лёва, знаешь, я почему-то не сомневаюсь в том, что приеду встречать вас, когда вы прилетите в Израиль. Не как гости приедете, а навсегда.

– Это даже больше бреда сивой кобылы!

– Прости мне, Лёвушка, ты был, если можно так выразиться, несколько ленивым студентом. Предпочитал конспекты. Премудрости набирался преимущественно перед сессиями. Не знаю, полюбил ли ты наконец книги. Но я настоятельно рекомендую тебе прочитать третью книгу Пятикнижия – Левит. Причём прочитать очень внимательно. Тогда ты поймёшь, что это не бред сивой кобылы. И вообще не бред. Здесь сейчас не

время и не место объяснять пророчества. Не мои, разумеется.

Снова танцевала жена. Снова в разных уголках зала возникали водовороты междусобойчиков, возвращавших в неповторимую пору студенческой молодости. После ещё нескольких рюмок водки Аншелу вроде бы удалось вынырнуть из тяжести Софиного рассказа. Но дома...

Из ресторана расходились не торопясь, проводя друг друга, делясь воспоминаниями, впечатлениями, предвкушением будущих встреч. Домой пришли во втором часу ночи. Аншел сразу же лёг. Уснуть не удавалось. Нет, не Софин рассказ он вспоминал, глядя на колеблющийся в окне свет уличного фонаря. Бывали у него бессонные ночи, когда после операционного дня он анализировал каждое движение, каждый этап операции от первого разреза до последнего шва.

Вот так сейчас шаг за шагом он рассматривал каждую минуту общения с Тамиллой, начиная с того летнего дня, когда, приехав из своего села в Караганду, она впервые обратилась к нему с просьбой разрешить ей присутствовать во время операций. Разумеется, он разрешил. Не мог не заметить, как стройна и красива эта юная начинающая докторша. Но её яркая русская красота не вызвала у него амбулаторной влюбленности, как он иногда шутил по поводу случайных связей. При его невероятной занятости и аскетическом образе жизни её внешность оставалась для него где-то на далёкой от глубины души периферии сознания. Для случайных связей у него не было ни склонности, ни времени, а серьёзные отношения, как он представлял себе, должны завершаться женитьбой. Его непреклонное желание уехать в Израиль, его неотразимая мечта об Израиле чётко обозначали, на ком он женится. Это должна быть

еврейская девушка, разделяющая с ним его желание и мировоззрение. Он понимал, что такие еврейские девушки встречаются не на каждом шагу. Просто должно повезти. Он должен встретить её и полюбить. Тамила, конечно, прелесть. Она тоже из тех девушек, каких мало. В этом году она окончила медицинский институт. Краем уха он слышал разговор двух операционных сестёр о том, что при такой неотразимости она умудряется оставаться девственницей. Всё известно этим сорокам.

Тамила несколько раз приезжала в операционные дни. Оперировать приходилось невероятно много. Он был и общим хирургом, и ортопедом-травматологом, и проктологом, и урологом, и даже нейрохирургом. А тут ещё это наваждение – освоение целинных земель, приведшее к неслыханному травматизму. Хирургическое отделение больницы не просто перегружено – больничные койки, казалось, скоро придётся размещать чуть ли не в кухне и в туалете.

Примерно раз в неделю Аншел на санитарном самолёте вылетал в районные центры и оперировал на месте, чтобы хоть немного разгрузить областную больницу.

Как-то во время посещения операционной Тамила спросила, не сможет ли Аншел Хаимович в её больнице прооперировать трёх плановых больных – рак молочной железы и две паховые грыжи. Аншел расспросил её о возможностях операционной и назначил день операций.

Проблем с аэродромами в Казахстане не было. Лёгкий самолёт По-2 мог сесть и взлететь с любой небольшой площадки. Но в сумерки самолёты не летали. Поэтому, не зная успеет ли он улечься до сумерек,

хотя прилетел в семь часов утра, Аншел отпустил самолёт, попросив лётчика прилететь за ним завтра в такое же время.

За три года он привык к убогости казахских сёл и районных центров. Но увиденное здесь повергло его в уныние. Чахлые саманные домики. Ни одного деревца. Маленькие пыльные смерчи на немощёной улице. Здание больницы снаружи отличалось от остальных домов только размером. Но внутри Аншела поразили порядок и чистота. Маленькая операционная оборудована лучшим образом. В ней Тамила делала небольшие операции. Весь этот идеальный порядок она сумела организовать с нуля за два месяца работы.

Операционная сестра, молодая казашка, всё приготовила к операциям. Тамила ассистировала отлично. Несмотря на то, что ампутация запущенной молочной железы заняла намного больше запланированного времени, в два часа дня намеченные операции были завершены. Санитарка принесла бутерброды с козьим сыром. Перекусили перед дверью в операционную – другого места поесть в больничке не нашлось.

Обычно, оставаясь на ночь в больницах, Аншел ночевал в кабинете главного врача. Но здесь у главного врача, а заодно хирурга и кого угодно, у Тамилы не было кабинета. Все тесные комнатухи палат были плотно забиты койками с больными. Аншел не мог себе представить, где будет ночевать. Но до вечера оставалось время. Вместе с Тамилой он обошёл палаты и прооперировал ещё двух больных.

Уже совсем под вечер, попросив прощения за не совсем благоприятные условия, Тамила повела Аншела к себе домой.

Жилище её – саманный домик – находилось на самом краю села. Строение несколько отличалось от соседних. Для врача достроили ещё одну комнату. Но задняя стенка дома была на бугре. Именно на нём соорудили пристройку – из единственной крохотной комнатёнки основного домика шесть ступенек вели в спальню без единого окна, расположенную в пристройке. Экономили строители.

Тамила попросила прощения за убогий быт, зажгла керосиновую лампу, на улице полила из кружки воду на руки Аншелу и пригласила к заранее приготовленному обеду, который она теперь разогрела на примусе. Давно он не ел такой вкусной пищи. Тамила оказалась блестящим кулинаром. Спирт она не развела, предложив Аншелу сделать это по своему вкусу. Сама лишь пригубила каплю наполовину разбавленного. Самое удивительное – на столе оказался арбуз. Невероятно! Арбуз в казахском захолустье! Как она узнала, что арбуз его любимая ягода?!

Покраснев до корней волос, Тамила объяснила, что туалета здесь нет. Оправиться можно в овраге, метрах в сорока от домика.

– А как же зимой?

– Так же. Только в буран к дверной ручке надо привязать верёвку и разматывать её до самого оврага, иначе можно потерять направление и замёрзнуть.

У Аншела не было слов. Явно неординарная девушка, единственная русская в этом селе. И в таких условиях! В сравнении с ними его собственный убогий быт показался ему царским. Тамила попросила его посветить, подержав лампу, пока она стелила постель на полу спальни.

– Аншел Хаимович, вы будете спать на кровати.

– Об этом не может быть и речи. Я буду спать на полу.

Они долго спорили, Аншелу даже пришлось прибегнуть к начальственному тону. Кончилось тем, что Тамила подчинилась. Она посветила, пока он оказался у своей постели, погасила лампу, оставив её на столе, и в темноте на ощупь поднялась в спальню к кровати. В темноте он слышал, как она раздевалась, стараясь даже едва уловимыми звуками не потревожить его.

Аншел лежал, снова и снова с печалью думая об условиях, в которых оказалась только что окончившая институт девушка-врач. Он не знал, как она жила в студенческие годы, и вообще мало знал о ней. Ясно было только, что она умна, отлично образована и хозяйственна необычайно. Свидетельством тому наведенный в кратчайший срок порядок в больнице и в её развалюхе. Сон всё не приходил.

– Вы не спите, Аншел Хаимович?

– Не спится что-то.

В абсолютной темноте он не видел и не слышал, как она встала с постели. Поэтому её появление оказалось полной неожиданностью. Приподняв простыню, которой он был укрыт, она легла рядом с ним, крепко прижавшись к нему голым телом. Аншел окаменел.

– Тамила, не надо.

– Надо, дорогой Аншел Хаимович, ох как надо! Как я мечтала об этом, если бы вы только знали, как я мечтала об этом! Если бы вы представили себе, как я вас люблю!

Поцелуйи её при всей страстности объятий были детскими, неумелыми. Аншелу мгновенно открылась её неопытность. Но каким роскошным было её обнажённое тело! Эта изумительная грудь, прижимавшаяся к его груди! Господи! Как устоять? Чтобы обуздать свою

плоть, он обратился к Торе. Он заставил себя вызвать образ Пинхаса, убивающего копьём еврея Зимри – сына Салу и мадианитянку Козби – дочь Цура, предавшихся блуду. Господи! Помогите! Не выдержу!

– Тамила, девочка дорогая! Поймите, мы не имеем права. Кто знает, какой муж вам достанется, как он отнесётся к тому, что вы не девственница. Это может испортить всю вашу жизнь.

Он говорил, мучительно стараясь оставаться неподвижным. До предела, как при поднятии тяжести, напрягал все мышцы, чтобы не обнять это изумительное нежное существо, чтобы не ответить на её поцелуй, чтобы не преступить. Пусть уж лучше эякуляция. Стыдно, конечно. Но он хоть избавится от этого невыносимого напряжения. Зачем она прикасается к нему гладкими изумительными ногами? Он изогнулся, как при столбняке. Нет, это невыносимо! Господи, нет сил!

– Тамила, славная девочка, прекратите. Вы создали себе образ, фантом. Вам здесь, где нет ни единого человека, с которым вы могли бы поговорить, показалось, что я достоин вас. Не надо. Не калечьте свою жизнь.

– Аншел, родной, я так вас люблю!

– Нельзя, девочка, нельзя. Я ведь буду обязан жениться. А жениться на вас по некоторым причинам я не могу. Кроме того, это может закончиться беременностью. Вы представляете себе?

– Не просто представляю, а мечтаю об этом. Мечтаю о ребёнке от вас. Я умру сейчас. Аншел, любимый, прошу вас!

Ему безумно хотелось обнять её и ответить на её поцелуй! Но он продолжал лежать истуканом, придуывая и повторяя причины невозможности их соития. В редкие моменты, когда она на мгновение отстранялась,

он, переставая ощущать её грудь, её нежную кожу, болезненно замирал. В такие моменты он справедливо упрекал себя в лицемерии. В эту ночь он понял, что способен выдержать любую пытку.

Бессонная темнота была такой бесконечно мучительной и такой быстротечной... Зазвенел будильник...

После скорого завтрака в пять часов утра они уже были в больнице. Он осмотрел прооперированных больных. В семь утра прилетел самолёт. Тамила проводила Аншела. Он пожал и поцеловал её руку.

– Всё равно, дорогой Аншел Хаимович, вы не сможете заставить меня не любить вас. А приезжать, как и раньше в операционные дни, вы разрешаете?

– Конечно. Только, пожалуйста, без любви. Вы даже представить себе не можете, какая вы замечательная. Хотел сказать очаровательная, исключительная, но и это не те слова. Я вообще не нахожу нужных слов.

Двести километров до Караганды. Почти час лёта. В тесном биплане он сидел спиной к пилоту, снова и снова переживая бессонную ночь. Уснуть бы сейчас. Впереди тяжёлый рабочий день. Но уснуть не удавалось. Всплывали воспоминания, а с ними снова и снова дикая нестерпимая эрекция.

Каждое появление Тамилы в операционной, пока скальпель не прикасался к коже пациента, было для него мучением. Летом следующего года она пришла в конуру, снимаемую им в общей квартире в доме недалеко от места работы. Она проследила, как он вышел из больницы, и пошла за ним. Добро, ни хозяйка, ни соседи не заметили их появления.

– Аншел Хаимович, я пришла попрощаться с вами. Я выхожу замуж. Он замечательный человек. Но я, грешная, не люблю его. Он не вы. Кроме вас я никого никогда не люблю. Это не слова. Я себя хорошо знаю.

Дорогой, сделайте мне подарок. Возьмите меня сейчас, при свете, чтоб хотя бы один раз в жизни я увидела любовь с единственным любимым мной человеком.

– Нельзя, дорогая. Если мы выдержали целый год, надо выдержать несколько минут. Но позвольте мне на прощание поцеловать вас.

– Позвольте... Да я вам позволяю вывернуть меня наизнанку! Вы всё равно останетесь со мной пока я жива. В моём сознании. Я могу, я умею любить только одного человека, только вас. В редкие мои приезды в Караганду многие достойные мужчины предлагали мне руку и сердце. Но никто, ни один из них не вы.

– Прощайте, дорогая девочка. От всей души желаю вам счастья. Вы достойны его. Время великий целитель.

Он поцеловал её в щеку. Она потянулась к нему губами. Но он взял себя в руки.

– Прощайте, дорогой человек.

Фонарь на улице погас. Фиолетовое небо постепенно становилось синим, голубым. Он тихо, чтобы не разбудить жену, встал с постели. Воспоминания возбуждали его. Он знал, что после вчерашнего торжества, стоит лишь прикоснуться к жене, желание у неё будет таким же, как у него. Но в этот момент по какой-то непонятной мистической причине ему захотелось снова испытать, ограничить себя.

Он сел на пуфик возле трельяжа и с благодарностью смотрел на умиротворённое красивое лицо жены, подаренной ему небом.

2008

СЛЕД ПРОЛЕТЕВШЕЙ ПТИЦЫ

Раз в неделю-полторы врачи больницы должны были вести поликлинический приём. Виктору было жаль каждого дня вне операционной, но он понимал, что врачей не хватает, вспоминал одного из учителей: «Врач – лекарь, а не портняжка» и – никуда не деться – подчинялся. Сначала неохотно, а потом со всё большим интересом.

Шёл уже третий час рутинного приёма в детской поликлинике, когда в кабинете появилась двухлетняя Алёнка – обаятельно-красивый ангелок, судя по кокетству которого, казалось, прекрасно понимающий, что она женщина. Личико весело излучало желание нашкодить, сделать какую-нибудь пакость. Не успела мать снять с неё туфельки и поставить перед Виктором на стол...

Тут необходимо прерваться. Мама! Черноглазая блондинка со светящейся молочно-опаловой кожей, какая бывает только у натуральных блондинок. В огромных распахнутых глазах, от взгляда которых было не укрыться, как от мощного морского бинокля или микроскопа, мерцал таинственный космос. Ничего подобного Виктор за свою жизнь не видел и с трудом вынырнул из волны очарования, возвращаясь к Алёнке.

Итак, Алёна. Как только мать сняла с неё туфельки и поставила девочку на стол, она стала шарить взглядом по полированной поверхности в поисках чего-нибудь, что можно истребить или хотя бы разрушить. Но на столе не было ничего, кроме стопки историй болезни. Это для обычного ребёнка, но не для Алёны. Она немедленно засунула большой пальчик правой ноги в

чернильницу. Виктория – так звали мать – подхватила её и понесла к раковине. Виктор ожидал обычных воспитательных родительских криков. Но услышал тихий спокойный голос: «Воспитанная хорошая девочка так не поступает». Она открыла кран, отрегулировала тёплую воду и вместе с подошедшим Виктором они занялись Алёниным пальчиком в четыре руки. Осмотрев девочку, Виктор объяснил, что она абсолютно здорова, не нуждается ни в каком лечении, а если возникнут какие-нибудь вопросы или сомнения, можно прийти на повторный осмотр месяца через два-три. И было в этом лишь желание ещё когда-нибудь увидеть этих красивых женщин.

Каково же было его удивление, когда ровно через неделю последней на приёме пациенткой оказалась приведенная Викторией Алёна. О! Это было замечательное время, с медициной не имеющее ничего общего! О чём они только ни говорили... Виктор узнал, что Виктория развелась около года назад. Замуж она вышла на последнем курсе института за преподававшего у них доцента. Вскоре после женитьбы его взяли инструктором в ЦК, чему он был несказанно рад и стал стремительно делать карьеру. Уже одного этого, сказала Виктория, достаточно для развода. Хотя за два года после смерти Сталина атмосфера несколько разрядилась, но слова Виктории прозвучали не по времени свободолобиво – в ту пору, можно сказать, даже несколько антисоветски – впрочем, только добавив ей обаяния. Сейчас она инженер в проектном институте. Алёну воспитывают её родители. Мама и слышать не может упоминаний ни о каких детских заведениях, а отец, дослуживающийся до отставки полковник-артиллерист живёт только Алёной.

Когда они ушли за несколько минут до закрытия поликлиники, Виктору показалось, что у него отняли его самого.

В следующее воскресенье он дежурил в хирургическом отделении. Дежурство холодное – никого по «Скорой», ни одной операции. Виктор торчал с книгой в пустой ординаторской. Когда без стука отворилась дверь и на пороге появилась Виктория, он оторопел. Похоже, даже в детском саду он был находчивее. Несколькими месяцами спустя, когда он подробно рассказывал мне об этом, я спросил, в каком платье она была, но он не смог вспомнить. А тогда посадил её за журнальный столик. Поцеловал руку. И не мог остановиться. Губы скользнули выше по руке. Виктория улыбнулась: “Кстати, Виктор, кроме рук, у меня есть и другие места, которые можно целовать”.

Господи! Какие губы! Чётко очерченные, чуть выпуклые, нежные, без помады, слегка сдержанно отвечавшие на его поцелуи. Ну, как можно было оторваться от них? Виктор, начиная терять контроль, крепко обнял Викторию.

– Мы здесь в достаточно укромном месте?

Он взял её за руку. Они выскользнули в коридор и влетели в не работавший в этот день рентгеновский кабинет. У стенки стояла узкая дерматиновая кушетка. Виктор, одновременно веривший и не веривший в происходящее, неосторожно подтолкнул Викторию к кушетке. Виктория не удержалась на ногах и ударилась о стенку.

– Да, вероятно, не здесь. И не сегодня.

Они вернулись в ординаторскую, где она подробно продиктовала ему адрес. Сознание выхватывало кусками – завтра... от остановки крутой подъём до улицы пятиэтажек... если в её почтовом ящике торчит газета, значит путь свободен... только в этом случае!

Газета торчала, как поднятое крыло семафора – путь свободен! Дом без лифта. Виктор взлетел на третий

этаж и позвонил в дверь, которая мгновенно, словно от его звонка, открылась. Слева от двери, занимая чуть ли не треть комнаты, стояла разложенная тахта. Больше ничего не он видел – не до обстановки! – сбросил свитер с брюками и бросился к Виктории – она шагнула назад и, упав на тахту, закатала под талию задрвшуюся клетчатую юбку шотландской шерсти и лежала обнажённая с опущенными на пол ногами. Кофточка расстегнулась, освободив тяжёлые налитые груди. Он застыл перед ней немым изваянием. Вчера, провожая, он посмотрел на её точёные голени и мысленно скользнул взглядом вверх, представляя, какой красоты должны быть бёдра. Но это невозможно представить. Испанцы и голландцы писали своих обнажённых красавиц с прекрасной натуры. Почему же их гений не домыслил красоты, какая сейчас была перед ним!? Ему хотелось уйти в неё, изнутри касаться её сердца.

Он привёл её в шок сначала непонятным молчанием, а теперь изумительным бешенством. Но вероятно ему удалось добраться до сердца. Она застонала, ощутив, как её уносит в какую-то райскую беспредельность. Ничего подобного она никогда раньше не испытывала. Уже не в состоянии вмещать в себя эту неземную радость, она закричала и, смутившись, безуспешно пыталась подавить крик и стоны. А Виктор, включивший все тормоза, чтобы это счастье не прекратилось, почувствовал, что уже на пределе, замялся, услышал в ответ на не прозвучавший вопрос: «Сегодня всё можно» и удивился той освобождающей силе, с которой всё произошло. «Ах, как хорошо!» – выдохнула она. Обессиленный, он сидел на полу между её коленей, она тихо гладила его голову...

Следующий раз они встретились на широкой двуспальной кровати и уже без всяких клетчатых юбок и

прочего. В какой-то момент она спросила: «Ты знаешь ещё какие-нибудь позиции или позы?» Увы, он не знал. Раз, другой, третий почти без перерывов. Он никак не мог достичь финала и услышав: "Отдохни, я тоже устала" лежал, переполненный неутихающим желанием и награждал себя, осторожно, чтобы не сорваться, поглаживая её отзывающиеся на прикосновения груди. Внезапно она вскочила на него, как наездница на мустанга.

– Нравится? Вот ещё одна позиция. Будут у нас и другие. Это ведь ты, единственный, подаренный мне небом. Я узнала, что это ты, не успев разглядеть твоего лица. Когда мы с Алёнкой стояли напротив тебя возле стола, в окне промелькнула птица – так быстро, что я не успела рассмотреть, какая. Говорят, невозможно увидеть след летящей птицы. А я увидела и прочла в нём, что это ты. Когда-нибудь расскажу... И когда мы у раковины случайно соприкасались, я уже не сомневалась в том, что это ты.

С каждой встречей они узнавали друг друга и сближались всё больше и глубже. У него на теле было семь больших рубцов, не считая мелких. Как-то она случайно задела один из них, под которым прощупывалось неправильно сросшееся ребро.

– Ты воевал?

– Да.

– Кем?

– В семнадцать красноармейцем, в пехоте. Потом командир отделения, замкомвзвода, комвзвода, командир стрелковой роты. Вот и всё. Потом медицинский институт.

– В разговорах отца с сослуживцами я уловила, что командиры стрелковых рот выживали реже всех.

– Да. Но эти ранения спасли мне жизнь. После госпиталя я появлялся на передовой и вскоре снова попадал в госпиталь. Семь раз. Вот и выжил, спасибо пулям и врачам.

Виктория поцеловала большой рубец: "Спасибо", и следом – каждый из шести, шепча: "Спасибо, что вы мне сохранили его". И слова были тишиной, как когда-то в детстве мамыны.

– У тебя должно быть много наград.

– Джентльменский набор.

– Что это?

– Орден Отечественной войны второй степени, орден Красной Звезды, медаль "За отвагу" и ещё медали за оборону и за взятие. Командиров стрелковых рот наградами не баловали. Вот и придумали – джентльменский набор.

На вершине стона, подавляя крик, она вдруг страстно произнесла: "Какой большой!". Он грустно подумал: «Комплименты, комплименты, ничего такого большого» и пошутил: «Обычный джентльменский набор».

– Я не об этом, я о тебе. Не успеваю помечтать, чтобы ты прикоснулся ко мне, как ты прикасаешься к тому самому месту, о котором я подумала, нет – к каждой клетке меня. Большой – не то слово! Ты это ты. Это для меня всё. Понимаешь? Ты – мой. Ты создан для меня по моему заказу.

– Заказ из будущего? Я ведь на пять лет старше тебя.

– В мире достаточно много необъяснимого.

– Так давай поженимся.

– Это невозможно. Охотников жениться на мне длинющая очередь, но и в самом-рассамом нет тебя. А

ты... Понимаешь, ты крутовойный еврей, который никогда не согласится на крещение. А я православная, внучка священника и мне от этого не уйти. В браке со временем многое постепенно притирается. Многое, но не это. Тут и пустяк при твоей вспыльчивости может взорваться и разнести в пух и прах всё, что нас связывает. Каждый твой рубец говорит, что твоя вспыльчивость не придурь, что корни её в этих рубцах, я понимаю. Но взрыва, который прикончит нас, я не переживу. Подожду очереди. Может, в ней окажется кто-то, в ком увижу хоть капельку тебя. Подожду...

Помолчала и совершенно другими тоном и голосом добавила:

– Если успею...

Он хотел спросить, что значит “если успею”, но опасение вторгнуться во что-то, о чём она сейчас не хочет говорить, остановило его. Или, может быть, то, что мысли его уносились центробежной силой событий последних к другому?

Ещё на четвёртом курсе заведующий кафедрой факультетской хирургии обратил внимание на Виктора и при распределении хотел взять к себе аспирантом. Хотя после смерти Сталина прошло несколько месяцев, единственное, что ему с огромными усилиями удалось, это устроить Виктора хирургом в больницу. А сейчас профессор назначен директором открывающегося научно-исследовательского института хирургии и сам, лично подбирает кадры. Благодаря дружбе с министром он сумел получить согласие на приём Виктора, но с условием, что тот немедленно отправится на Камчатку в трёхнедельную командировку – не столько для усиления периферического здравоохранения, сколько для

ещё одной демонстрации его возможностей, способностей и умений, чтобы крыть возможное сопротивление противников «засорения кадров».

Виктор радостно сообщил Виктории эту новость. Но её огорчению не было предела.

– Так ты не будешь на дне моего рождения? Это же невероятно!

Он и так и сяк объяснял, что значит для него эта должность и имеющая к ней отношение командировка, но она, всё понимая, не могла принять разлуку.

Вот тогда Виктор и раскрыл мне подробности их отношений. Он попросил меня от его имени вручить Виктории в день рождения подарок, букет и бутылочку вишнёвого ликёра. Я предложил вместо ликёра торт, на что он заметил, что Виктория вообще не любит сладостей и деликатес для неё – солёные морские продукты, так что, если достану тарань, лучше подарка не придумать. Так первый и единственный раз я увидел Викторию. Должен сказать, Виктор ничуть не преувеличивал, описывая её красоту.

Счастливым он возвращался домой. В рюкзаке тщательно упакованные балыки, сёмга, замороженная строганина. Самолёт приземлился в Жулянах точно по расписанию. Он метнулся к телефонной будке, представляя себе, как сейчас появится у Виктории, как будет доставать и разворачивать пакеты, как она будет накрывать на стол и с каким удовольствием есть. Какой это будет праздник! Позвонил. Она ответила. Но камчатский холод не шёл в сравнение с холодом, хлеставшим из телефонной трубки. Нет, не приходите! Когда? Пока трудно сказать. Известит. Он звонил ежедневно. Но, услышав его голос, она молча вешала трубку. Един-

ственным, что в какой-то мере спасало его, было погружение в нескончаемую, но невероятно интересную работу.

Прошло больше месяца. Виктор ехал в троллейбусе. Задумался. Встал, чтобы выйти на нужной остановке в середине Крещатика. Одна нога была уже на подножке, когда кто-то нажал ему на плечо. Он не переносил даже случайных прикосновений незнакомых людей, а здесь кто-то... Он уже стоял на тротуаре, когда из троллейбуса вышла Виктория. Они молча смотрели друг на друга. Мужчины, иногда и женщины замедляли шаг, чтобы полюбоваться красавицей. А они смотрели друг на друга и ни слова. В какой-то момент он заметил, как космос её огромных чёрных глаз стал мутнеть. Такое случилось в минуты самой тесной близости. Шёпотом:

– Родной, я так тебя хочу.

– Только свистни.

Он вмиг забыл все свои переживания и обиды. А она без единого звука развернулась и зашагала своей неопишуемой походкой, одаривая красотой прохожих.

Шло время. Никаких изменений. Только работа позволяла ему выжить и не сойти с ума. Однажды, он не мог вспомнить точно когда, к нему пришла сослуживица Виктории и сообщила, что та умерла от рака желудка. К врачам не обращалась. Обращалась ли к знахарям, не знает.

Виктор схватился за голову: "Я же врач. Почему я её не спросил?". Этот вопрос повторялся при каждой нашей встрече. Прошло два года. Виктор встретил очаровательную девушку, ставшую его женой. Имя Виктории больше не упоминалось. Только вопрос: "Почему я её не спросил" оставался не тающим отголоском той далёкой поры.

В молодости я был базальтовым материалистом. О вере в какую-то мистику не могло быть и речи. Но в тех рассказах Виктора с преобладанием секса, а я всего лишь на год моложе Виктора, ощущалось нечто не укладывающееся в нормальный, обычный ход вещей. Вот и сейчас, опиши я всё, как это было рассказано Виктором, получилось бы сексуальное приключение, а это не моя парафия⁶.

И вообще, почему я это написал, собираясь рассказать совсем о другом? Почему об истории Виктора и Виктории? Вспомнилось, как он убеждал меня в том, что Виктория действительно способна видеть след пролетающей птицы, как входили в него какие-то неосязаемые, но оказывающие необъяснимое, не передаваемое, удивительное влияние токи. Икс-лучи мы ведь тоже не ощущаем, а они могут убить человека. Он считал, что именно такие мистические лучи крепко и непрерывно связывают его с Викторией. Не знаю. Почему-то их историю считаю неотъемлемой частью того, что собираюсь рассказать.

Заведовавший нашим отделением профессор со снисходительным скепсисом относился к моему увлечению магнитными полями, радиочастотами и вообще физикой. Правда, из этой физики он всё-таки милостиво исключал механику, которая мной, ортопедом, весьма доказательно применялась ежедневно. Виктора он не знал. Нередко задавал вопросы, на которые ещё не было ответов. Но и обычные.

– Ион, если обнажённый провод с током в двести двадцать вольт коснётся плотного зимнего пальто или

⁶ - Парафия (церк., зап.) – приход. Здесь в смысле «не моя епархия», «не моя область» (В.К.)

цигейковой шубы, люди в таком одеянии почувствуют удар тока?

– Нет. Это слишком надёжная изоляция от тока напряжением в двести двадцать вольт.

– Отлично! В таком случае послушайте. В обычный зимний день женщина примерно лет двадцати пяти – тридцати в цигейковой шубе вошла в книжный магазин. Зашла просто так, на всякий случай – вдруг поступило что-нибудь интересное? В тот же момент в магазин вошёл мужчина чуть постарше. Он хотел купить книгу, попросил её у продавщицы и даже показал, где она стоит на самой верхней полке. Продавщица забралась на стремянку, достала книгу и ещё с высоты попыталась вручить её покупателю. В плотном зимнем пальто он поднял руку навстречу и случайно слегка прикоснулся к стоявшей рядом женщине в шубе. Тут же ток невероятной силы ударил в его руку. Правда, ток немедленно превратился в нечто сказочное, ласково окутавшее всё тело. Он посмотрел на никогда не виденную им женщину. Кого ещё мог он посчитать источником тока? Шапочка, цигейковая шуба, только лицо. Но какое! Он оторваться не мог от этого лица, вероятно, самого прекрасного в мире и такого нужного.

А вот её рассказ. На вошедшего мужчину она не обратила внимания, как и вообще – верная жена и мать двух детей – не обращала внимания на мужчин. Но вдруг плотный рукав его пальто коснулся рукава её шубы. Тут же ток невероятной силы ударил её в руку. Правда, ток немедленно превратился в нечто сказочное, ласково окутавшее всё тело. Состояние было таким, словно она абсолютно голая в райском саду. Она взглянула на мужчину и онемела. Вот он! Если бы он захотел, она тут же отдалась бы ему на снятой шубе. Это произошло в тот же вечер. И вот несколько лет они любовники.

Такие, словно не прошло и нескольких дней со дня их первой встречи. Два благородных человека – они бережно сохраняют свои семьи. Он – жену и двух детей. Она – мужа и двух детей. Как необходимо хранить тайну! Какие душевные и интеллектуальные силы нужно иметь для этого! Но какова должна быть физиология их отношений, чтобы столько лет не иссякало желание? Что это за ударивший их ток? Где его источник? Как он преодолел изоляцию? И как превратился в то, что они описывают? Известно ли вам нечто подобное? Найдете ли вы в своей физике ответ или хотя бы намёк? Я вас уже давно намеревался познакомить с этой парой. Чудесные люди!

Познакомил. Действительно чудесные люди. Убедился в этом за несколько лет общения с ними. Они провожали нас на вокзале, когда мы уезжали в Израиль. Каждый со своей семьёй, с детьми и несколькими внуками. И ведь любовники!

Не знаю, как это объяснить. Стоит подумать о них и немедленно вспоминаю Виктора и Викторию. Существует какая-то неуловимая связь. Непонятно. Я не знаю о сексуальной жизни этой пары. На вокзале я видел пожилую женщину с остатками былой красоты. В таком случае вообще смешно говорить о женской красоте. Кого я мог сравнить с неотразимой Викторией? Но шутка ли, около двадцати лет тайной любовной связи?! Связи, продолжающейся чуть не до старости, несмотря на все препятствия. Мистика.

Наши с Виктором отношения отъездом не прервались. Он один из четырёх не побоявшихся переписываться со мной – отщепенцем и предателем по советским меркам. Ни в одном из его писем не было имени Виктории. Но о чём бы он ни писал, обязательно появлялось "Почему я не спросил её?!". В девяностых годах

появились компьютеры, связь по электронной почте стала обычным делом. Совсем недавно пришло письмо:

«Дорогой Ион! Предчувствую, что это моё последнее послание, моё прощальное письмо. Мы с тобой старые врачи. У каждого из нас длинный список в несколько тысяч пациентов, которых, можно сказать, мы спасли. Есть среди них уникальные наблюдения, могущие сделать нам честь. Список этот был бы безукоризненным, не будь в нём случаев диких ошибок, тяжким непростительным грузом лежащих на моей душе. Самый невыносимый груз – почему я её не спросил?»

2016

У НАС В ГАРНИЗОНЕ

Население военного городка знало два ориентира. Один – высота 237 с тригонометрической вышкой. Она фигурировала на всех топографических картах. Офицера, прослужившего в гарнизоне около месяца, уже тошнило при упоминании высоты 237. Второй... Впрочем, на тактических занятиях капитан не уставал повторять, что ориентиром может служить только неподвижный предмет, привязанный к местности. Нельзя скомандовать «правее коровы два пальца», даже если корова стоит неподвижно.

– А если корова привязана к местности? – спросил как-то младший лейтенант.

– Нельзя, – отчеканил капитан.

Он знал это не потому, что недавно получил очередное звание и командовал танковой ротой. Истину эту он усвоил ещё будучи курсантом. В училище излагали только истины. А истина на то она и истина, чтобы её знал и соблюдал каждый солдат.

Тем не менее, вторым ориентиром был не неподвижный предмет, привязанный к местности, а Стёпа – вольнонаёмная уборщица в штабе дивизии.

Если быть абсолютно точным, Стёпу нельзя считать ориентиром, хотя имя её в гарнизоне упоминалось так же часто, как название высоты с тригонометрической вышкой и даже чаще. Высота 237 была уделом только солдат и офицеров. Стёпино же имя склоняли не только сами военнослужащие, но и их жёны, и взрослые дети – мальчики, которых волновала красота и афишируемая доступность Стёпы, и заинтригованные

Стёпиной популярностью и плотной атмосферой запрещённого секса созревающие девочки.

Жёны не только склоняли Стёпино имя. Периодически они приходили в штаб поодиночке и целыми делегациями с требованием убрать отсюда эту развратную девку, соблазняющую их несчастных мужей. Однажды самому начальнику штаба пришлось вмешаться и выволить Стёпу из рук трёх взбесившихся фурий, пришедших сюда именно по этому деликатному поводу. Надо же, чтобы в тот самый момент, когда они явились с жалобой на своих мужей, заподозренных в преступной связи с этим исчадием ада, Стёпа вышла из кабинета начальника оперативного отдела. И хотя в руках у неё была швабра с помойным ведром и наряд на ней был далеко не царский – куцый застиранный, в лучшие годы бывший синим халат, её соблазняющие прелести демонстрировались с вопиющей силой. Первой ринулась в атаку подполковница, жена командира мотострелкового батальона. Вёдра пергидроля извела она, чтобы оставаться блондинкой. А эта тварь – глянть, какие золотые волосы у неё и блестят без всякого пергидроля, всего лишь чисто вымытые! Подполковница вцепилась в ненавистные тугие косы, уложенные сзади в тяжёлый узел. Стёпа увёртывалась, стараясь вырвать из рук фурии распустившиеся волосы. Это сделало её ещё красивее. Взбешённые женщины колотили её, царапали, пытаясь добраться до этих наглых больших глаз, таких зелёно-коричневых, что даже на ярком свете они казались чёрными. Пуговицы халатика расстегнулись. Обнажилось ослепительное тело. Озверевшие дамы взвыли. Бедные несчастные их мужья! Может ли устоять какой-нибудь самец при виде такого тела? Дикая обида захлестнула их. Они рыдали и кричали, словно не Стёпе, а им самим доставались их побои. Они ревели от обиды,

что не у них, а у неё такое тело, такая красота. Ну как их подлым мужьям не поддаться соблазну, не променять их – чистых и непорочных – на эту тварь!? Надо же, такая девичья фигура после четырёх родов! Офицеры повыскакивали из своих кабинетов, но их деликатное вмешательство – всё-таки женщины! – не могло остановить озверевших баб. На шум вышел генерал, начальник штаба. Именно в этот момент Стёпа угодила коленом в живот подполковницы. Та взвыла от боли и повалилась на пол. То ли этот тактический успех, то ли погоны генерала сделали своё дело, но баталия прекратилась.

Уже через несколько минут важнейшее в гарнизоне событие обсуждал весь военный городок. Симпатии разделились. Большинство мужского населения почему-то было на стороне Стёпы. Все офицерские жёны рвали, метали и жаждали крови этой потаскухи.

Впрочем, не все. У жены капитана, командира танковой роты были свои соображения и планы. Ещё в Харькове, когда её будущий муж был курсантом танкового училища, а она – студенткой культпросветтехникума, когда она отбила его у своры своих подруг, готовых распластаться под этим кобелём, она не обольщалась по поводу его способностей, не кобелиных, разумееется, а умственных. Но себе-то она знала цену. Она не сомневалась в том, что со временем станет генеральшей, даже если не ему, а ей придётся командовать танковыми подразделениями и закончить военную академию. Пока у неё не было оснований недооценивать свои способности. Даже материальную часть танка Т–62 она знала пожалуй лучше большинства офицеров, хотя ни разу и близко к броне не подходила – не разрешалось. Но её кобель первым из их выпуска стал капита-

ном. Она не успокоилась и уже наметила пути к внеочередному получению звания майора. С этой стороны всё было в порядке.

Другое не давало ей покоя. Они были женаты уже пять с лишним лет, а детей у них не было. И не могло быть. Ещё в первые месяцы замужества, ещё до того, как она показалась гинекологу, у неё почти не было сомнений, кто в этом повинен. Подруга по техникуму скреблась после любви с её кобелём. Правда, тогда он ещё не был мужем. Она лишь собиралась отбить его у подруги. Но какое это имеет значение? Недаром он говорил, что семя у него как броневой снаряд. Несчастье было в её неспособности стать матерью. Уже зная это после визита к гинекологу, она всё же поехала в Москву к видному профессору, чтобы выслушать то же, что сказал ей рядовой врач – недоразвитая матка.

В своего кобеля она вцепилась мёртвой хваткой. Править им было легко и удобно. Её курс на карьеру пришёлся ему по вкусу. И главное – он понимал, что без жены карьеры ему не сделать. Чтобы упрочить семью он предложил усыновить ребёнка. Так-то оно так, но её не устраивали банальные решения. Заглядывая далеко в будущее, она представляла себе возможные осложнения, когда идёшь по пути наименьшего сопротивления. Нет, банальные решения не по ней. В поисках оптимального варианта она остановила взгляд на Стёпе.

Рассказывали, что несколько лет назад неизвестно откуда в штабе появилась красавица-уборщица. Даже старшие офицеры, у которых в характеристиках на всех этапах прохождения службы значилась железная моральная устойчивость, ходили с оттопыренными штанами. Вскоре Стёпа забрюхатела. Осталось неясным, кто был в этом повинен. Отцов могло быть много. Ходили

слухи, что там пасся даже сам генерал, начальник гарнизона. Говорили, что заместитель командира дивизии по хозяйству готов был бросить свою супругу и жениться на Стёпе, но она со смехом отвергла предложение своего высокого хозяина. Чего только ни говорили... Говорили, что Стёпа родила здоровую красивую девочку, но даже отказалась взглянуть на неё. Так и выписалась из роддома, не увидев своего ребёнка. В желающих удочерить младенца не было недостатка. Говорили, что когда Стёпа снова забеременела, офицерские жёны наперёд предлагали деньги за ребёнка. Это было вероятно, хотя и не совсем правдоподобно, потому что даже гарнизонные дамы ни разу не упрекнули Стёпу в любви за деньги. Говорили всё же, что Стёпа продала трёх своих младенцев ещё на корню. Чего только ни говорили...

Капитанша обмозговывала варианты. Иногда она была почти согласна на то, чтобы Стёпа забеременела от её кобеля. Затем они заберут и усыновят, можно сказать, своего ребёнка. Но зная цену умственным способностям своего мужа, она всё же не хотела даже для такой святой цели делиться им с другой женщиной.

Капитаншу поразила сверкающая чистота и уют крохотного Стёпиного жилища. А книг сколько! Трудно было представить, что столько книг можно обнаружить внутри старой баньки, чудом уцелевшей во дворе ещё в войну разрушенного дома.

Капитанша быстро поладила со Стёпой. Сложнее было договориться с врачом. Но, командуя танковой ротой с помощью своего кобеля и собираясь в будущем командовать дивизией, а может быть и корпусом, капитанша не пасовала перед трудностями.

Родильным отделением небольшой больнички заведовал молодой врач с двухлетним стажем. Ещё не

накопив врачебного опыта, он уже был сведущ во многих женских художествах. Но о таком он даже не подозревал. Капитанша с врожденной патологией – атрофичной маткой – безапелляционно заявила, что будет рожать одновременно со Стёпой.

– То есть, как рожать?

– Да вот так, просто. Такое дело. Можно в палате, можно в родильной комнате – неважно где. Главное – ребёнок, которого родит Стёпа, должен быть записан как рождённый мной.

– А Степанида?

– Стёпа согласна. Она будет скрывать беременность до самых родов. Следовательно, ей и рожать не надо.

– Но ведь это преступление!

– Перед кем? Стёпа своих детей не забирает из роддома. Хоть так, хоть этак я усыновлю ребёнка. Перед кем же преступление?

– Да, но всё-таки..., – молодой врач с недоумением смотрел на эту странную женщину, – кроме того, персонал.

– Доктор, для такого дела слегка сбрехать не грех. Вы никому не повредите. Никому не сделаете ничего нехорошего. А с персоналом я полажу.

Впервые она столкнулась с таким упрямым мужчиной. Но она была бы не она, если бы после долгих угоров не убедила его.

Через месяц Стёпа оповестила её, что забеременела. Капитанша заблаговременно снабдила её просторным синим халатом взамен мини, из которого так явно выпирали все Стёпины прелести. Даже на последнем месяце беременность оставалась никем не замеченной. Зато все замечали демонстрируемую беремен-

ность капитанши. Конечно, рядовая законная жена офицера в гарнизоне не была так популярна, как Стёпа. Пусть не весь военный городок обсуждал её беременность, но ближайшее окружение было осведомлено.

Наиболее заинтересованным оказался молодой врач-гинеколог. В студенческие годы он слышал о мнимой беременности. Он помнил увлекательный рассказ профессора, заведовавшего кафедрой акушерства и гинекологии, о том, как протекала и чем закончилась мнимая беременность болгарской царицы Драги. Обладая скептическим складом ума, студент с недоверием отнёсся к этому красочному рассказу. На экзамене после четвёртого курса и на государственном экзамене не было вопросов о мнимой беременности, а потом он забыл о царице Драге и прочих сказках, не имевших отношения к его нелёгкой повседневной работе. И вот перед ним гордо несущая свой выросший живот капитанша. Доктор был так ошарашен, что, прочно помня об атрофичной матке, всё же уложил капитаншу на гинекологическое кресло. И только обследовав её, он уверился в том, что беременностью здесь даже не пахнет. Вот тебе и сказки о царице Драге! Да, брат, многого ты ещё не знаешь.

Полтора года назад, только начав работать в этой больничке, он принимал роды у Стёпы. Родила она легко и быстро. Всё-таки четвёртые роды. И даже необычная красота пациентки не задержала бы его больше обычного у родильного стола. Но где видано подобное? – Стёпа категорически отказалась даже взглянуть на младенца, крупную прелестную девочку.

Близился рассвет. Доктор смертельно устал и мечтал часок-другой вздремнуть до начала обычного рабочего дня. И всё же ему было интересно выяснить причину странного поведения родильницы.

– Я знаю, что вы работаете уборщицей в штабе. Это как-то не соответствует интеллигентности, я бы даже сказал, аристократичности вашего лица.

Стёпа грустно улыбнулась и вдруг, резко повернув голову в сторону врача, сказала:

– Есть анекдот о четырёх вариантах женского поведения: мужу ничего не показывают и не рассказывают, другу всё рассказывают и ничего не показывают, любовнику всё показывают, но ничего не рассказывают, и только гинекологу всё показывают и всё рассказывают. Если учесть, что много лет у меня нет друга, то почему бы не рассказать гинекологу?

Доктору трудно было скрыть удивление. Он уже был наслышан о Стёпе. Возможно, поэтому его удивила грамотная речь и манера изложения, необычная для пациенток этой больницы.

– Вы обратили внимание на аристократичность моего лица. Да, вы правы. Это не вульгарная красивость. Странно, что условия и образ жизни трёх поколений не стёрли с лица этой ненужной печати. Видно, прочная штука наследственность.

Доктору показалось, что глаза этой странной женщины утонули в слезах. Нет, только показалось. Не было слёз. Но такую вселенскую печаль излучали эти глаза, что ему самому захотелось заплакать.

– Моя бабушка – графиня из рода Разумовских и Толстых. Не тех Толстых, из рода которых Лев Николаевич, а тех, которые дали свету Алексея Константиновича, одного из авторов Козьмы Пруткова. Алексей Константинович был другом императора Александра Второго, что не мешало ему оставаться либералом значительно большим, нежели те, которые породили убийцу императора и тех, кто совершил революцию. У бабушки тоже были либеральные взгляды. Юная курсистка с радостью

приняла новую власть, считая, что она возродит Россию. Но новой власти не понравилось аристократическое происхождение моей бабушки. После ужаса ареста она оказалась в ссылке на Северном Урале. Судьба свела её с интеллигентным молодым человеком, внуком ссыльного польского офицера. У них родилась моя несчастная мама, которую уже после войны неизвестно за что репрессировали и сослали в Казахстан. Я даже не знаю, была ли она замужем. Я родилась в Алжире. Нет, нет, не в Африке. Так сокращённо называли Актюбинский лагерь жён изменников родины. В пятьдесят шестом году, когда началась реабилитация, бабушка разыскала меня и забрала из детского дома. Мама и дедушки уже не было в живых. Я, к тому времени девятилетний ребёнок, уже прошла один круг ада. Бабушка, почти лишённая средств к существованию, пыталась воспитать меня так, как воспитывалась сама. Она привила мне вкус к чтению, к хорошей литературе. Три счастливых года моей жизни. Единственных. После смерти бабушки я снова попала в детский дом. Мне исполнилось двенадцать лет. Я быстро созревала и взрослела. Уже в ту пору я возбуждала желание мальчиков. Но с ними было просто, их можно было держать на расстоянии. Спустя два года меня принудил к сожительству директор детдома. Я быстро вошла во вкус. Мне стало его не хватать. Я жила двойной жизнью. Умом я отвергала всё, что меня окружало, а тело моё жаждало любви. В семнадцать лет я покинула детдом. Скиталась по стране. Я отказывалась от замужества.

– Почему?

– Во мне опыт бабушки и мамы. Я бабочка-однодневка. Я живу настоящим и даже думать не хочу о будущем. После года скитаний я попала сюда. Здесь мне хорошо. Я нуждаюсь в сильных здоровых мужчинах.

Здесь их с избытком, я могу выбирать. Не верьте слухам – я не отбиваю мужей у их безупречных жён. Мои любовники – солдаты и молодые неженатые офицеры. Не скрою, иногда меня тянет и к пожилым мужчинам. Может быть, это воспоминание о директоре детского дома, а может быть, просто потребность в отцовской ласке, которой не досталось – не знаю. Я могла бы стать состоятельной проституткой. Зачем? У меня нет будущего.

Родильную комнату окутало молчание. Стёпа лежала на спине, глядя на потрескавшийся потолок. За дверью гроыхали вёдрами санитарки. Доктор проглотил комок и спросил:

– А дети? Зачем вам нужны дети? Ведь это уже четвёртые роды.

– Мне не нужны дети. Я вам уже объяснила. Моё тело живёт животной жизнью. Я не лишаю себя никаких удовольствий. Как кошка. А котята попадут к хорошим хозяевам. Вот почему я не хочу видеть, кого родила. Я боюсь, что во мне проснется материнский инстинкт, если я увижу младенца. Нет, материнство не для меня. Надеюсь, у вас нет ничего против того, чтобы рождённые мною, улучшили породу офицерского корпуса Советской армии?

Стёпа очаровательно улыбнулась и доктор почувствовал, что этой улыбкой и этой циничной фразой она запрудила поток внезапной доверчивой откровенности.

Они остались друзьями, что выяснилось сейчас, когда Стёпа поступила в его отделение для пятых родов.

– Ну, Степанида, кто на сей раз отец ребёнка? – спросил доктор, обследуя её на гинекологическом кресле.

– Если это не праздный вопрос, то могу вам сказать, что ребёнок от очень достойного человека, хотя он ещё мальчик – на семь лет моложе меня. Только в июне

ему исполнится девятнадцать. Но он уже личность. Жаль, мне пришлось отлучить его от себя четыре месяца тому назад, чтобы он не заметил беременности. Знаете, это был первый случай общения с мужчиной, которому мне хотелось рассказать о себе.

– Рассказали?

– Нет. Не захотела взваливать беду на этого славного мальчика.

– Вы его полюбили?

– Вне сомнений. Он тоже еврей.

– Почему тоже?

– Мне кажется, что вы еврей.

– Нет, – рассмеялся доктор, – я просто интеллигентный человек.

У Степаниды всё протекало нормально. Плод в головном предлежании. Нормальное раскрытие. Воды отошли. Степаниду можно было оставить на попечении акушерки.

Странные события произошли в палате, куда доктор поместил капитаншу. В ту самую минуту, когда ему доложили, что Стёпа родила чудного мальчика весом три килограмма восемьсот пятьдесят граммов при росте пятьдесят один сантиметр, у капитанши начались невыносимые боли внизу живота. Опрос и обследование дали доктору основание назначить мыльную клизму, что оказалось радикальным родовспомогающим средством. Капитанша наполнила калом два больших судна. Не только молодой доктор, но и выдавшие виды санитарки не подозревали, что в женщине может поместиться такое количество кала.

А в родильной комнате на столе лежала Стёпа – бледная, уставшая, но ещё более красивая, чем обычно, хотя это тоже было невероятно.

– Ну что, Степанида, видела мальчика?

– Доктор, мы ведь уже говорили об этом. Нет у меня будущего.

Такая боль прозвучала в голосе Стёпы, что доктор не нашёл слов для утешения, потоптался и вышел в соседнюю комнату.

Акушерка развернула простыню и показала ребёнка врачу. Перед ним, спокойно глядя, казалось, осмысленными глазами, лежал микеланджеловский ангелочек.

Доктор с отвращением подумал о двух суднах, наполненных калом. Он задумался и тут же упрекнул себя за отвращение, вызванное этими суднами. Разве это не часть твоих будней? Конечно, красота приятнее. Но ведь красота досталась без всяких усилий. И на что она тратится? Бабочка-однодневка. Без будущего. Бессмысленная пассивность русских аристократов. Не она ли причина их гибели? А эта женщина, ставшая матерью, разве не заслужила она своё материнство? Какая воля к самоутверждению и уверенность в своих действиях! Не перешагнул ли ты границы врачебной этики, поддавшись очарованию красоты? Нет, не это. Но кто знает, кто знает – кто может однозначно судить о таких вещах?

Вскоре после выписки из больницы капитанша стала собираться в дорогу. Ещё в начале зимы она нацелила своего кобеля на поиск места, где он сможет досрочно получить майора. Ему предложили должность в Забайкальском военном округе, на китайской границе. Капитанша не любила китайцев, как, впрочем, грузин, татар и прочих чучмеков. Не любила она даже братьев-хохлов, не говоря уже об американцах. Конечно, самыми ненавистными были евреи. Нет, капитанша не очень хотела, чтобы её кобель воевал с китайцами. Слишком уж их много. Кто знает, уцелеет ли он, чтобы

дожить до генерала. Но буквально перед самыми родами (капитанша уже сама поверила, что были роды) кобеля вызвали в штаб и сообщили радостную весть: его посылают в Сирию готовить танкистов к войне с израильскими агрессорами. Можно ли было мечтать о чём-нибудь лучшем? Как отлично совпадают её планы с дикой нелюбовью к евреям, которых, к счастью, не так много, как китайцев. К тому же, кобель будет не сам воевать, а только напускать на этих евреев выученных им сирийцев.

В мире капитанши царил гармония. В начале лета 1973 года полноценная семья капитана покинула высоту 237 с тригонометрической вышкой и вылетела в Дамаск.

1982

ЗЯТЬ СЕКРЕТАРЯ ОБКОМА

Это история с продолжением. У продолжения тоже должно быть продолжение. И даже окончание, но я его не знаю.

Девочка четырнадцать лет поступила в нашу клинику для оперативного удлинения бедра. Смазливая круглолицая девчонка с большими синими глазами, слегка вздёрнутым носом и пухлыми губами небольшого рта. Длинная больничная рубашка не скрывала оформляющейся или даже уже оформившейся женственности, хотя лицо всё ещё оставалось детским. В трёхлетнем возрасте Галя перенесла туберкулез тазобедренного сустава. Следствием было укорочение ноги на четырнадцать сантиметров и неподвижность сустава. Красивая девочка была хромоножкой.

Кончался 1952 год. Я заведовал карантинным отделением на тридцать пять коек – частью большой детской клиники ортопедического института. Мой босс, маленькая седовласая еврейка – профессор-ортопед с мировым именем, поступила, надо полагать, опрометчиво, почему-то назначив меня, молодого врача, заведовать карантинным отделением. Из большого коллектива, в котором есть младшие, да и старшие научные сотрудники, выбрать молодого врача заведовать карантинным отделением, такой важной частью клиники! Где логика? Как тут было не обвинить профессора в том, что евреи протаскивают своих людей. В общем, заговор жидамо-сонов.

Только через месяц предстояло официально узнать о врачах-отравителях. Но уже сейчас атмосфера

была перенасыщена спрессованной ненавистью. Чувствовалось, что тебя отторгают, хотя твоя полезность очевидна и в ней не сомневаются даже сами отторгающие. Я задышался наяву, как в ночном кошмаре, когда кто-то или что-то сжимает горло. И главное – за что?

Описание истории болезни поступившего в клинику ребёнка было делом ответственным. Босс придиралась к каждой букве. От меня она требовала, чтобы история болезни была написана не менее медицински грамотно, чем классическое руководство по ортопедии. Более того, она придиралась даже к каллиграфии. Но ответственность становилась просто невыносимой потому, что за твоей спиной и даже за спиной босса ежесекундно ощущалось невидимое присутствие прокурора. Ты превращался в жидкость, сжимаемую многотонным поршнем в цилиндре, из которого нет выхода не только капле – молекуле.

Галя не разрешала осмотреть себя. Бывает. Девочка может стесняться молодого врача. Я обратился к коллеге, ординатору-женщине и попросил её заняться новой пациенткой. Но и она не могла уговорить Галю обнажиться. И это бывает. В таком возрасте, когда периоды странного состояния ещё нечто непривычное, девочки особенно стеснительны. Подождём.

Прошло три дня. История болезни всё еще оставалась не написанной. Коллега постоянно натыкалась на грубость и негативизм пациентки.

Я как раз собирался поговорить с Галей, когда ко мне подошла дежурная сестра и молча вручила свёрнутый четверо лист бумаги.

– Что это?

– Вот видите, как вы неправы, когда ругаете нас за то, что мы читаем переписку детей.

– Каждый ребенок это личность, а перлюстрация писем дело, по меньшей мере, неприличное, – высокопарно изрёк я, в душе удовлетворённый собственным благородством.

– А вы всё-таки прочитайте.

В голосе сестры послышалось что-то заставившее меня взять записку. Но я всё ещё колебался, читать ли её.

– Там внизу молодой человек, Герой Советского Союза. Принёс передачу Гале. Она говорит, что это её двоюродный брат.

– Ну и что?

– А вы прочитайте. Тогда поймёте, почему она не даёт осмотреть себя.

Это меняло дело. Я развернул записку и прочитал: "Ванечка! Я не знаю, что делать. Кажется, ты был осторожен и я беременна. Один выход – покончить жизнь самоубийством".

Этого нам только не хватало! Профессор молча прочла записку. Лицо её осталось бесстрастным, как у профессионального игрока в покер. Только красные пятна на лбу и на щеках выдавали её состояние. По пути в карантинное отделение она приказала мне вызвать гинеколога.

В палате профессор подошла к Галиной кровати, извлекла из кармана халата сантиметровую ленту и угломер, села на табуретку и, посмотрев на меня, сказала:

– Записывайте.

Галя судорожно вцепилась в одеяло.

– Послушай, девочка, – начала профессор, подавляя эмоции, – сотни детей месяцами ожидают очереди на операцию, нередко упуская благоприятные для лечения сроки. Ты попала сюда без очереди по протекции. Ты занимаешь койку несчастного ребенка, у которого

нет влиятельного отца. Четыре дня ты лежишь не обследованная в то время, когда ребёнок без протекции ожидает своей очереди.

– А мне наплевать на ребёнка без протекции и вообще на всех.

Желваки напряглись под морщинистой тонкой кожей на лице профессора:

– Выписать!

Профессор встала и быстро направилась к выходу.

– Ну, хорошо. Можете осматривать.

Гая выпустила из рук одеяло. Я посмотрел на босса. Она утвердительно кивнула и вышла из палаты.

За всю свою долгую врачебную практику я ни разу не встречал подобного бесстыдного и вызывающего поведения пациентки. Я осматривал бывалых женщин, даже профессиональных проституток, но ни одна из них не демонстрировала такой провокативности, как эта четырнадцатилетняя девчонка. В ту пору молодой врач, я чувствовал себя не просто неловко. Максимальным усилием воли я должен был скрыть свое потрясение и записать историю болезни, не показав, как мне противно это существо. Гая явно расстроила моя бесстрастность.

– Ну, подождите. Я ещё дам вам прикурить!

Она сдержала свое обещание. Консультация гинеколога не понадобилась. У Гая началась менструация. К концу карантинного срока профессор прооперировала её. Из операционной Гая отвезли уже не в карантин, а в отделение. Наконец, слава богу, я избавился от неё.

Пластическая операция удлинения бедра не ограничивается работой хирургов в операционной. До сращения костных сегментов пациент должен лежать на

скелетном вытяжении, что, конечно, не удовольствие. Но сотни детей старшего возраста сознательно переносили послеоперационное состояние, понимая, что это путь к избавлению от инвалидности или к уменьшению хромоты.

А Галя давала нам прикурить. Время от времени она исторгала душераздирающий вопль, не похожий ни на что существующее в природе. От этого вопля у мальчика в четвёртой палате начинался эпилептический приступ, двенадцать малышей в седьмой послеоперационной палате горько рыдали, сестра, у которой кроме этой палаты были ещё две, безуспешно старалась успокоить малышей, чтобы успеть выполнить назначения, врачи в ординаторской вздрагивали и прекращали работу.

На ординатора своей палаты Галя не реагировала. Только босс и, как ни странно, я могли на время прекратить издевательства этой дряни. Поэтому в самый неожиданный момент меня могли вызвать в клинику из карантинного отделения и даже из моего жилища, находившегося в здании института.

Утром 13 января 1953 года по радио сообщили о врачах-отравителях. Моего профессора ещё не причислили к компании убийц в белых халатах и тем не менее выглядела она ужасно. Не знаю, как выглядел я, погружённый в атмосферу подозрительности и почти нескрываемой ненависти. Именно в это время произошло...

Однажды, когда очередной Галин вопль потряс клинику, я сидел в кабинете профессора, отделённом от ординаторской только портьерой. Профессор прервала экзамен и мы пошли посмотреть в чём дело.

В коридоре у входа в Галину палату стоял парень с четырьмя рядами ленточек орденов и медалей и Золотой Звездой героя на отлично сшитом тёмно-синем пиджаке.

Карантинное отделение и клинику разделяла лестничная площадка. Это препятствовало распространению инфекций. Врачи из других отделений приходили в детскую клинику крайне редко, да и то снимали свой халат и надевали халат, который вручали им у входа. А тут пришедший с улицы человек посмел войти вообще без халата. Я ждал, что босс сейчас взорвётся, как обычно, когда натыкалась на любое нарушение, угрожавшее здоровью пациентов. Но она не успела произнести ни слова.

– Кто вам разрешил издеваться над больными? Вы что, тоже из банды убийц в белых халатах? Что, Гая тоже стала жертвой еврейского заговора?

Профессор молчала. Только красные пятна выступили на внезапно побелевшем лице.

– Немедленно оставьте клинику.

Не знаю, как мне удалось произнести эту фразу спокойно.

– А ты чего гавкаешь, еврейчик? К тебе кто обращается?

Он был выше меня. Правая рука, схватившая ворот его пиджака, была на уровне моего лица.левой рукой я сграбастал брюки, плотно охватывавшие зад героя. Так я прошел до самого выхода, не ощущая ни его веса, ни сопротивления. Шесть ступенек промежуточного марша преодолел, вися на нём. На площадке я остановился и изо всей силы ударил его ногой ниже спины. Он скатился с лестницы, не без усилий поднялся и, глядя вверх, пригрозил:

– Ну, ты еще у меня поплачешь, жидовская морда!

Я ринулся вниз, но он, естественно, оказался быстрее меня и как был без пальто и без шапки выскокчил на улицу. Босс укоризненно посмотрела на меня и

покачала головой. Я вошёл в палату. Галя лежала напуганная, тихая. По-видимому, кто-то из ходячих детей рассказал ей, что произошло в коридоре. Я почему-то заговорил шёпотом.

– Напиши своему, так называемому двоюродному брату, что если он ещё раз появится в клинике, я его убью. Понимаешь? Убью. Меня не страшат последствия. Убью. И ещё. Если до конца пребывания здесь ты посмеешь завопить, я пойду на более страшное преступление, чем убийство этого подонка. Я немедленно сниму вытяжение. А ты понимаешь, чем это тебе грозит.

Она с ужасом смотрела на меня. Конечно, я не был способен повредить больному. Но мой шёпот звучал так правдоподобно и угрожающе, что она поверила. В клинике наступил покой.

Не понимаю, почему этим инцидентом не воспользовался директор института, ненавидевший меня даже больше, чем моего босса. Может быть, помня о том, как я попал в институт, он решил, что действительно могу его убить? Не воспользовался такой возможностью!

"Двоюродного брата" в институте я больше не видел. А после того, как Галю выписали, вообще поставился вытравить из памяти эту историю.

Прошло три года. Старшей сестрой детской костнотуберкулезной больницы, в которой я работал ортопедом, была миловидная юная женщина. Отношение Лили к больным детям было не службой, а служением. Такими я представлял себе сестёр милосердия, аристократок времен осады Севастополя или Порт-Артура. Как-то сказал ей об этом. Лиля грустно улыбнулась:

– Странно, что жизнь не стёрла с меня до основания признаков осколка империи.

И добавила, видя, что до меня не дошёл смысл метафоры:

– Мама – графиня из рода Нарышкиных. Отец был просто советским интеллигентом. Советским по определению, а интеллигентом сделала его мама. Увы, я не унаследовала даже его менее чувствительной кожи.

Глаза её стали ещё более грустными, чем обычно. Не скрою, я был польщён такой неосторожной и весьма опасной в ту пору откровенностью. Но тему, конечно, следовало сменить. Вернулись мы к ней спустя несколько месяцев, когда в беседе о поэзии выяснилось, что Лиля знает и любит запрещённого Гумилева. И об этом она не побоялась рассказать.

Я не знал, замужем ли Лиля, есть ли у неё семья. Всё свое время она посвящала больным детям и больничным делам. Спросить её о семье мне, не знаю почему, казалось нетактичным, хотя с любой другой сотрудницей больницы я мог запросто заговорить об этом.

Наступило лето. Однажды из окна ординаторской я увидел во дворе мальчика лет семи-восьми, которого раньше никогда не видел, но который, тем не менее, показался мне очень знакомым. Я смотрел на него, пытаюсь понять, откуда этот эффект уже виденного.

Из административного корпуса вышла Лиля. В руке бутерброд. Она поправила на ребёнке аккуратную, но изрядно поношенную курточку, усадила его на скамейку, дала бутерброд. Я вышел во двор и присоединился к ним.

Мальчика звали Андрей. Он жил у бабушки в российской глубинке. Воспитанный, любознательный, не назойливый. Он сразу отозвался на мужскую ласку. Чувствовалось, что ребёнок её лишен. На лето Лиле удалось устроить его в лагерь рядом с больницей. Это будут два

счастливых месяца общения с сыном. Она живёт в сестринском общежитии. Три года в очереди на комнату в коммунальной квартире. Обещают. А пока Андрюшка должен жить у бабушки в России, хотя графиня тоже ютится в развалюхе. Но всё-таки не в общежитии.

Андрюша съел бутерброд и ушёл на спортивную площадку, пустовавшую в эту пору дня. С увлечением он набрасывал плотные резиновые кольца на колышки, не слыша Лилиного рассказа.

– В восемнадцать я окончила медицинское училище и поступила на работу в военный госпиталь. Мне очень хотелось стать врачом. Но пенсия за погибшего на войне отца и скудный заработок мамы оказались слабой материальной базой. Три года тому назад закончилась война. А среди раненых на манёврах и учениях, среди больных ещё со времён войны лежал пациент. Шутка ли, три года! Не раненый. Военный лётчик с переломом трех поясничных позвонков и параличом нижних конечностей. В последние дни войны он был вынужден посадить подбитый штурмовик на шоссе, врезался в телеграфный столб – и вот результат.

Вы как-то похвалили меня, сказали, что я отлично массирую конечности. Вы не единственный. Говорили, что я рождена быть массажисткой.

Невропатологи считали, что у лётчика только тяжелейшая контузия, что спинной мозг анатомически не повреждён. Говорили, что сейчас его состояние значительно лучше, чем год назад. Каждую свободную минуту я посвящала этому несчастному. Я массировала его ноги, занималась с ним лечебной физкультурой. Вскоре появились первые результаты – активные движения в тазобедренных суставах. В течение года почти полностью восстановилась функция ног. Он уже ходил с помощью костылей.

Понимаете, год общения с одиноким человеком, мне шёл только девятнадцатый год, романтика, он окружён славой, Герой Советского Союза...

Андрюша пять раз подряд не смог набросить кольца на колышек. Брови его сердито сблизились и я тут же понял, откуда мне знакомо его лицо.

– Короче, мы полюбили друг друга.

– Нет ничего удивительного в том, что Иван любил вас. Но вы?

Лиля, всё время говорившая как бы в пространство, вдруг повернулась ко мне полная удивления.

– Откуда вы знаете?

– Продолжайте. Я потом объясню.

Лиля явно колебалась, но после непродолжительной паузы снова заговорила уже не в пространство, а вопросительно глядя на меня.

– Не знаю, что вам известно. Только должна сказать, что это была удивительная любовь. Вообще-то я была ещё девочкой без малейшего опыта. А он... вы простите меня... он ещё не был мужчиной. Казалось бы, паралич тазового пояса должен был пройти раньше паралича ног. С мышцами так и произошло, но... в общем, вы меня понимаете... Мышцы его ног явились результатом моего умения. И даже неумелая я... ну, в общем... я сделала его мужчиной. И забеременела. У меня не могло быть никаких сомнений. Ведь мы так любили друг друга! Будущее казалось прекрасным. Он выписался из госпиталя. Мы приехали в его город. Нам дали роскошную квартиру. Нашим соседом по площадке был секретарь обкома партии. Родился Андрюша. И вдруг Иван стал совершенно другим человеком. У секретаря обкома дочка, ещё совсем ребенок, болевшая туберкулезом тазобедренного сустава. Я не понимаю, как он мог...

Я взяла Андрюшу и уехала к маме. Наше материальное положение было ужасным.

– Но ведь вы получали алименты на Андрюшу.

– Нет. Мы не были расписаны. А он не присылал. Даже не интересовался своим ребенком. Впрочем, я бы у него не взяла. Не знаю, что произошло с человеком.

Лиля замолчала. Андрюша оставил кольца и сел на колени матери, охватив руками её шею. Мы прекратили разговор.

Только на следующий день я рассказал Лиле о моём общении с Галей и "двоюродным братом" Иваном. Вот, собственно говоря, и всё.

Начиная рассказ, я предупредил, что у этой истории есть продолжение.

Моей жене нужно было демисезонное пальто. Его можно было купить в магазине женской одежды. Но готовые пальто покупали очень редко. Продукция "лучших в мире" фабрик годами пылилась в магазинах или валялась на складах, потому что годилась только для огородных пугал. Можно было, правда, купить ткань и частным образом пошить пальто. Но достать желаемый или просто приличный отрез было делом случая, вероятность которого не превышала вероятности крупного выигрыша по облигации внутреннего займа. Не следовало, конечно, пренебрегать даже такой вероятностью, и мы с женой отправились в самый большой магазин тканей на центральной улице.

В этом роскошном двухэтажном магазине я был впервые. Стойки из полированного дерева. Красивый паркет. Мраморные колонны и лестницы. Огромные зеркала. Красавицы-продавщицы – все как на подбор. Горы всевозможных тканей. Кроме хороших. А молодой

красивой женщине хотелось купить нужную ткань и пошить достойное пальто. Ни с чем мы направились к выходу.

Да, забыл сказать. Поднимаясь на второй этаж, когда мы были на промежуточной мраморной площадке, ограждённой массивной балюстрадой, в раскрытой двери кабинета директора магазина я увидел Ивана, сидевшего за большим письменным столом. Мне показалось, что он тоже заметил меня. Я имел неосторожность сказать об этом жене. Она знала историю с "двоюродным братом" и была знакома с Лилей.

– Зайди к Ивану и попроси у него отрез, – сказала жена. Я посмотрел на неё с недоумением.

– Ты забыла, что я сбросил его с лестницы? Кстати, сейчас я об этом жалею. Я не знал, что у него была тяжёлая травма позвоночника.

– Именно поэтому зайди к нему и попроси отрез.

Странная логика у женщин. Что-то вроде этого я сказал жене, пытаюсь упрочить свою оборонительную позицию. В ответ услышал, что не только врач, но даже профессиональный психолог-мужчина в подмётки не годится рядовой женщине, печёнкой ощущающей то, что называется психологией.

Обсуждая эту теоретическую проблему, мы незаметно преодолели лестничный марш и оказались перед открытым кабинета директора. В дверном проёме, сияя доброжелательной улыбкой, стоял Иван. Строгий тёмно-серый костюм. Золотая Звезда героя на лацкане пиджака.

– Разыскиваете что-нибудь, доктор? – чуть ли не подобострастно спросил он.

Стараясь не заикаться, я объяснил, что мы хотели бы купить отрез на демисезонное пальто. Хозяин широким жестом руки пригласил нас в кабинет и закрыл за нами дверь.

– Садитесь пожалуйста.

Он указал на два удобных кресла, а сам уселся в капитальное сооружение наподобие трона по другую сторону стола. У меня появилась примерно пятиминутная передышка, пока Иван обсуждал с женой проблемы пальто. Он открыл массивный сейф и извлёк из него отрез светло-кофейного сукна. Даже не заметив, как у жены заблестели глаза, нетрудно было догадаться, что это нечто исключительное.

– Такой вам подойдёт? – спросил Иван.

Жена утвердительно кивнула. Вероятно, у неё не было слов.

– К сожалению, этот я не могу вам дать. Он приготовлен для жены первого секретаря Ленинского райкома. Но зайдите, – он закрыл сейф с драгоценной тканью, – скажем, через неделю, и вы получите точно такой же.

Жена искренне поблагодарила его. Я тоже пробормотал что-то наподобие благодарности. Он встал, чтобы проводить нас до двери. Я почувствовал, что могу испортить всю обедню. Но подлый характер вырывался из меня, как река из берегов во время наводнения.

– Простите за тот инцидент. Я не знал, что у вас была тяжёлая травма позвоночника. Надо было просто ограничиться тем, чтобы навесить вам пару фонарей.

Он рассмеялся.

– Вы можете! Мне о вас рассказали. Кстати, откуда вы знаете, что у меня сломан позвоночник?

– Я работаю с Лилей.

Наступило молчание. В глазах жены зажглись светофоры, предупреждающие и приказывающие немедленно покинуть кабинет. Но меня уже понесло.

– А сын у вас замечательный.

– Это не мой сын, – угрюмо пробурчал Иван.

– Господи, какое же вы дерьмо! Да простит меня дерьмо за это сравнение. Ведь вы похожи, как две капли воды! С Лилей мы заговорили о вас только потому, что я узнал вас в Андрюше.

Мы вышли из кабинета. Всю дорогу до дома жена справедливо распекала меня.

– Если сейчас кто-нибудь подойдёт к тебе, ткнёт в твою палку и скажет “А ведь ты хромаешь”, ты что, перестанешь хромать? У человека должно быть чувство меры даже тогда, когда он воюет со злом.

Что я мог сказать?

Через неделю жена получила желанный отрез. Иван передал мне привет. А спустя несколько дней он внезапно появился в больнице с игрушечным грузовиком, в кузов которого можно было посадить Андрюшу. Его приход для Лили – я ей не говорил о свидании с Иваном – был значительно большей неожиданностью, чем для меня. Но встретила она его спокойно, сдержанно, даже, можно сказать, равнодушно.

Трудно описать радость Андрюши. В знак благодарности он деликатно уделил грузовику несколько минут. Всё остальное время не отходил от Ивана. Надо было видеть, как он смотрел на Золотую Звезду! С какой гордостью сидел на коленях своего отца! И не просто отца – Героя! Перед уходом Иван зашёл ко мне в ординаторскую, из окон которой я наблюдал за сценой на садовой скамейке.

– Доктор, найдётся у вас что-нибудь выпить?

– Подождите.

Я заскочил к Лиле в каптёрку и попросил двести граммов спирта. Лиля отливала спирт в пузырёк и возмущалась тем, что я забираю недельную норму. Я призыв к выражениям подобного недовольства и спокойно попросил принести два солёных огурца.

– Ну, знаете, этому просто нет названия! – возмущалась Лиля и отправилась в кухню.

Я разлил спирт в два стакана.

– Развести?

– Не надо.

Мы чокнулись, выпили, закусили солёным огурцом. Помолчали. Иван отвернулся и сказал:

– Подлая жизнь!

Я не отреагировал. Я вспомнил, как он кричал "Жидовская морда!". Напомнить ему? Зачем? Даже командую десятью танками, а фактически двенадцатью, я не сумел победить фашизм. Что же я могу сделать сейчас, безоружный? Он смотрел на меня. Я молчал, откинувшись на спинку стула.

– Подлая жизнь, – повторил он. – Андрюшка действительно мой сын. Понимаете?

– Есть вещи очевидные. Даже понимать не надо.

– Андрюша мой сын. А эта сука вообще не беременеет.

Ни разу, ни у него в кабинете, ни сейчас не упоминалось Галино имя.

– Терпеть её не могу! Зато вы заметили, каких девочек я подобрал себе в магазин?

Я не ответил.

– Подлая жизнь. Надо же было мне получить квартиру в этом доме. На одной площадке с первым секретарём обкома! Сучка повадилась к нам заходить. Лиля всегда привлекала к себе убогих и увечных.

Он посмотрел в пустой стакан и продолжил:

– Но она стала всё чаще приходиться, когда Лиля была на работе. Мордашка у неё смазливая. Да и тело дай бог. Вы же видели. Даже нога её не портила. Приставала и приставала... Ну я же не железный. Не выдержал. И пошло. А после операции потребовала – женись. Я её увещевал, уговаривал... Но вы же знаете, какая это стерва. Рассказала отцу. А тот вызвал меня и спросил, что я предпочитаю – суд и восемь лет тюрьмы за растление малолетней или жениться? Я ему сказал, что её растлили еще тогда, когда она была в пелёнках. До меня там уже побывали. А он мне говорит: "У тебя есть доказательства? И как ты считаешь, судья послушает тебя или меня?". Я ещё брыкался. Сказал, что у меня есть семья. А он мне подбросил, что, мол, мы с Лилей не расписаны. Всё знал, гад. Устроил нам тут в столице квартиру не хуже той, что была в областном центре. И с работой дорогой тесть помог. Знаешь, доктор – он вдруг перешел на ты – я уже все свои, бывшие и будущие грехи отработал. Я уже в ад не попаду. У меня ад дома.

Я его почему-то не пожалел.

– Кто же вам мешает развестись?

– Кто мешает? Сучке же ещё нет восемнадцати.

Я же все ещё растлитель малолетней. Да и потом...

Он безнадежно махнул рукой.

– На войне, вероятно, вы не были трусом. Не напрасно же вам дали Героя?

– На войне! Да лучше одному напороться на девятку мессершмиттов, чем иметь дело даже с инструктором обкома. А тут не инструктор, а сам первый секретарь. Пропавший я человек. Нет ещё чего-нибудь выпить?

Я помотал головой.

– Если бы я мог вернуться к Лиле! Я бы даже не прикоснулся ни к одной из моих девочек. Эх, дурень я, дурень! Лилия! Такой человек!

–Трудно ей живётся.

– Доктор, вот моё слово. Я ей помогу.

– Лиля гордая. Она не примет вашей помощи.

– Она не примет. Но Андрюшке я имею право помочь?

Иван взял в руку пустой стакан, повертел его и вдруг заплакал навзрыд. Нет, он не был пьян.

Вскоре я перешёл на работу в другую больницу. Не знаю продолжения этой истории. И было ли вообще продолжение?

Выдумывать ради беллетристики мне не хочется – рассказал точно так, как было. Только два женских имени отличаются от настоящих.

1989

ЦЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

"Крость с яйцами" – так называло Веру всё мужское население проектного института. Эта кличка, как многие великие открытия, родилась случайно.

В тот вечер отдел бражничал по поводу великого праздника – Дня строителя. Вениамин всегда ощущал шевеление внизу живота, глядя на Верины округлости. Но сейчас, уже слегка выпив, он чуть не стонал, когда Верка, доставая винегрет или бутылку с водкой, тёрлась об него своей потрясающей грудью.

Верка рассказывала подругам, что иногда у неё просто горит между ног и в такие минуты она способна отколоть чёрт знает что. Возможно, в тот вечер у неё горело. Она многозначительно чокнулась с Венькой, выпила и пошла к выходу, соблазнительно покачивая своими прелестями. Звон рюмки прозвучал для Веньки как благовест.

Старший инженер Вениамин был парнем видным, хотя рядом с Верой даже более крупногабаритные мужчины казались хлюпиками. Венька изнывал и побавивался её. Но сейчас, приняв несомненный сигнал, он вышел вслед за ней.

Вера вошла в комнату сантехнического отдела, затворила за Веней дверь, вложила ножку стула в скобу ручки и, не надеясь на мужскую инициативу, жадно впиалась в него плотоядными губами.

– Прямо на столе в сантехническом он меня и бахнул, – отрапортовала она потом девчонкам, как независимо от возраста называли друг друга сотрудницы.

Пьяный то ли от водки, то ли от Верки, Веня вошёл в уборную, где по традиции собирались покурить

его товарищи по отделу. Они с интересом оглядели Вениамина. Кто-то спросил:

– Ну как Верка?

Голова старшего инженера с детства была нашпигована штампами. И не только из газет. Он хотел выдать один из них – либо "кровь с молоком", либо "конь с яйцами". Но штампы беспорядочно перекатывались в мозг, как гравий в бетономешалке, путались, не попадая в нужные ячейки, и заплетающимся языком Венька изрек:

– Кровь с яйцами.

На следующий день этот шедевр стал кличкой, известной всему проектному институту от вахтёра до директора.

Вера была видной персоной в институте не только благодаря экстерьеру. Техник-чертёжник, она зарабатывала больше групповых инженеров. Графика у неё была чёткой, чистой. Работала она сдельно, получая за каждый вычерченный лист. Соображала быстро. Бумаги не жалела и вместо трёх деталей на одном листе предпочитала три листа для одной детали – деньги шли не за детали, а за листы. Роза – руководитель группы, не глядя, подписывала её наряды. У неё не было причин быть недовольной подчинённой, а денежные вопросы Розу не интересовали – главное, чтобы группа работала слаженно.

Безотносительно к подписи нарядов Вера любила руководителя группы. Розу любили почти все, кто с ней общался. Но Вера! Верин отец сказал, впервые увидев Розу:

– Если в каждом поколении евреев есть хоть одна такая женщина, то понятно, почему не исчез с лица земли этот древний и странный народ.

Чудак отец. Ему-то что от его еврейства? Небось, вторично женился уже не на еврейке. Конечно, Роза не обычная, не как все. Мягкая, деликатная, милая застенчивая улыбка светясь струилась из глубины души. Но лучше не нарываться и не быть её противником. На библейском лице вмиг возникала другая улыбка. Её можно было бы назвать саркастической, если бы не заключённая в ней какая-то трансцендентная сила, останавливающая внезапно, как хлыст дрессировщика на арене останавливает тигра. Когда на лице Розы появлялась эта улыбка, не только смежники прекращали спор, но даже Вера понижала свой громоподобный голос и переставала качать права.

Роза была единственной женщиной, которую любила Вера. Маму она не помнила. Мачеха – славная русская женщина. Её можно было бы любить. Но с ясельного возраста Вера ревновала мачеху к отцу. По-настоящему ревновала. Вера чувствовала, что мачехе тоже нужны прикосновения, от которых сладко замирает сердце.

В первом классе с Верой за одной партой сидел Алик, их сосед по квартире, тихий и застенчивый. Никогда в жизни он не посмел бы прикоснуться к девочке. Но Вера настойчиво хватала его за руку, затаскивала под юбочку и клала Аликову ладонь к себе на бедро поближе к лобку. И тогда Алик несмело ковырял пальчиком, а она млела от удовольствия. Зимой стало похуже – мешали рейтузы.

На десятилетнюю Веру уже поглядывали мальчишки постарше. Многие из них сменили отвергнутого и страдавшего Алика. Когда ей исполнилось двенадцать, мальчишка из седьмого класса привел её к себе домой и у них все произошло по-настоящему, как происходило у папы и мачехи. Вечером Вера смертельно испугалась

– ещё днем на трусиках появилось небольшое кровавое пятно, а сейчас просто потекло. Мачеха успокоила Веру, объяснив ей, что такое менструация. Смех. Будто Вера не знала. Не будь в этот день семиклассника, ей бы и в голову не пришло пугаться.

А потом пошло. Но до Лёньки, до первого мужа, Вера никого не любила. Недавно во время лыжной прогулки девчонки обсуждали эту проблему. Они не понимали, как можно дать, не любя. Чудачки!

Вот, например, мы были голодными и нажрались хлеба с горчицей и солью в ожидании каши. Мы что – в любви еде объяснялись? Просто удовлетворили потребность. Или, например, если я хочу писать так, что мочевой пузырь разрывается, и испытываю огромное удовольствие, освободившись наконец, я что – объясняюсь в любви унитазу?

Роза смотрела на Веру, на девчонок и недоумение в её огромных чёрных глазах не нуждалось в словесном выражении.

– Ты что, так никого и не любила?

– Конечно любила. Лёньку. Моего первого мужа. Единственного. Я его и сейчас люблю.

– Что же вы развелись?

– Идиотская история. Вы не поверите.

Веру обычно не приходилось уговаривать рассказать какой-нибудь пикантный эпизод. Но тут она согласилась лишь после того, как к хору девчонок присоединилась Роза.

– Мы жили с Лёнькой уже четыре года. Это было самое счастливое время в моей жизни. Я окончила техникум. Игорёк рос крепким мальчиком. Ему в то лето исполнилось три года. Лёнька был одним из самых лучших лётчиков-истребителей в дивизии. Единственное,

что омрачало нашу счастливую жизнь, это наше еврейство. Вернее, Лёнькино. Его не продвигали по службе, как он этого заслуживал. А я-то – какая я еврейка? Я вообще не считала себя еврейкой. Мачеха у меня русская. Маму я не помню. А еврейка я только ради папы. Вы же знаете, какой это человек и как я его люблю.

В то лето Лёнька достал мне путёвку в дом отдыха недалеко от города. Место чудесное. Лес вокруг большого озера. Игорёк остался с родителями. У Лёньки были учения. А я поехала.

Не стану вам рассказывать, как вокруг меня ухивались кобеля. Я их всех быстренько отшила. Но там был такой мальчик... Действительно, мальчик. Шестнадцать лет. Перешёл в десятый класс. Девчонки, вам надо было видеть, как этот ребенок втюрился в двадцатипятилетнюю бабу! Мне было интересно играть с ним. Заигрывать. Просто так. Вы же понимаете, что ничего серьёзного у меня с ним не могло быть. Да и ни с кем – я очень любила Лёньку. Но поиграть мне нравилось. Однажды во время мёртвого часа мы пошли с ним на озеро. Вообще-то не полагалось нарушать режим. Но я это имела в виду. Пошли мы не на общий пляж, а на крохотную лужайку на берегу, со всех сторон окружённую невысокими кустами. Я впервые надела бикини. Тогда их у нас, пожалуй, даже не видели. Лёньке они очень понравились. Конечно, на общем пляже меня бы забросали камнями. Но тут в кустах нас не могла увидеть ни одна живая душа. Боже мой, что творилось с этим мальчиком! Я его слегка привлекала на секунду, а потом отгоняла. Хотите верьте, хотите нет, но меня это абсолютно не распаляло. Даже намёка на огонь не появлялось у меня между ногами. Мне просто было интересно увидеть, как он не выдержит и спустит в плавки.

Вдруг в какой-то момент, даю слово, совершенно неожиданно он как запузырил в меня! И тут произошло нечто невероятное. Я почувствовала, что теряю сознание. Я схватила его руками, ногами, губами. Я всего его хотела втянуть в себя.

Девчонки, во мне побывало солидное членство, но никогда ни раньше, ни потом со мною такого не бывало. Я потеряла представление об окружающем мире. Всё во мне kloкотало и радовалось слиянию с этим уже не мальчиком, а неземным существом, мужчиной, снизошедшим с неба. С неба... А в небе рокотал мотор, но я, пьяная, не слышала этого рокота. И только когда "кукурузник" чуть не задел колёсами кусты, я раскрыла глаза и – о, ужас! – увидела разъярённое лицо Лёньки. Ну, кто мог бы придумать такое? Прилететь на По–2, кружить над кустами с риском разбиться и смотреть, как мальчик пилит меня.

Эх, что там рассказывать.... Часа через два Лёнька примчался на "газике" и забрал меня домой. Я ему, дураку, пыталась объяснить. Я же ведь любила его. Кончилось тем, что я повесила ему фонарь под глазом. Он забрал Игорька и ушёл. Отец уговорил его отдать ребёнка. Лёнька очень дружил с отцом. Я унижалась. Я пыталась помириться. Куда там?! Он перевёлся в другую часть. Потом стал лётчиком-испытателем и через три года разбился при испытании истребителя. Отец мне до сегодняшнего дня этого не простил.

Хотите верьте, девчонки, хотите не верьте, но я почти до Лёнькиной гибели никому не давала. Я уже работала с вами в институте.

Ну... а потом, вы же знаете. Встретила Ваньку Буйко. Парень видный, мастер спорта. А то, что не Лёнька, – видно такая у меня блядская судьба. Родился Валька. Так оно и идёт всё через задний проход.

Девчонок удивило, как интеллигентно Верка сказала эту историю, без обычных матюгов и неслыханных выражений. Вероятно, присутствие Розы облагораживало Веру.

Правда, однажды она матюгнулась, даже зная, что Роза может услышать её. Да еще как матюгнулась!

Тогда в институт пришел новый директор. Стал наводить порядок, то есть разрушать всё хорошее, что было создано до него. Но в финансовых вопросах он действительно пытался разобраться.

Веру он заметил, знал её фамилию и должность. Поэтому, увидев какую зарплату получает техник-чертёжник, директор потребовал у главного бухгалтера объяснения. Оказалось, что техник работает сдельно. Директор вызвал председателя месткома и Розу, непосредственного руководителя Веры. Роза, деликатная, мягкая, интеллигентная сейчас со стальной твёрдостью отстаивала интересы своего техника.

Вдруг в приёмной, дверь в которую из кабинета была приотворена, появилась разъяренная Вера. Каким-то образом она узнала, что в кабинете директора решается судьба её зарплаты. Игорь, Валя и зарплата вещи неприкосновенные. Вера была готова вцепиться зубами в горло посягавшего на эти святыни. Поэтому заявление о том, с чем она смешает директора, адресованное его секретарше, было только нежной прелюдией.

Роза, которую подобное выражение смутило бы даже только в присутствии девчонок, сейчас, сидя напротив директора, покраснела и сделалась ещё красивее обычного.

Директор стал тонуть в потоке противоречивых ощущений. С одной стороны, его посмела оскорбить какая-то чертёжница. С другой, мат этой чертёжницы был

таким насыщенным, таким колоритным, что даже в мужском исполнении привел бы его в восторг. Но была и третья сторона – он обратил внимание на Розу ещё тогда, на первом совещании в его кабинете. Она поразила его своей утончённой красотой. Конечно, это особый вид женщин. К такой не подступишься. Глядя на таких, не помышляешь ни о чем грубом, а в душе пробуждается что-то такое, чего ты в себе даже не подозревал. Нет, что ни говори, мудро оно придумано – существование таких женщин, пусть они и не для тебя. Как редкие красивые птицы. Вот и сейчас она сидит на краешке стула прямая, настороженная, готовая вспорхнуть.

Как-то в коридоре он увидел её со спины. В тот миг ему почудилось, что в институт явилась царица из сказок его детства. Где-то он слышал историю древнего грека Праксителя, который не мог сыскать пары женских ног как образец для своих скульптур. Поэтому в натурщи он выбирал юношей. Надо было Праксителю увидеть ноги Розы!

Директор не расслышал, что именно сказала его секретарша, но Верин громоподобный ответ ворвался в тишину кабинета:

– Что ты мне тычешь своего директора? Е...ть я хотела твоего директора!

Судьба Вериной зарплаты была решена – она осталась прежней. Директор улыбнулся и отпустил смущённую Розу. То ли потому что он почувствовал в Вере Буйко родственную душу, то ли он и вправду поверил, что такая видная дама высказала истинное намерение по отношению к стареющему директору. В институте этот вопрос больше никогда не обсуждался. Даже узнав с огорчением, что Вера Буйко не украинка, а еврейка, директор оставил всё как было.

Правда, ему наверняка доложили о верноподданном поведении Веры во время Шестидневной войны в Израиле.

В первый день, когда радио сообщило, что сбито не то сорок, не то пятьдесят израильских самолётов, что египтяне и иорданцы победоносно наступают, Вера не скрывала своего восторга. На второй день сообщение о количестве сбитых израильских самолётов было таким же. Верина радость утроилась. Ещё бы! Наши родимые МИГи, те самые, на которых когда-то летал Лёнька, сбивали паршивых израильтян. Но когда вдруг выяснилось, что израильтяне за шесть дней разгромили армии Египта, Иордании и Сирии, что МИГи вовсе не сбивали, а были сбиты, Вера возмущалась во всю мощь своего темперамента, щедро используя всё богатство словарного запаса.

В отличие от нескольких институтских евреев, осуждавших израильских агрессоров, чтобы только их не заподозрили в симпатии к Израилю, Вера была абсолютно искренней. Она открывала рот, когда в отделе евреи пытались её урезонить. А перекричать Веру, как известно, никому не удавалось. Если бы не тема спора, это было бы только неприятно. Но сейчас, не дай бог, могли услышать, о чем она орёт. Поэтому из любого спора Вера выходила победительницей. И лишь в споре с Розой... Но ведь это не был спор.

После работы они ехали в электричке к своим сыновьям в пионерский лагерь. Саша был на два года старше Игоря и опекал его примерно так же, как Роза опекала Веру. Но Розе было намного проще. Достаточно было её упрямого молчания в кабинете директора и управления немногочисленных "хомутов" на чертежах, чтобы защитить Верины интересы. Саше приходилось куда труднее.

Игорь был очень похож на деда. Те же крупные веснушки на типично еврейском лице. Те же рыжие кудряшки. Это делало его объектом издевательств пионеров, по какой-то неведомой причине уже ненавидевших жидов.

Саша был сильным мальчиком и умел драться. С малолетства воспитанная в нём непримиримость к антисемитизму удесятряла его силу. После Сашиного вмешательства у юных ленинцев на несколько дней пропадала охота не то что преследовать Игоря, но даже вслух произносить слово "жид".

Вера тяжело страдала, когда во время свиданий с ней ребёнок плакал и просил забрать его домой. А ведь ей так непросто было достать путевку в этот блядский лагерь. Господи, почему сыночек должен страдать из-за своей внешности?! Он ведь так похож на её отца – самого лучшего человека. Ну что у них общего с еврейством? За что им досталась такая внешность? Проклятые израильские агрессоры! Всё клокотало в Вериной душе, когда она затеяла дискуссию с Розой на животрепещущую тему.

Великое дело любовь! Вера не ревновала, видя, как мужчины смотрят на Розу. Не было в этих взглядах кобелиного хотения. Вера всегда даже спиной ощущала похотливую псятину. Сейчас просветление и благородство внезапно появились не только на лицах, но и на физиономиях, которые даже преступной мордой назвать обидно. Вера смотрела на ровный пробор, разделявший гладкие чёрные волосы, собранные сзади в тугий узел, на огромные печальные глаза, и понимала, что такая женщина может пробудить только возвышенные чувства. О такой никто не скажет "кровь с яйцами". Даже на жлобов она влияет облагораживающе.

Роза пыталась пресечь разговор об израильской агрессии, глазами показав на окружающую публику. Но Вере – нет, она не ревновала – всё же хотелось взять реванш за такое обидное для неё сейчас отношение мужчин. Зная Верино упрямство, Роза поняла, что от этой темы ей не уйти.

– Ладно. Ты можешь по трём проекциям вычертить общий вид?

– Конечно.

– Так вот, я предлагаю тебе взять карту восточного Средиземноморья и, глядя на неё внимательно, прочитать, что писала "Правда", скажем, с начала мая до конца Шестидневной войны. После этого мы поговорим об агрессии.

– Причём тут проекции?

– Посмотри на карту и прочти сообщения – сама поймёшь.

Вера больше не заговаривала с Розой ни о проекциях, ни об агрессии. Только спустя несколько лет Роза принесла ей журнал "За рубежом", в котором опубликовали книгу иорданского короля Хусейна "В чёрные дни войны". Бывают же такие невероятные проколы в советской пропаганде! Вера бурно отреагировала на прочитанное:

– Выходит, все наши сообщения были сплошной липой? Выходит, Израиль не напал, а оборонялся?

Роза улыбнулась и ничего не ответила. В октябре 1973 года началась ещё одна война с Израилем, но Веры уже не было в числе яростно осуждавших израильскую агрессию.

Жизнь без баталий, вероятно, потеряла бы для Веры всякий смысл – в них она всегда была атакующей силой. Никто никогда не видел её плачущей. Поэтому,

когда она пришла на работу с красными глазами, в которых ещё блестели слезы, все знавшие Веру не один год были удивлены невероятно.

Накануне она предупредила, что опоздает на два часа. Уважительная причина – Игоря призывают в армию и она должна проводить его. Вера получила официальное разрешение опоздать. Но слёзы! В уборной, куда девчонки собрались выслушать отчёт, Вера едва сдерживала рыдания.

Да, девчонки знали, что дед души не чаёт в Игоре. Фактически он заменил ему отца, когда Лёнька развёлся с Верой. Иван Буйко старался относиться к Игорю, как к своему родному Вальке, но дед, безумно любя и младшего внука, всё-таки продолжал оказывать предпочтение старшему.

И вот сейчас, когда предстояла разлука с Игорем на три года, дед не пришел проводить его. Больше того, деда не было в городе. С трудом он выхлопотал себе какую-то командировку, чтобы не прийти на товарную станцию, откуда отправляли призывников. Трудно было выглядеть евреем больше, чем выглядел дед. Он не хотел, чтобы все увидели, что Игорь Буйко еврей. Дед попрощался с внуком, уезжая в командировку, и Вера видела, как он плакал, когда Игорь ушёл на призывной пункт.

– Обидно, девчонки, почему надо скрывать, что ты еврей? У Игоря был замечательный отец, лучший лётчик-истребитель в дивизии. Ас. Не всякого берут в испытатели. Я, в конце концов, тоже... Ну, а что слаба на передок, так это ничьё собачье дело.

Вера всхлипнула. Девчонкам очень неуютно было смотреть, как плачет большая сильная женщина, действительно – кровь с яйцами. Все долгие месяцы, пока Игорь служил у чёрта на куличках, Вера приходила

на работу мрачная, готовая взорваться в любую минуту. Между строками сдержанных писем сына она прочитывала, как тяжело достаётся ему армейская служба.

Однажды после работы Вера и Роза шли к станции метро по протоптанной в снегу тропе. Шли молча. Обычно говорила Вера. Но сейчас ей не хотелось болтать. Роза тоже молчала не так, как обычно.

– Ты что, еще не здорова? – спросила Вера.

– Нет, слава богу, здорова.

– Но ведь ты только сегодня вышла на работу после трёх дней болезни?

– Я не болела. Я ездила в Чоп провожать сестру.

Вера сошла с тропы в снег и замерла. Роза тоже остановилась.

– В Израиль? И ты мне ничего не сказала?

– А что говорить? Уехала-то сестра, а не я.

– Ты что, дурочкой меня считаешь? Если уехала сестра, значит и ты уедешь.

– Возможно. Тогда я тебя предупрежу.

– Как это можно? Это же предательство!

Роза ничего не ответила. Её молчание еще больше распалило Веру.

– Что, и возразить нечего?!

Роза спокойно посмотрела на неё и Вера в который раз почувствовала, какой заряд гнева и презрения может излучать это прекрасное библейское лицо.

– Предательство? По отношению к твоему отцу, который не мог проводить Игоря?

Теперь замолчала Вера. Но уступать поле боя было не в её натуре.

– Значит, твой Саша будет стрелять в моего Игоря?

– Почему?

– Но ведь ты знаешь, что Игорь в армии?

– Знаю. Я только не знаю, что Советской Армии делать в Израиле. Насколько я помню, у Советского Союза даже нет общей границы с Израилем. Поэтому, в отличие от Финляндии, такая сверхдержава как Израиль не имеет возможности напасть на малюсенький беззащитный Советский Союз.

До самой станции метро Вера не проронила больше ни слова. Роза не знала, это просто обида или Вера переваривает услышанное.

Спустя полгода вместе с девчонками Вера пришла на вокзал проводить Розу, уезжавшую с семьей в Израиль. Перрон был забит провожающими, как трамвай в часы пик. Даже в многосотенной массе выделялась дородная Верина фигура и её сексапильное лицо. Но оно мгновенно преобразилось, сникло, осунулось, когда после объятий, поцелуев, пожеланий Роза поднялась на площадку вагона. Вера вдруг разрыдалась и, глотая окончания слов вместе со слезами, выпустила из глубины души приглушённый вопль:

Почему... у меня... такая... блядская судьба? Я тоже... хочу...

– В Израиль? – с удивлением спросила Роза.

– На хера мне твой Израиль? Я хочу жить по-человечески!

Прошло два года. Как-то муж вручил Розе письмо. Ещё издали на конверте она узнала знакомый Верин почерк. Та писала: "Дорогая Роза! Я поумнела и решила последовать твоему примеру". Вере повезло. Она не увидела знаменитой улыбки, когда Роза прочитала обратный адрес: "Брайтон Бич, Бруклин, Нью-Йорк, США"

1982

ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ

Благословенная Германия! В какой ещё стране он смог бы найти такую Хильду?

В широком окне спальни рождалось августовское утро. Утро субботы. Обнажённая Хильда, сбросив с себя простыню, свернулась клубком на боку. Тёплая. Ублажительная. Борис приподнялся на локте. Он упивался зрелищем, которое в течение почти года каждое утро перехлёстывало через край его естества, снова и снова пробуждая в нём нежность и вожделение, хотя, казалось, после такой ночи для вожделения уже не оставалось места. Господи, как она прекрасна! Не преступлением ли было бы не приехать в Германию?

Борис вспомнил дурацкие споры шесть лет назад. Ехать или не ехать? Даже тогда задавать подобный вопрос было по меньшей мере идиотизмом. Отец, доктор химических наук, заведующий отделом уже три месяца не получал зарплаты. Несколько лабораторий в его институте сдали под какие-то сомнительные конторы и забегаловки. Семья существовала на скудные гонорары, которые мама изредка получала от своих пациентов. В больнице тоже забывали платить врачам. Его повышенная стипендия выглядела смехотворно на фоне внезапно взлетевших цен. В переходе метро можно было собрать бóльшую милостыню.

Борис в ту пору кончал четвёртый курс математического факультета. Что ждало их в будущем? Поговаривали о возможных еврейских погромах. Даже бабушка перестала возражать против необходимости выезда.

Разногласия в семье возникали только по поводу страны, в которую эмигрировать. Никто не возражал против Америки. Но двери в Америку закрыли наглухо. Об Израиле мама не хотела даже слышать. Рисковать жизнью Бореньки, их дорогого мальчика? Не для того она его в муках родила и посвятила ему всю свою жизнь, чтобы Боренька стал пушечным мясом в каком-то паршивом Израиле. Отец взывал к благоразумию. Он объяснял, что в Израиле единственный сын не может служить в боевой части без согласия родителей. Но увещевания его остались неслышанными. А сам он был против Германии.

Бабушка, по-видимому, соглашалась с ним. Молча. Она никогда не противоречила невестке, какие бы глупости та ни говорила – только бы в семье царил мир. Аргументы отца казались Борису убедительными, но было удобно не иметь собственного мнения и полностью полагаться на волю родителей.

– Ты забыла, что почти все твои родные погибли в Бабьем Яру, – говорил отец, – и просить у немцев милости впустить нас в их страну ты пойдёшь в немецкое посольство по тем же улицам, по которым немцы вели твоих родных на смерть. А в самой Германии? Представляешь себе, каково нам будет там, если в каждом встречном будет чудиться убийца наших близких?

Странно, отец не упоминал дедушку – своего отца. Историю дедушки Борису, ученику седьмого или восьмого класса, рассказала бабушка.

Они поженились за несколько дней до начала войны вопреки воле родителей, считавших, что таким молодым и необеспеченным ещё не следует жениться. В первый же день войны она проводила мужа до военкомата, а оттуда – к уходившему на фронт эшелону. Ба-

бушке в ту пору было девятнадцать. Она успела окончить первый курс и вместе со своим медицинским институтом эвакуировалась в Челябинск. Первое письмо от мужа она получила только в начале сорок третьего года. До этого она ничего не знала о его судьбе. И ему не удавалось узнать, где находится его жена, смогла эвакуироваться или разделила участь оставшихся евреев.

Дедушка, оказывается, был ранен в июле сорок первого. После госпиталя его направили в танковое училище. Свёрнутое треугольником письмо пришло с фронта. Дедушка был лейтенантом, командиром танка.

Благодаря некоторым намёкам бабушка предположила, что муж участвует в окружении немцев под Сталинградом. Потом выяснилось, что её предположения были верны.

Вскоре после получения этого драгоценного треугольника муж выслал ей денежный аттестат и жизнь вечно голодной студентки несколько улучшилась.

Летом сорок третьего пришло письмо из госпиталя. Дедушка был ранен в бою на Курской дуге. Бабушка рвалась к нему в госпиталь в Новосибирск. Но студентки-медички днём и ночью работали в госпиталях в самом Челябинске. Деканат не отпустил её.

А в октябре сорок четвертого произошло нечто почти фантастическое. С фронта в Челябинск приехал муж, капитан-танкист. Бабушка не помнила деталей, да и дедушка рассказывал, всё превращая в шутку. Но шутка была грустноватой.

В летних боях в Белоруссии его рота совершила подвиги невероятные. Всех уцелевших наградили высокими орденами. А командир роты остался без награды. Командование бригады представило его к званию Героя. Но то ли где-то в штабах затерялось представление,

то ли кому-то не понравилось, что капитан – еврей, но за эти бои дедушка не получил даже медали. Бабушка рассказывала, что он относился к этому с юмором. Его вполне устраивало то, что он имел. А имел он орден Отечественной войны первой степени, орден Красной Звезды и медаль «За отвагу». Но что было почти невероятным – это номера орденов. Сумма цифр на обоих орденах равнялась двадцати одному – счастливому числу дедушки. Такое вот совпадение!

Борис мысленно улыбнулся. Двадцать один это и его счастливое число. И привычка у него суммировать цифры на номерах – даже едущих впереди автомобилей – была дедовская. Может быть, права бабушка, когда говорит, что внук не только внешне очень похож на дедушку. Это несомненно так и доказательством тому две фотографии. На одной дедушка и бабушка в день женитьбы, юные и красивые. На другой, сделанной в Челябинске в октябре сорок четвёртого года, дедушка на ней такой же молодой и красивый, а бабушка... Недаром она не хотела фотографироваться – эвакуация её не украсила.

Приезд дедушки в Челябинск был компенсацией за историю с награждением. Видимо, сказались угрызения совести у командования бригады и даже корпуса – капитана направили на танковый завод получить машины и привезти на фронт маршевую роту. В Челябинске он пробыл десять дней – самых счастливых десять дней в жизни бабушки, а потом судьба обрушила на неё страшную расплату за счастье.

В начале февраля пришла похоронка и письмо из политотдела корпуса, в котором описывалось каким необыкновенным человеком был погибший смертью героя капитан.

К этому времени измождённая студентка уже не могла скрыть признаков беременности. Через два месяца после окончания войны, когда бабушка уже жила в Киеве, родился сын, Борин отец. Даже в старости не исчезли следы её былой красоты. А тогда... Как-то Боря, ещё совсем ребёнок, спросил её:

– Почему ты не вышла замуж?

– Не могла. Я очень любила его. А ещё как узнала подробности о его гибели... Нет, не могла.

Бабушка работала в госпитале инвалидов Отечественной войны. Однажды, через несколько лет после войны к ним поступил пациент с обострением хронического остеомиелита после ранения бедра. Он долго вглядывался в бабушку и всё пытался вспомнить, где встречал её. А услышав бабушкину фамилию, воскликнул: «Да ведь это жена моего ротного! Я же видел её у него на фотографиях!»

Он много рассказывал бабушке о своём любимом командире. Как-то вечером, когда бабушка была дежурным врачом, он рассказал ей о его гибели.

Случилось это в конце января 1945 года. Он был командиром взвода в роте дедушки. Бои шли страшные. Ещё до рассвета командир бригады собрал всех офицеров и дал приказ роте выйти на шоссе. Капитан посмел заметить, что даже при благоприятном стечении обстоятельств этот вариант обречён на провал. К тому же, нет данных разведки, нет ни малейшего представления о противнике. Известно только, что против них действует эсэсовская танковая дивизия «Викинг» – одна из самых сильных в немецкой армии. Но комбриг напомнил, что приказ не обсуждается, а выполняется.

Всё случилось именно так, как предсказал ротный. В атаку они развернулись под самым носом у

немцев. В засаде находилось больше пяти «тигров» – тяжелых немецких танков, которые шутя раздолбали всю роту. Он выскочил из горящего танка и спрыгнул в неглубокий заброшенный окопчик. Тут же чуть впереди загорелся танк ротного. Из машины успели выбраться командир и механик-водитель. То ли очумев в огне и потеряв ориентацию, то ли намереваясь укрыться в большой воронке в нескольких метрах по носу танка, они помчались не назад, а вперёд, и тут же попали в лапы скрывавшихся за заснеженными кустами немцев. Между деревьями стоял хорошо замаскированный «тигр».

Командир взвода не скрывал слёз, видя всё происходившее метрах в шестидесяти-семидесяти от него, но не мог помочь любимому командиру.

К капитану подошёл долговязый немецкий офицер, несколько раз ударил его по лицу, рванул на нём меховую безрукавку, свинтил все награды и сунул их в свой карман. Затем немцы привязали капитана и водителя спиной к спине к дереву, обложили их хворостом, плеснули бензин и подожгли. Этот долговязый стоял рядом с костром и позировал фотографировавшему солдату.

Странно, но когда в семье бушевали споры по поводу того, куда ехать, бабушка молчала и не напоминала невестке, как погиб отец её мужа. Бедная бабушка. У них уже были визы и билеты. Через три дня предстоял выезд в Германию. Утром бабушку нашли мёртвой в постели. Уснула и не проснулась, прожив семьдесят один год.

Отец тяжело перенёс эту потерю. Он, кажется, ещё и сейчас, спустя шесть лет, не отошёл.

Бориса тоже подсекла смерть любимой бабушки. Но каскады впечатлений в новой стране быстро затянули рану в его душе. А вот отец... Да и вообще – как можно сравнивать...

Блестящий учёный-химик сорока восьми лет, отец тщетно пытался найти применение своим знаниям и умениям. Даже на неквалифицированную чёрную работу его не принимали. Мама тоже не смогла устроиться. Она соглашалась работать медицинской сестрой, но и в этом ей отказали. А ведь она ещё совсем молодая женщина. Шесть лет они на социальном обеспечении. Квартиру им дали вполне сносную, двухкомнатную. И медицинским обслуживанием они не обделены. И с питанием никаких проблем. Физиологическое существование на лучшем уровне. Но ведь отцу сейчас всего пятьдесят четыре года, а кроме книг и симфонической музыки, которую он слушает в записи, у него нет ничего.

Как-то он написал хорошую статью, основанную на результатах своих ещё не опубликованных экспериментов. Борис перевёл её на немецкий язык. Отец послал статью в научный журнал. Но её вернули, сославшись на то, что статья не исходит из какого-либо учреждения, могущего подтвердить достоверность опытов.

Друзей у них нет. Языком в такой мере, чтобы чувствовать себя полноценными жителями страны, они не овладели.

То ли дело Борис. Немецкий у него совершенный – выучил по собственному методу. Так ещё в школе он овладел английским языком, выучив наизусть все сто пятьдесят четыре сонета Шекспира. Правда, понадобилась коррекция. Оказалось, что в сонетах масса архаизмов. С немецким проще. Он выучил наизусть всего «Фауста» Гёте. И, конечно, общение. Особенно с юными

немками, не оставлявшими без внимания высокого красивого спортивного молодого человека. Одна из его пассий, студентка-филологиня, шутя, заметила, что нигде так безупречно не овладевают иностранным языком, как в постели.

Его немецкий был уже совершенным, когда в университете он встретил Наташу. Вместе с родителями она эмигрировала из Самары. Этакая русская красавица. На неё сразу нашлось немало охотников. Но она всем предпочла Бориса.

Его успехи радовали родителей – немалая отрада на фоне их едва ли не растительного существования.

На пятый курс Бориса не приняли. Пришлось начинать с третьего. Правда, уже вскоре преподаватели заметили и стали выделять его среди других студентов.

Степень магистра он получил с блеском. Руководивший его дипломом профессор уговаривал остаться на кафедре. Но очень крупная и престижная фирма, в которой он проходил практику по программированию, предложила весьма перспективному математику работу с невероятной – Борису даже показалось, что он ослышался – высоким окладом.

Именно в ту счастливую пору он первый раз увидел Хильду. Бассейн в университетском кампусе. Рывком он выпрыгнул из воды на бортик. И вдруг словно солнце ослепило его.

Над голубой водой возвышался бюст. Нет, не грудь, хотя и сама по себе она восхитительна, а произведение гениального скульптора. Голубая шапочка скрывала волосы. Но идеальные дуги не очень тёмных бровей и такого же цвета густые длинные ресницы вокруг больших широко посаженных глаз давали основание предположить, что волосы должны быть светлыми.

Тонкий нос. Маленький чуть кукольный рот с чувственными губами. Высокие скулы и волевой, хотя и округлый подбородок намекали на то, что это нежное лицо может принадлежать человеку с очень сильным характером. Длинная шея плавно, покато переходила в торс. А грудь! Создает же Господь иногда такую прелесть! Большая, совершенная, в откровенном купальнике, она казалась ещё больше над тонкой талией. А дальше была вода бассейна. Но красота рук подсказывала, что и ноги должны быть не хуже.

Девушка заметила обалделый взгляд Бориса. Она внимательно оглядела его и неторопливо поднялась по лесенке из бассейна. Даже предполагая, что ноги должны быть не хуже всего остального, Борис не мог представить себе, что в мире существует такое совершенство.

Нет, заговорил не он. Девушка подошла к нему, подала руку и представилась:

– Хильда.

По-видимому, прошло какое-то время пока, удерживая в своей руке мокрую ладонь девушки, он опомнился и не своим голосом произнес:

– Борис.

Так состоялось их знакомство, в тот же вечер превратившееся в близость. Этому не найти названия. Никогда ещё с ним не происходило ничего подобного. Извержение вулкана и только.

Даже во время романа с Наташей он изредка позволял себе развлечения с девицами, шлифовавшими в постели его немецкий язык. А тут он просто перестал замечать, что на свете существует ещё кто-нибудь, кроме Хильды. Даже в фирме, увлечённый работой, вдруг

вспоминая любимую, он не просто терял нить программы, но должен был с немалым усилием умирять своё естество.

Вскоре обнаружилось, что их связывает не только нечеловеческое влечение. Оба обожали скрипичные концерты – от Моцарта до Бартока. Оба любили поэзию. Борис небезуспешно знакомил Хильду с русской классикой, о которой у Хильды было смутное представление. Слушая музыку оригинала и вполне приличные подстрочные переводы Бориса, Хильда всё глубже погружалась в восприятие настоящих стихов. Вскоре она даже поразила Бориса отличным переводом стихотворения Бунина.

Бориса перестало удивлять, что Хильда, дочь аристократки и более чем успешного инженера-самолётостроителя, выбрала в университете социологию, собираясь стать социальным работником.

Они жили вместе уже около года, когда Борис познакомил её со своими родителями. Их она очаровала без усилий, как и вообще очаровывала всех. Перед уходом отец отвёл Бориса и спросил: “А как же Наташа?”

– Всё в порядке. Мы расстались друзьями.

Так ли? – подумал Борис уже в автомобиле. Несколько дней назад, приехав в университет за Хильдой, он случайно столкнулся с Наташей.

– Ну что? Ты, вероятно, женишься на своей немке?

– Возможно.

– А я думала, что в тебе ещё осталось хоть что-то еврейское.

– Что значит «что-то еврейское»?

– Ну, хотя бы, что ты женишься только на еврейке.

– На еврейке? И много евреек ты встречала в университете и даже в городе?

– Встречала. Сейчас, например, ты беседуешь с еврейкой.

– Какая ты еврейка? Типичная русачка.

– У меня папа еврей.

– Да, но по еврейским законам национальность определяется по матери.

– Возможно, но в нашей школе не знали еврейских законов. Меня дразнили жидовской мордой.

Бориса больно уязвила эта встреча. И только безумная ночь с Хильдой слегка приглушила неприятное переживание.

Полгода работы в фирме отметили неожиданным и очень приятным увеличением и без того немалой зарплаты и вознаграждением, или, как его здесь называют, бонусом – дополнительным месячным окладом.

У Хильды начались каникулы. Из Кёльна они направились в Маастрихт и дальше на запад до Брюгге. На обратном пути из Бельгии уже затемно въехали в тихий городок Бад-Мюнстерхайм. Симпатичная маленькая гостиница. Их обычная ночь. Утром, чуть не прозевав завтрак, решили осмотреть городок. Даже у Хильды о нём не было представления. Оказалось, что это старинный город, известный некоторым врачам благодаря своим целебным источникам. Его центральная часть законсервирована в таком же виде, в каком она была и сто, и двести, и пятьсот лет назад.

Они бродили по живописным улочкам, подолгу стояли над парапетом и смотрели как чистая вода небольшой реки струится под замшелой кладкой старинной крепостной стены.

На одной из улиц Борис загляделся и не заметил, что Хильда отстала. Окликнувшая его, она стояла перед

каменным обелиском высотой чуть более метра. Скошенная верхняя грань была похожа на пюпитр. Его правую часть занимала примерно половина семисвечника, высеченного из того же камня. Левую половину семисвечника пожирало и уже пожрало поднимавшееся из боковой грани каменное пламя. На стене дома над обелиском чёрными буквами на белом фоне было написано, что здесь находилась построенная в 1332 году си-нагога, которую сожгли девятого ноября 1938 года. В Хрустальную ночь. Они молча постояли и ушли, никак не прокомментировав увиденного. Но без неё он бы, скорее всего, не заметил обелиск.

Спустя несколько дней они решили пожениться. И снова инициатива исходила от Хильды. Она представила Бориса своим родителям.

Он был потрясён, увидев свою будущую тещу. Ну просто близнец Хильды! Даже разница в двадцать с лишним лет не могла скрыть их удивительного сходства. Но, конечно, Хильда единственная и неповторимая. Её интеллигентный отец, выбившийся из относительно простой среды, произвёл на Бориса более благоприятное впечатление, чем высокомерная, демонстрирующая свой аристократизм красавица-мать.

Хильда захотела, чтобы их повенчали в соборе в Аахене. Борису было безразлично, где венчаться – хоть в католическом соборе, хоть в буддийском храме, хоть в кумирне. Но почему в Аахене? Разве здесь мало церквей и даже соборов? Хильда объяснила, что в аахенском соборе находится то ли кресло, то ли трон её предка, какого-то Карла, кажется, пятого. Венчание в этом соборе предопределило прочный и счастливый брак всех её предков.

Ни о какой грандиозной свадьбе речи не было. Но даже скромное семейное торжество пришлось отложить – внезапно умерла бабушка Хильды и она с родителями поехала на похороны.

Борис знал, что её дед невероятно состоятельный человек. Хильда как-то вскользь упомянула об этом. Он ещё не был знаком с дедом. Решили, что похороны не лучшее время для знакомства.

О деде Хильда говорила с придыханием. Именно он, а не родители, воспитал её. Правда, когда она поступала в университет, между ними впервые возникла серьёзная размолвка. Деду хотелось, чтобы любимая внучка получила классическое гуманитарное образование. Негоже аристократке заниматься социологией, всякими обездоленными и прочей мразью. Но Хильда была непреклонна. В автомобильной катастрофе погиб двенадцатилетний сын деда. А ведь духовным наследником должен был стать мужчина. Поэтому дед мечтал о браке своей красавицы-дочери с представителем их круга. Но красавица-дочь выбрала простолюдина. Не сложились у него отношения с зятем.

Борис как-то спросил, что скажет дед по поводу предмета её выбора. Ведь этот предмет, кажется, не только не аристократ, а ещё и еврей. Хильда рассмеялась и ответила:

– Деда я полюбила незаметно для себя, как и родителей. Эта любовь – безусловный рефлекс. С ней рождаются. Её не выбирают. Тебя я выбрала и полюбила мгновенно, в тот самый момент, когда выбралась из бассейна и увидела твою обалделую физиономию. А сейчас, когда мне известна не только физиономия, я люблю тебя ещё сильнее. И нет на Земле такой силы, которая способна оторвать меня от моей любви.

Через месяц после похорон жены дед сам предложил день, когда отпразднуют женитьбу внучки, и сам выбрал ресторан. Торжество решили отметить только в кругу семьи.

К назначенному часу Борис с Хильдой привезли его родителей в ресторан. Он уже бывал в хороших ресторанах, слышал об этом ресторане и полагал, что имеет о нём некоторое представление. Но его поразила не столько роскошь, сколько царившая здесь атмосфера избранности, отгороженности. Что уж говорить о его родителях, которые были просто подавлены увиденным? А тут ещё эта подлая языковая неполноценность, превращавшая интеллигентных людей в недочеловеков.

С родителями Хильды они уже были знакомы и даже ощущали доброжелательное отношение её отца. Дед, знакомясь, поцеловал руку Бориной мамы. Щёлкнул каблукми, пожимая руку отца. Очень внимательно рассматривал Бориса, поздравляя его с женитьбой.

Во время застолья, поражавшего изысканностью блюд, а ещё больше – вин, Борис несколько раз почувствовал на себе сканирующий взгляд деда. Но как похожи на него дочь и внучка!

Дед проводил их до стоянки автомобилей и вручил Борису ключи от благородно сверкающего «Мерседеса» выпуска будущего года.

– Мой скромный подарок молодожёнам. Я обкатал его. Как видите, он прошёл всего шестьсот километров. Вот на нём вы и приедете ко мне.

... Солнце уже поднялось над деревьями соседского сада. Луч его позолотил короткую стрижку Хильды. Она слегка отстранила голову, не просыпаясь. Спиной она прижалась к Борису. Его ладонь нежно легла на её грудь. Сосок мгновенно напрягся, словно только и ждал прикосновения. Исчезли воспоминания.

Исчезли мысли. Исчезло мироздание, сжавшись до двух слившихся тел, ставших единым целым.

Уже совсем обессиленные, они вспомнили, что хотели поехать к деду. После завтрака собрались в путь.

Дорога вела на юг по правому берегу Рейна. Борис впервые видел эти места. До чего же они красивы! Благословенная Германия! Маленькие городишки, сквозь которые проходило шоссе, прижимались к реке. От них в гору карабкались леса. Время от времени на горе возникали готические замки. Хильда обратила его внимание на скалу удивительной красоты на противоположном берегу.

– Лорелея.

Было бы неестественно, подумал Борис, если бы среди этой прелести не родилась романтика.

Часа через три они въехали в городок на берегу Рейна, которым когда-то владели предки Хильды. На горе возвышался замок деда. Типичный образец цветущей готики. Круглая башня с остроконечным конусом крыши была обращена в сторону реки. От городка до замка километра три по петлявшему в лесу заасфальтированному серпантину. Замок стоял в центре огромного парка, отгороженного от леса высокой стеной. Массивные чёрные металлические ворота с позолоченными пиками и виньетками.

Хильда остановила автомобиль, чуть не упёршись радиатором в ворота. Открыв окно, она набрала цифровой код на щитке невысокой колонки. Ворота медленно распахнулись.

Ухоженные газоны и мраморные скульптуры персонажей античной мифологии. Деревья – более светлые и низкорослые на переднем плане. Всё это великолепие пересекал ручей с каскадами, вытекающий из парка сквозь узорчатую решетку внизу стены.

Казалось, предвечерний воздух настоян на мелодиях Шуберта.

«Мерседес» обогнул клумбу и остановился у высокого крыльца. На площадке их ждал дед. Он поцеловал Хильду и крепко пожал руку Бориса. И снова Борису показалось, что дед просканировал его.

Холл и очень просторная гостиная. Богатство гармонично сочеталось с изысканностью. Справа, тремя ступеньками ниже в широком проёме, обрамлённом массивной дубовой рамой с удивительной резьбой, Борис увидел такой же массивный стол и стулья, сработанные, возможно, тем же, кто изваял раму проёма. Вверх на второй и дальше на третий этаж вдоль периметра гостиной вела деревянная лестница с перилами, каждая балясина которых была произведением искусства. С потолка третьего этажа в пространство идеально вписывалась огромная люстра – хрусталь и позолота. На площадках лестницы между витринами с коллекционным фарфором, хрусталём и серебром – картины мастеров. Великолепию огромной комнаты на втором этаже, в которую их проводил дед, Борис уже не удивился.

– Моя комната, – сказала Хильда. – Дед, когда ты сменил кровать?

Борис с удивлением смотрел на это чудо. Им с Хильдой ему было бы просторно и на трети такого поля. Дед улыбнулся:

– Как только узнал о твоей женитьбе. Конечно, ты можешь выбрать любую комнату в твоём доме.

Обедали они внизу, в столовой. Убранство и сервировка оказались ещё роскошнее, чем мог представить себе Борис, увидев стол и стулья в дверном проёме. Дубовые панели и такой же выложенный узором паркет. А картины! Четыре изумительных натюрморта. В

одном из них Борис безошибочно узнал Брейгеля старшего. На деда это произвело впечатление, как и реакция Бориса на поданное к мясу вино. Две женщины – по-видимому, мать и дочь – бесшумно обслуживали их за столом.

Из столовой через дверь рядом с солидным багром они вышли в помещение из сплошного стекла. Примерно двадцатиметровый бассейн был открыт, только над входом аркой поднималась алюминиевая крыша из вдвинутых друг в друга секций, которые закрывали бассейн в непогоду. Вдоль стеклянных стен тянулся цветник, отгороженный от голубого кафеля пола низеньким бордюром.

На следующий день после завтрака дед показал Борису круглые комнаты на двух этажах башни. Внизу по обе стороны двери стояли фигуры двух рыцарей в доспехах с головы до ног, в шлемах с опущенными забралами.

– Это доспехи моих предков, – заметил дед.

– Вы покрупнее и на голову выше.

– Акселерация. Даже моему деду они были уже маловаты. В них и именно с этим мечом мой предок участвовал во втором крестовом походе. Небезуспешно, если верить преданию, а в нашем роду не имели обыкновения искажать предания. Тяжеловаты доспехи. Ты не находишь? Своеобразные танки средневековья. Рыцарские традиции не так уж плохи – именно они хранители немецкого духа. Бог лишил меня наследника мужского пола. Я надеялся, что муж дочери станет моим сыном. Увы, не получилось. Он весь провонял либеральным пацифизмом. Хильда моя гордость. Может быть, в тебе я найду продолжателя наших традиций.

Два стрельчатых окна выходили на юг и на север. За ними открывалась широкая панорама. На стенах голы чучела клыкастого вепря, медведя, оленей, птиц. Пики и арбалеты, мечи и кинжалы, ружья – от старинных пистолей до двустволок с дорогой инкрустацией на прикладах. Тёмно-коричневые диваны и кресла. Отполированная медная решётка массивного камина. Большой плоский чёрный экран телевизора казался вполне уместным на фоне тёмно-кофейных стен с золотыми карнизами.

Восторг Бориса был явно приятен деду. Он взглянул на часы.

– Я вынужден извиниться. На несколько часов должен подскочить в Мангейм. Но ты можешь осмотреть дом сам или Хильда будет твоим гидом.

Некоторые гостевые комнаты на втором и третьем этаже были даже роскошнее комнаты Хильды. Но во всех ощущался безупречный вкус хозяина. В его комнате на третьем этаже, которую ещё недавно он разделял с бабушкой, кровать была таких же невероятных размеров, как в комнате Хильды. Всё здесь очаровывало сдержанностью тонов и формы. На амбир не было и намёка. Украшением служила только естественная фактура дерева.

– Старикам, вероятно, трудно вато подниматься на третий этаж? – спросил Борис – Ведь этажи здесь в два раза выше нынешних стандартов.

– Ты не обратил внимания на двери лифта.

Они так вписывались в оформление стены, так искусно были замаскированы под витражи, что не мудрено было их не заметить.

– Сейчас, раз мы уже в лифте, спустись в погреб. Но я провожу тебя только до первого этажа. Два поме-

щения в этом замке, в которые с детства я почему-то боюсь заходить – погреб и комната на четвёртом этаже башни. После погреба я провожу тебя в кабинет деда.

Огромный погреб. Тысячи бутылок с вином на стеллажах. На столбах аккуратные таблички с указанием, какого года урожая вино.

– Ты напрасно не спустилась со мной. Ничего подобного я не мог себе представить.

– Скажешь это деду. Ему будет приятно. Потому он и любит гостей, что может угостить их каким-нибудь раритетом. Ты заметил, как дед просиял, когда ты восхитился вином? Он скромно промолчал, что этой бутылке сто пятьдесят лет.

Они снова поднялись на третий этаж. Кабинет деда в башне отличала сдержанность, даже аскетизм. Большой письменный стол орехового дерева, кресло и два стула. Единственный предмет искусства – бронзовый бюст Рихарда Вагнера на высокой тумбе в простенке между окнами. Во всю стену дверь обрамлена стеллажами с книгами.

Борис обратил внимание на обилие мемуаров видных военачальников. Книги Брэдли, Патона, Монтгомери, Эйзенхауэра на английском, Фоша, Петена, де-Голля – на французском. О немцах и говорить не приходится – от Бисмарка до Гейделя. Но что просто ошарашило Бориса – книги Василевского, Жукова, Кузнецова на русском языке.

– Дед владеет русским?

– Понимает и читает со словарём. Наверх поднимись сам. С детства меня пугает эта винтовая лестница. И неинтересно. Даже в кабинете я засыпаю от скуки.

Борис поднялся на четвёртый этаж. Может быть, не стоило подниматься? Прямо напротив входа между очень узкими окнами два больших развёрнутых флага –

трёхцветный немецкий и красный с чёрной свастикой в белом круге. Между знамёнами в тяжёлой золочёной раме портрет Гитлера в военной форме. Под ним более скромный портрет красивого офицера с «Железным крестом» на кителе. Деда в нём можно было узнать без усилий.

Под портретом чёрная лакированная полка. На бордовой бархатной подушке «Железный крест», знак ваффен эсэс⁷ и значок члена национал-социалистической партии. Рядом «Майн кампф» в роскошном издании. Слева полка побольше. На ней кортик, солдатский ремень с надписью на пряжке «Got mit uns»⁸ и два пистолета: обычной формы вальтер и с обнажённым стволом – парабеллум.

Для Бориса это было просто безымянное оружие. В полумраке башни пришлось напрячь зрение, чтобы разглядеть фотографию примерно сорок на шестьдесят сантиметров, накатанную на толстый прессшпан⁹.

На краю рва голая женщина. В неё целится из пистолета молодой офицер – тот самый, что был под портретом Гитлера. Справа от нацистского знамени ещё одна фотография такого же размера и ещё одна чёрная лакированная полка. На фотографии заснеженные деревья и кусты. Борис до предела напряг зрение, чтобы разглядеть лица двух привязанных к дереву военных. На головах танковые шлемы. Дым горящего под танкистами костра скрывает их лица и не скрывает легко узнаваемого лица офицера, с широкой улыбкой глядящего на костёр. Борис стоял перед фотографией, как кролик перед удавом. Трудно сказать, сколько времени

⁷ - Waffen-SS – войска СС (В.К.)

⁸ - Got mit uns (нем.) – С нами бог (В.К.)

⁹ - Уплотнённый прочный лощёный картон (В.К.)

прошло, пока он не опомнился и не обратил внимание на полку.

На чёрной бархатной подушке золочёный орден Отечественной Войны, орден Красной Звезды, медаль «За отвагу» и гвардейский значок. Уже не сомневаясь, Борис отвинтил плоскую круглую гайку, чтобы разглядеть номер ордена. Сумма цифр – двадцать один. Второй орден. Сумма цифр – двадцать один. Борис завинтил гайки и положил ордена на место.

Рассказать Хильде? Зачем? Никому ничего не надо рассказывать. Прошлого не изменишь, а будущему не следует мешать.

Предок участвовал во втором крестовом походе... Скольких евреев он зарубил своим мечом по пути к гробу Господню... Дед... Не люмпен, естественный в нацистской партии... Потомственный аристократ...

Не надо быть талантливым математиком, чтобы понять невозможность случайного совпадения с его стремящейся к нулю вероятностью. Случайно ли дед укатил в Мангейм, оставив его в одиночестве осмотреть замок? Ладно, остановимся на поле. Ноль он и есть ноль. Никто ничего не обнаружил.

Борис направился к винтовой лестнице. В конце концов, прошло больше пятидесяти четырёх лет. Ровно две его жизни. Возможно, среди убитых рыцарем евреев тоже были и его предки. Ну и что? И вообще все мы потомки Авеля и Каина. Каких только не может быть сочетаний. И мы их никогда не обнаружим. Будем считать, что и я ничего не обнаружил. Впереди только будущее.

А Германия действительно благословенная страна. И в немецком языке есть очень ёмкое и точное понятие – плюсквамперфект, давно прошедшее время.

2001

ЗА СОВЕТОМ

– **Я** знаю, не в вашей привычке давать не медицинские советы, – сказал Игорь, слегка поглаживая седеющую бородку – но тем не менее...

В Киеве Игорь был моим пациентом. В Израиле мы остались друзьями. С годами разница в возрасте – двенадцать лет – становилась менее заметной.

– Сегодня годовщина начала войны. Я проснулся, вспомнил об этом, и словно кто-то толкнул меня прийти к вам за советом именно в этот день. Разумеется, война началась для нас по-разному. Вы жили на старой границе, а мы в Киеве, на Подоле. Через два месяца мне должно было исполниться четыре года, а вы уже воевали. Я подумал, что сегодня самое лучшее время, чтобы всё-таки вымолить у вас совет.

Помните, пели «...ровно в четыре часа Киев бомбили...». Но мы тем утром ничего не слышали. А в полдень чёрная тарелка репродуктора что-то прохрипела и папа мрачно сказал: «Война». Мы с Гришей очень обрадовались. Вы ведь знаете Гришу. Брат на два года старше меня. Мы выскочили на балкон и стали играть в войну. А дальше дни до начала эвакуации выпали из памяти. Помню, что на подводе нас подвезли к длиннущему эшелону и погрузили на открытую платформу. Дедушка, бабушка, мама, Гриша и я очутились в Саратове. Папа ушёл на фронт. В Киеве было тепло, а в Саратове мы уже слегка замерзали. Помню, дедушка тихонько рассказал маме и бабушке, а мы с Гришей подслушали, что красноармейцев нарядили в немецкую форму и

сбросили на парашютах десант на Автономную республику немцев Поволжья. Десантников вроде бы укрыли местные немцы. Их обвинили в сотрудничестве с фашистами и стали выселять куда-то на восток. Поэтому дедушка сказал, что должен немедленно поехать туда. И не в город Энгельс, бывший столицей Немецкой автономной республики, а в небольшой городок Бальцер. Там на окраине города дедушка купил у немца Этингера небольшой уютный домик. Даже не купил – их же просто выселяли. Но он высыпал из маленького кошелька с двумя шариками-защёлками – помните, были такие? – всё, что там было. А сколько там могло вместиться? Но Этингер очень благодарил дедушку. Осталась корова, коза и замечательная собака, которая стала нашим самым близким другом. Фамилию Этингер я тогда услышал и запомнил на всю жизнь. И надо же! Первая моя работа в Израиле, когда я сменил профессию, связала меня с профессором Этингером из Еврейского университета. Знаю, знаю, вы его не любите. Но зачем я это всё рассказываю? Моё детство не имеет никакого отношения к тому, что сегодня привело меня к вам.

Не имеет отношения, вероятно, даже история моей женитьбы и развода. Хотя... Никогда не забуду, как пробыли у вас почти два часа, как принимала нас ваша жена, когда в Киеве я привёл к вам мою будущую жену. Она уже была на площадке, а я в двери, когда вы положили руку мне на плечо и прошептали: «Игорь, внешность, экстерьер такой женщины не могут оставить равнодушным никакого мужчину. Да и интеллект могучий. Но она ведь хищница. Вы готовы прожить всю жизнь в клетке с тигрицей-людоедкой?». Я был влюблён и оставил ваши слова без внимания. Это был совет. А я ещё не

знал, что значит совет человека, который не любит давать советы. До сих пор не понимаю, как за короткое время вы сумели так точно вычислить мою избранницу.

Уже после развода с ней я пробыл три месяца в командировке в Казахстане. Заработал солидно, но и вымотался не меньше. В августе должен был вернуться из Кокчетав в Киев. Но не тут-то было! Достать железнодорожный билет до Киева оказалось почти так же тяжело, как, скажем, еврейскому юноше стать студентом института международных отношений. Промучившись неделю, взвалил на себя рюкзак и оказался на вокзале. Подошёл к купейному вагону. Обратился к старику-проводнику. Разумеется, он и разговаривать не захотел с безбилетником. Но увидев в моей руке красненькую десятку, смягчился и сказал, что до половины второго ночи мне будет представлено сидение в коридоре, а в половине второго, как только освободится место в купе, он меня пустит на него.

Поезд тронулся. Я стоял у окна и любовался закатом. Знаете, в Казахстане потрясающие закаты. Необозримая беспредельная степь из написанной маслом постепенно превращается в нарисованную нежной пастелью. Нет слов!

Из купе вышла девушка, можно сказать, девочка. Изящная такая и миловидная. Я бы добавил – аккуратная. Безошибочно определил в ней немку. За три месяца в Казахстане научился разбираться в населении этой республики. Разговорились. Познакомились. Мария. Ей исполнилось восемнадцать. Следовательно, я старше её на пятнадцать лет. А если учесть мою трёхмесячную небритую бороду, ещё не такую ухоженную, как сейчас, разумеется, не воспринимавшуюся мною, как признак религиозного еврея, и вымотанный вид, и сносившуюся одежду, то мог показаться старше на целое

столетие. Ехала она в Свердловск поступать в институт, в крайнем случае – в техникум. Узнав, что я из Киева, спросила, украинец ли я. Ответ был отрицательным. Русский? Нет, не русский. Еврей.

– А, я знаю. Бабушка говорила, что евреев преследуют почти так же, как немцев.

Я не стал уточнять. Тем более, что из купе выглянули два старших брата Марии и по-немецки велели ей вернуться в купе. Мария сказала, что ещё немного постоит. Не помню, о чём мы говорили.

Солнце зашло. В коридоре зажглись светильники. Братья, безмолвно и почти враждебно осматривая меня, ещё дважды весьма неласково приказывали Марии вернуться в купе. Перед уходом она сказала, что напишет мне, как устроятся её дела в Свердловске, и попросила адрес. Этому красивому, такому симпатичному ребёнку я не мог отказать. Я осторожно пожал протянутую ею руку. Её пожатие было гораздо более продолжительным. Тогда я не обратил на это внимания.

В Киеве я забыл о поездке до Свердловска, потому что и там не так просто было попасть на поезд до Москвы и потом из Москвы до Киева.

Но примерно в конце сентября я получил довольно милое письмо от Марии, которая стала студенткой уже не помню какого института, связанного с культурно-просветительной работой. Я, разумеется, ответил. Завязалась переписка, которой я не придавал особого значения, несмотря на то, что письма Марии становились всё более нежными и тёплыми. Понимаете, чувствительный ребёнок из грубой, судя по братьям, семьи, нуждающийся в ласке, увидел интеллигентного деда. Как иначе можно было объяснить интонацию этих писем? Воспитание в патриархальной семье. Институт, в котором вряд ли много представителей мужского пола.

Хотя непонятно, как можно не обратить внимания на такую девушку. В общем, это детали. Как этот самый интеллигентный человек я не прекращал переписки. Честно говоря, в какой-то мере она была мне приятна. Возможно, доверием в таком коротком общении, можно сказать, ребёнка с пожилым человеком. Да и тональность писем, чуть ли не объяснения в любви, как-то способствовала улучшению самомнения в эту нелёгкую пору, когда у еврея вполне мог развиваться комплекс неполноценности. Я посылал ей открытки с видами Киева, а она писала, что такую красоту просто нельзя не увидеть.

Времени у меня оставалось всё меньше. Работа. Подпольное изучение иврита – я уже начал готовиться к репатриации в Израиль. Вы помните, как это было не просто в ту пору. Да и недавний развод, побег из той самой клетки ещё не совсем зарубцевался. Ну, а потом отъезд, допросы в КГБ, увольнение с работы. Случайные подработки кем угодно, чтобы не околеть. Не мог же я быть на иждивении брата, такого же полунцига инженера, как я сам. Так прошли два года.

Мария сообщила, что семья настойчиво требует от неё выйти замуж за их земляка, только что окончившего политехнический институт. Написала, что она его не любит, что у неё самая тяжёлая пора и всё такое прочее. Как вы понимаете, в ту пору мне было не до её жалоб.

Безоблачное июльское утро. Позвонил телефон. Я посмотрел на часы. Без пяти восемь. Кто мог позвонить в это время? Неужели очередной вызов в КГБ? Маловероятно – воскресенье. Снял трубку. Приятный женский голос. Радостная интонация. Представилась – Мария. В Киеве. В гостинице на Бульваре Дружбы народов.

Первая моя реакция – удивление. А дальше я просто выпал в осадок. Мария объяснила, что сегодня вечером возвращается в Кокчетав, что чудом снятый номер в гостинице она должна освободить до двенадцати часов, что приехала в Киев специально, чтобы встретиться со мной. Она слёзно просила меня прийти к ней немедленно. Невесёлое в ту пору моё настроение, вызвавший мысль о КГБ ранний телефонный звонок и всё остальное не очень настраивали на какое-то неожиданное и непонятное свидание. Но вы ведь понимаете, интеллигент, хлюпик. Пошёл. Тем более, что это недалеко от моего дома.

В гостинице прошёл мимо свирепо осмотревшей меня дежурной по этажу. Постучав и услышав: «Войдите», открыл дверь. И обомлел. В лёгком коротком цветастом халатике меня встретило очаровательное существо. Тогда в вагоне в своём провинциальном наряде Мария выглядела весьма привлекательной. Но сейчас! Как только я вошел в номер, она бросилась мне на шею, словно это было обычным в наших отношениях. Честно говоря, я растерялся. Не уверен, что был тем самым нежным дедом, который должен был приголубить девочку, лишённую ласки в семье.

Номер на двоих. Кровать Марии и вторая, с небранной постелью. Мария объяснила, что её соседка рано утром уехала в аэропорт. Не буду вдаваться в подробности, в общих чертах... Мария сквозь слёзы поведала, что ещё до начала занятий на четвёртом курсе ей предстоит в Кокчетаве выйти замуж за нелюбимого человека, хотя нет и быть не может любимого, кроме меня.

Знаете, после того, как я выбрался из клетки, прошло больше двух лет. За это время у меня была пара связей – я не блядун, случайные связи это не моё. Хотелось

чего-то основательного, тем более, что через месяц мне должно было стукнуть тридцать шесть. Но тут меня обнимала удивительная женщина. И не надо было быть экспертом, чтобы понимать, что куцый халатик, не прикрывающий бёдер невероятной красоты, надет на голое тело. Поверьте мне, я включил все имеющиеся у меня тормоза. Я умирал, но уговаривал её, а в глубине сознания и себя, опомниться. Я объяснял безумность её желаний и порыва. Вы говорили «тигрица-людоедка». Ну, а я? Тоже животное. Животное оказалось сильнее разумного человека. Я был изумлён, обнаружив, что она девственница. Я проклинал себя. Но что ещё хуже, мы забыли о существовании внешнего мира. А ведь средств предохранения не было ни у неё, ни у меня.

В двенадцать часов совершенно обезумевшие и обессиленные, мы поехали на вокзал. Чемодан оставили в камере хранения и пошли гулять по городу. До вечера, когда уходил поезд, я показывал ей Киев, всё самое интересное и самое красивое. Она радовалась, узнавая знакомые ей по открыткам места. Капиталы мои не позволяли пригласить её в приличный ресторан и мы перекусывали по-студенчески.

Вечером проводил её к поезду. Перед тем, как войти в вагон, Мария обхватила мою шею: «Я так вам благодарна! Этот день на всю жизнь останется для меня самым дорогим. И на всю жизнь я сохраню любовь к вам, единственному». Несмотря на всё происшедшее, Мария продолжала обращаться ко мне на вы.

Вот и всё. А в ноябре случилось чудо – я уехал в Израиль. Дальше вам всё обо мне известно. Так что рассказывать о смене профессии, о женитьбе, о рождении сына, об интересных встречах, о путешествиях с женой нет необходимости. Но вот чего вы не знаете, это

именно того, что привело меня сегодня к вам. Господи! Мне так нужен ваш совет!

Месяц тому назад я вылетел в Берлин с нашей делегацией. Рутинная работа переводчика. До этого мы договорились с Гришей, что он прилетит в Амстердам, мы возьмём напрокат автомобиль и поедем от устья Рейна в Голландии до истоков в Лихтенштейне. Жёны выдали нам увольнительные на две недели – они не могли поехать с нами.

Проехали Мангейм, Карлсруэ и уже приближались к южной границе Германии. Времени на музеи оставалось не много. Поэтому решили ограничиться в основном архитектурой и пейзажами. Но в относительно небольшом городке почему-то потянуло нас в музей. Собственно говоря, не почему-то, а потому что встреченный в Кобленце израильтянин действительно посоветовал посмотреть в музее этого городка удивительные предметы иудаики.

Со стоянкой не было проблем. Это не Дюссельдорф и не Кёльн. Машину остановили у входа в музей. Вошли. И я замер, как соляной столб – за кассой сидела почти не изменившаяся Мария. Она выскочила из-за стойки и бросилась меня обнимать. Гриша тоже окаменел. Он ведь не знал о Марии.

В музее было пусто, ни одного человека. Гриша вспомнил, что должен заправить машину, сказал, что приедет примерно через час.

Мы сели на старый деревянный диванчик – вероятно, тоже музейный экспонат. Мария взяла мою руку. Прошло двадцать лет, в течение которых я очень редко вспоминал её. А тут во мне что-то всколыхнулось, вспыхнуло.

Я впитывал каждое слово её рассказа. О том, как на следующей неделе после нашего свидания она вышла замуж. О том, как подружки научили её симулировать девственность. О том, как с маленьким сыном на руках трудно было кончать институт. О рождении дочери. О жизни в Кокчетаве до выезда в Германию шесть лет назад. Мужа, очень хорошего человека, который любил её, она покорно терпела, не переставая любить единственного мужчину, которого Господь подарил ей для любви. Так она сказала. К середине восьмидесятых они поняли, что жить в Казахстане уже невозможно. Для детей они отрывали от себя каждый кусок. И как только образовалась щель, протиснулись через неё в Германию. На первых порах было трудновато. Трудновато, если сравнить с нынешней жизнью. В сравнении с Кокчетавом это был просто рай. Муж, инженер-электрик, начал работать простым электриком на стройке, но уже через поднялся почти до инженерного уровня. И внезапно несчастье – оборвался провод высокого напряжения. Мужа убило на месте. Пенсия вполне обеспечивает её, но не может же она не работать. Сын учится в университете. Он очень удачный, способный и трудолюбивый мальчик. Она не слишком представляет себе, что это за появившиеся новые счётные машины, компьютеры. А он, ещё в школе учась, был, можно сказать, хозяином этого самого компьютера в местном банке. Вот и сегодня его пригласили из университета – что-то у них там не заладилось. С дочкой сложнее. Девочка хорошая. И ученица хорошая. Но очень уж современная. У неё, шестнадцатилетней, есть бойфренд. Это в шестнадцать лет! Мария смущённо посмотрела на меня: “Я-то, как вам известно, девственность потеряла в двадцать один год. Да и то потому, что хотела отдать её единственному любимому мной человеку”.

В этот момент в двери напротив нашего диванчика появился... Доктор, вы не поверите! Хорошо, что я сидел. В двери появился я, студент второго или третьего курса. Однотельный двойник того самого студента, каким был я тогда. Хорошо, что борода, седина и всё прочее скрадывали наше сходство. Но юноша оглядел меня весьма внимательно. Мария представила меня как старого знакомого по Кокчетаву. Иоганн окончил работу в банке и зашёл попрощаться с мамой перед поездкой в университет.

Когда он ушёл, мы долго молча смотрели друг на друга. Я не выдержал и спросил, как на это реагировал её муж.

– Но ведь он вас не видел. Кроме того, родила я почти точно через девять месяцев после свадьбы.

Я снова замолчал. Я просто был не в состоянии говорить. Появился Гриша. Оказывается, прошёл не час, а два. Гриша, как потом выяснилось, ничего не понимал, но предпочёл прогуляться по городу и не мешать нашему общению.

Ещё в Амстердаме мы запланировали, что день переночуем в Констанце, а на следующее утро отправимся в Швейцарию. Но когда Мария предложила нам переночевать у неё, я вдруг захотел наплевать и на Констанцу, и на Рейн в Швейцарии и в Лихтенштейне. И...

Вы знаете, почти за двадцать лет нашей супружеской жизни я ни разу не шмыгнул налево. У меня даже помыслов таких никогда не было. Но когда Мария сказала, что в её доме есть достаточно места для нас с Гришей, я впервые в жизни просто физически ощутил в себе раздвоение – верность жене и дикое желание остаться у Марии. Гриша молчал, предоставив мне право выбора. Я поблагодарил Марию. Мы встали, обнялись,

расцеловались. Я что-то бормотал о будущих встречах. Мы с Гришей вышли к машине.

Уже потом, по пути в Констанц, ни о чём не спрашивая, он сел за руль. Я пытался оправдать пережитое раздвоение тем, что испытал шок при виде Иоганна. Только по пути я посмотрел на вручённую Марией визитную карточку и прочёл: «Мария Этингер, администратор музея». Надо же – такое совпадение! Но это, разумеется, несущественная случайность.

Иоганн... Это и есть причина моего прихода к вам. Ну, согрешил. Повёл себя подло. Но я ведь не каялся. Не без тайного удовольствия вспоминал эти мгновенно промелькнувшие неповторимые часы в номере гостиницы на бульваре Дружбы народов. Редко вспоминал. Возможно потому, что совесть при этом шевелилась и не давала наслаждаться воспоминанием. При этом ни разу я не подумал о возможных последствиях того эфемерного счастья. И вдруг Иоганн. Понимаете, у меня есть ещё один сын. Старший сын. У верующего еврея сын немец. Может быть, поэтому я и пришёл к вам, к человеку, для которого война никогда не кончается, именно в годовщину начала этой самой войны. Доктор, дорогой, посоветуйте, как мне быть? Что я должен или что я могу делать? Как мне хоть в какой-то мере искупить свою вину, свой грех?

Я долго молчал... Потом спросил: «Игорь, есть у вас какие-нибудь жалобы на здоровье?»

2011

ПОЕХАЛА КРЫША?

– Знаешь, – сказал он задумчиво, – нельзя осуждать даже самые странные поступки человека. Нельзя, даже если считаешь, что обстоятельства ясны до самого предела.

Он снова пригубил бокал со своим любимым Martell Noblige.

– Разумеется, я не имею в виду, что ты, можно сказать, брезгливо отказался от чудесного напитка и пьешь свой Remy Martin, хоть и XO. Я же по этому поводу не говорю, что у тебя поехала крыша.

Он улыбнулся, отхлебнул немного коньяка, помолчал, возможно, ожидая возражения. Это был предмет нашего традиционного полушутливого спора по поводу качества предпочитаемых коньяков. Я понимал, что не это он имел в виду, начав разговор об осуждении странностей. Поэтому молча ожидал продолжения его рассказа.

– С Дэном я познакомился на профессиональной почве.

Помолчал, задумавшись.

– Это была очень важная и ответственная встреча. Мы обсудили все интересовавшие нас вопросы и разошлись. Бес его знает, как это бывает. Несколько лет я не видел его, не вспоминал и, может быть, даже не узнал бы, случайно встретив на улице. Но состоялась ещё одна профессиональная встреча. Возможно, я вообще сейчас вспомнил эту историю в связи с тем, что именно на этой встрече Дэн угостил меня Мартелем. Это был не Noblige, но вполне приличный коньяк. Не забудь,

что и спустя несколько лет после эмиграции я всё ещё был изрядно зелёненьким американцем. Потом, уже став близкими друзьями, мы часто вспоминали эту встречу и пытались объяснить себе, что же тогда произошло, что сблизило нас. У вас это называют химией. Возможно, это действительно напоминает химию. Внезапная реакция синтеза при соответствующих валентностях. Бес его знает... Да, забыл тебе сказать, что Дэн на десять лет старше меня.

Примерно недели через две или три мы с жёнами пошли на ланч в китайский ресторан. В тот самый, в котором ты познакомил меня с твоим коллегой. Должен тебе сказать, что Эллен, жена Дэна оказалась очаровательной женщиной. Ты же знаешь отношение моей Ани к женскому полу. Так вот, даже она полюбила эту деликатную, интеллигентную и очень миловидную женщину. Несколько лет длилась изумительная дружба наших семейств. И вдруг, Дэн и Эллен развелись. Без всякой, как нам казалось, видимой причины. Понятия не имея, кто был инициатором развода, мы с Аней были в шоке.

Разумеется, я ни о чём не расспрашивал Дэна. Не чувствовал себя вправе, если он – мой самый близкий друг – не заговаривал со мной на эту тему.

Спустя примерно полгода Дэн женился на шикарной девице на двадцать лет моложе него. Всё понятно: седина в бороду – бес в ребро. Тут надо отдать должное моей Ане. Ради меня она сделала всё возможное, просто превозмогла себя, чтобы дружба с новой семьёй Дэна оказалась подобной той, что была при Эллен. Поверь, это было совсем непросто.

Знаешь, я обратил внимание на один забавный феномен. Когда в обществе появляется стареющий хрен

с молодой красавицей, он обычно, как павлин, распускает хвост. Дэн же не изменился ни на йоту. Появляясь на людях со своей красоткой, он оставался таким же выдержанным, таким же лишённым избыточных эмоций, каким был с Эллен.

Шли годы. Ничто не омрачало нашей дружбы. Мы даже перестали вспоминать то второе производственное свидание, сопровождавшееся моим любимым Мартелем. Давно уже, оставаясь наедине, мы не вспоминали Эллен. С годами обстоятельный Дэн становился ещё обстоятельней и солидней. И вдруг! Да-да, снова и вдруг!

В тот вечер, когда он пришёл к нам один и сообщил, что развёлся со своей Барбарой, так как собирается жениться (ты представляешь, в третий раз!), я твёрдо решил, что у бедного Дэна поехала крыша.

Пойми меня. Дэн уже перевалил за семьдесят. Барбара в свои пятьдесят всё ещё оставалась очень эффектной женщиной, притягивающей взгляды мужчин. Нам с Аней трудно было представить себе Дэна, влюбившегося в какую-то восемнадцатилетнюю фифу. Как я уже сказал, обстоятельный, солидный и на тебе... Определённо, поехала крыша.

Дня через два Дэн позвонил мне на работу и пригласил на ланч в тот самый китайский ресторан. Хочу познакомить тебя с моей новой женой, сказал он. Первым импульсом у меня, было послать его, и не по-английски, а по-русски. Ну, согласишься, старый хрыч с поехавшей крышей и двумя разводами за спиной приглашает меня, через несколько дней уходящего на пенсию, на встречу с какой-то писухой. Войди в моё положение. Но, с другой стороны, Дэн мой дружбан – как я мог отказать другу?! И я пошёл.

Не успел я сесть за столик – помнишь тот столик рядом с аквариумом? – как появился Дэн с какой-то старой дамой. Я решил, что, несмотря на свой весьма интеллигентный вид, это сводня, которая должна доставить Дэну новую жену.

Разумеется, я встал. Всё-таки дама. Дэн был явно рад тому, что я уже в ресторане. И вообще он сиял. Должен тебе сказать, что никогда не видел его таким возбуждённым и радостным.

– Знакомься, – буквально выкрикнул он, – Леурен, моя жена.

Ты не поверишь, но прозвучало это так, как могло бы прозвучать в твоём исполнении сообщение об открытии тобой панацеи. Не знаю, как я не упал. Передо мной стояла старая дама со остатками былой красоты на очень приятном лице. И фигура совсем не дряхлая. Но я-то мысленно был готов к совсем другому. Пойми меня. Сменить относительно молодую красавицу Барбару на эту бабушку? Не помню, что мы заказали. Не помню даже, выпили ли что-нибудь. Я был в шоке, пока Дэн не начал разговор.

– Алекс, – сказал он, – ты знал двух моих жён. Мы никогда не говорили с тобой на эту тему. Но у меня нет сомнения в том, что ты удивился, возможно, даже осудил меня, когда я развёлся с Эллен. Она ведь была совсем неплохой женщиной. Представляю себе твои чувства, когда я объявил тебе о разводе с Барбарой. Красавица, на двадцать лет моложе меня и всё такое прочее. Но пойми, дружище. Что я мог поделаться с собой, как я мог посвящать себя своим жёнам, если почти семьдесят лет любил другую женщину, мою Леурен, которая сейчас рядом с тобой? Мы были в одном детском садике. Там я полюбил её на всю жизнь. В восемнадцать лет я объяснился ей в любви и попросил стать моей женой, но

напоролся на отказ. Она уже несколько лет была замужем, когда накануне женитьбы на Эллен я снова попросил её стать моей женой и снова – нет. В позапрошлом году умер её муж, благословенна память благородного человека. Только Господь знает, как я прожил этих два года, пока, наконец, моя Леурен ответила мне согласием. Алекс, мы с тобой друзья не один день. Никогда ещё ты не видел меня таким счастливым, как сейчас, потому что только сейчас я по-настоящему счастлив.

Знаешь, это правда. Никогда за все годы я не видел Дэна таким счастливым. Вот тебе и поехала крыша. Бес его знает, как я не покрутил указательным пальцем у виска, когда он сказал нам о втором разводе.

Ты не считаешь, что за такую любовь всё же следует выпить?

2010

УРОК СЛОВЕСНОСТИ

Не смешно ли сейчас, в Израиле, отягчённом таким количеством угроз существованию страны, вдруг задуматься над причиной идиотского противостояния между лётчиками и танкистами во время Великой Отечественной войны? Мой личный опыт – опыт курсанта танкового училища в гарнизоне, в котором располагалось и училище авиационное. Уже после войны я узнал, что наш гарнизон не был исключением. Оказывается, антагонизм между родами войск всюду был чуть ли не железобетонным правилом.

Пытаюсь понять, почему я должен был драться с курсантами авиационного училища? Какие претензии лично у меня имелись к этим курсантам? Чем они мне не угодили?

Как-то даже собрался проанализировать ген агрессивности и объяснить этот идиотизм. Ну не мог я, курсант, член курсантского коллектива, не принять участия в драке рядом с моими товарищами. Как бы они это восприняли? Правда, причина для того грандиозного избиения лётчиков вроде имелась. Но причина ведь возникла на почве уже укоренившейся вражды.

Возможно, теперешними туманными рассуждениями я пытаюсь оправдать своё подленькое удовольствие от сцены, случайным наблюдателем которой привелось стать в конце лета сорок четвёртого.

Не помню, почему три танка моего взвода оказались на опушке леса у перекрёстка дорог, одна из которых – продолжение просеки – шла на запад к переднему краю и дальше уже в Восточную Пруссию. А вторая, пер-

пендикулярная ей, с севера на юг, всё ещё на территории Литвы, была рокадной дорогой. Моя машина стояла почти у самого перекрёстка. Помню только, что мы – редкий случай! – никуда не торопились и не было никакой опасности. До переднего края далековато. Изредка доносилась только работа нашей артиллерии и глухие разрывы немецких снарядов. Наступление продолжалось. В бригаде ещё оставались танки. Следовательно, её не вывели на формирование. Почему же мы оказались так далеко от боя? Должна была существовать какая-то причина. Не помню.

Экипаж, пользуясь передышкой, дремал в танке. Я высунулся из командирской башенки и подставил лицо дождю. В центре перекрёстка стояла курносенькая девушка-сержант, флажками регулируя оживлённое движение транспорта.

Метрах в двух от танка, у края выбравшейся из леса дороги, рядом с перекрёстком возникла закутанная в тяжёлую промокшую плащ-палатку фигура солдата. Солдат оказался необычным. Под капюшоном пряталось женское лицо. Не то, что пожилое, но явно старше меня. Лет двадцати – двадцати пяти. Такая неопределённость, возможно, объяснялась маской многосуточной усталости и прилипшим к лицу капюшоном. Как в таких условиях было судить о внешности этой солдатки?

Регулировщица – другое дело. Хорошенькая. Насквозь промокшие гимнастёрка и юбка очерчивали ладную фигуру. Маловероятно, что девушке с такой внешностью удавалось удержать оборону от наступающих тыловых офицеров. И сапоги на ней ладные, не то что кирзовые говнодавы на ногах солдатки. Выходит, работала.

Солдатка оглянулась. Лицо показалось мне знакомым. Но где я мог видеть её? Чепуха. Не мог. Под плащ-палаткой на левом плече угадывалась винтовка. Явно не из нашей бригады. В нашей бригаде уже никого нет с винтовками. А всё-таки, откуда-то это лицо мне знакомо. Нет. Показалось. Мало ли похожих лиц.

Солдатка голосовала едущим на запад грузовикам, редким легковушкам и виллисам. Никто не оставался, чтобы подобрать какого-то неизвестного промокшего солдата.

К перекрёстку с севера приблизился бесконечный хвост неторопливых подвод. В тот же момент из леса на скорости вынырнул студебеккер, и, заскрипев тормозами, резко застыл перед самым перекрёстком. В кузове на скамейках стройно разместились примерно тридцать младших лейтенантов-лётчиков, в кабине рядом с шофёром – майор, тоже с лётными погонами. Наверное, вёз только что окончившее училище пополнение. Но куда? Неужели так близко к передовой расположен полевой аэродром? Впрочем, наступление ведь продолжается.

Сержант-регулировщица всё ещё перекрывала дорогу грузовику, продолжая пропускать караван подвод. Солдатка опять проголосовала. Младший лейтенант у правого борта сразу за кабиной, этакий попрыгунчик-весельчак, немедленно отреагировал:

– Что... растёрла? А ты ножки расставь пошире и шажком, шажком.

Кузов дружно расхохотался. Кабина, майор и шофер не поддержали. Возможно, до них не дошло остроумие младшего лейтенанта.

Но тут! Братцы! Вам приходилось оказаться неподалёку от «катюши», когда залпом изрыгается грохот ракет? Когда кажется, что земной шар раскалывается на

мелкие осколки? Именно в таком звуковом обрамлении солдатка исторгла поток, нет, не поток – лавину матюгов.

За три с лишним года в армии я набрался матюгов, как сучка блох. Незадолго до того дня у нас в бригаде состоялся конкурс мата и помпотех нашей роты гвардии техник-лейтенант Верёвкин занял первое место. Он был виртуозом. Но ничего подобного я ещё не слышал. Прими эта дама участие в конкурсе, помпотех не увидел бы приза, как своих ушей.

Студебеккер онемел. И тут, словно дирижируя этой матерной симфонией, солдатка взмахнула правой рукой и плащ-палатка повисла за спиной на капюшоне. Обнажилась грудь, с двух сторон обильно увешанная орденами и медалями. И винтовка с оптическим прицелом. Господи! Так вот откуда мне знакомо это лицо! Пару раз видел её фотографию во фронтовой газете. Самый знаменитый снайпер! Рассказы о её подвигах гремели по всему фронту.

Забыл фамилию. Запросить бы архивы. Думаю, это относительно несложно. Но вряд ли эпизод у дороги что-то добавит к её подвигам. Она была лучшим снайпером Третьего Белорусского фронта и к тому времени уничтожила триста немецких солдат и офицеров. Мы всем экипажем, впятером, пожалуй, не дотянем даже до половины её реестра. Речь, разумеется, идёт о живой силе. Но именно живая сила, а не танки и прочие пушки с пулемётами и миномётами, самое главное для победы.

Неслыханные матюги разбудили мой экипаж. Башнёр выбрался из люка на корму. За ним вылез лобовой стрелок. Из своего люка вывалился механик-водитель, за ним и стреляющий.

Снайпер продолжала бушевать. Думаю, что из её матюгов можно было составить четырёхтомную монографию объёмом со словарь Даля. Изысканный мат описывал пороки не только сидящих в кузове, но даже их далёких прапрапредков и потомков до десятого колена. Потомков тех, кто доживёт до победы. Именно до победы, а не до окончания войны. По-видимому, идеологические соображения даже в мате не казались ей лишними.

Младшие лейтенанты вобрали головы в плечи. Мы наслаждались их позором. Подводы уже прошли. По рокадной дороге изредка проскальзывали автомобили, а за студебеккером выстроилась солидная очередь машин. Но сержант-регулирующая не торопилась дать им дорогу. Может быть, пользуясь случаем пополнить своё образование, захотела продлить урок словесности. Или подобно нам вкушала посрамление ненавистных офицеров, представляя себе, разумеется, на месте этих младших лейтенантов тыловиков с большими звёздами на погонах о двух просветах. Тех, с которыми ох как не хотелось ей уединяться в землянках. Или ощутила внезапную месть за бессонную ночь с каким-нибудь отвратным старым тыловым офицером, за форменное насилие. Во всяком случае, сержант не торопилась перекрыть рокадную дорогу.

Из машины вышел майор и предложил снайперу занять его место в кабине. Но она продолжала бушевать:

– Да пошли вы все на ... Стану я мараться об это говно.

Я подумал о субординации. Погон не разглядеть под свисающей за спиной плащ-палаткой. Вспомнил, что она, кажется, старший сержант. И так матюгать май-

ора! Впрочем, почему к субординации она должна относиться иначе, чем относятся к ней, правда, до определённой степени, в нашей отдельной гвардейской танковой бригаде? Как можно наказать за нарушение субординации? Если по уставу, то сержантов – штрафной ротой, а офицеров – штрафным батальоном. Ну и что? Чем эти штрафные отличаются от краткосрочного существования в отдельной гвардейской танковой бригаде?

Не помню, в те дни или уже позже посадили к нам на танки десант, штрафной батальон – командиров Красной Армии, попавших в плен в начале войны и освобождённых в ходе операции «Багратион». После атаки чудом уцелевшая женщина-врач по-матерински посмотрела на меня и сказала: «Ну ладно, мы штрафники. А вас-то за что?».

Клаксон студебеккера, перекрывая шум дождя, просил, требовал, умолял. Время от времени к нему присоединялось разноголосье гудков из леса, но регулировщица, похоже, не слышала их.

К продолжающей материться снайперу подошёл пожилой старшина, что-то сказал, взял её под руку и повёл к стоявшему у самой опушки виллису. Регулировщица подняла флажки и дала путь идущим на запад машинам. Потом долго жалел, что не соскочил с танка и не пожал руку удивительной женщине. Постеснялся.

Вот и всё. Прошло больше шестидесяти семи лет, но та картина внезапно возникла в моём сознании с такой чёткостью, что я даже ощутил запах хвои, промытой хоть и летним, но довольно холодным дождём. И увидел два мокрых выцветших, когда-то бывших красными флажка. И услышал злобные матюги измученной героической женщины, которая тогда показалась мне пожилой, а была младше, чем сегодня мои внучки. Чётко

вспомнил свой и моего экипажа восторг посрамлением ненавистных лётчиков.

Сейчас подумалось, будь в студебеккере не лётчики, а, скажем, пехотинцы, не говоря уже о танкистах, испытал ли бы я такие же чувства? Не знаю. Не могу ответить.

И главное – не могу ответить на вопрос о причине вражды между лётчиками и танкистами. Впрочем, точно так же не могу ответить на вопрос, почему сейчас процветает нелепый антагонизм в фактически однородном обществе? Должна же быть какая-то причина...

2012

ОБИДА

Звонок. Закончен последний урок тригонометрии в выпускном десятом. В этом классе одиннадцать лет назад – если быть точным, одиннадцать лет исполнится через два с половиной месяца, первого сентября – он провёл свой первый урок. Так началась его педагогическая деятельность.

Тогда учитель математики Иосиф Ефимович Коган вошёл в десятый класс женской школы в своём поношенном офицерском кителе, левый пустой рукав которого ниже локтя был подвёрнут и закреплён вверху английской булавкой. За пять студенческих лет бывшему офицеру не удалось приобрести гражданского костюма. И этот китель, и пустой рукав, и – шутка ли?! – тридцать три девицы, среди которых было немало красивых и даже очень красивых, смущали начинающего и к тому же от природы застенчивого учителя. Смущали нескрываемые плотоядные взгляды некоторых красоток, раздевавших взглядом не учителя, а мужчину. Тем приятнее был взгляд одной из самых красивых девушек, Роны – ободряющий, тёплый, успокаивающий. Её большие глаза естественно, спокойно и щедро излучали доброту.

Ровно в три часа он должен встретиться с ней. К благодарным взглядам учеников, и что греха таить, к тем самым взглядам некоторых девиц он уже давно привык. Сейчас, торопясь, он с улыбкой, иногда с шуткой отвечал на вопросы учеников, извлекаемые из доброго шума. Правой рукой взял классный журнал и ловко подхватил портфель, попрощался и пошёл в учительскую.

До встречи с Роной на станции метро ещё пятнадцать минут. Успеет. Он ненавидел неточность. Не все спокойно переносили его педантизм, но другим он быть не умел. До чего же хочется есть. Хотя бы пирожок купить по пути. Нет, не успеет. Вот и утром не успел позавтракать. Надо полагать, Рона догадается принести какой-нибудь бутерброд.

Рона... Из всех его учениц в том году, а это шесть классов – два восьмых, два девярых и два десятых, около двухсот девочек – по математике и физике Рона была самой сильной. Тогда, начиная примерно с третьей четверти, он стал давать частные уроки за умеренную плату, а способным ученикам из бедных семей – бесплатно. Уже года через два Иосиф Ефимович слыл в городе лучшим репетитором по математике и очень неплохо зарабатывал, хотя гонорар его был ниже, чем принято, а с половины своих учеников он денег не брал. Все подготовленные им сдавали вступительные экзамены в ВУЗы только на отлично. В Роне он был уверен. Но всё же после окончания школы и до самых вступительных экзаменов в политехническом институте продолжал заниматься с ней. Более того, сопровождал семнадцатилетнюю ученицу в институт на каждый экзамен и пришёл с ней посмотреть список поступивших. Рона увидела свою фамилию в числе принятых и с радостным возгласом обняла его, прижалась и неумело, но страстно поцеловала в губы. Это был не поцелуй благодарности, а поцелуй женщины. Он был ошеломлён. И счастлив.

Он безнадежно мечтал об этом с того самого дня, когда впервые начинающим учителем вошёл в класс. Но как он мог надеяться? Красивейшая девушка в классе и он – инвалид без руки, на восемь лет старше. Тут же

возле доски объявлений Рона призналась, что полюбила его в ту самую минуту, когда он вошёл в класс. И хотя ещё не знала, что оно такое, желала его сильнее откровенно болтавших об этом одноклассниц.

Через месяц они поженились. Сразу после замужества дочка её мама, врач-стоматолог, нанялась на работу на Колыме, где вот уже пять лет отбывал наказание отец Роны, еврей, каким-то неведомым чудом выживший в немецком плену.

Это был не медовый месяц, а что-то несказуемое. Не медовый, не шоколадный, не..., не..., а божественный. Не месяц, а бесконечность. Неистовые, ненасытные, неутомимые, но и неопытные. В конце ноября Рона поняла, что беременна. Немедленно помчалась к гинекологу. Попросила сделать аборт. Настаивала. После длительных объяснений врача о неопределённом будущем, после ещё более длительных увещеваний, превозмогая себя, согласилась сохранить беременность. Во время первых летних каникул родила девочку. Но какую! Весь персонал роддома сбегался посмотреть на необыкновенно красивого ребёнка, на ангелочка. Иосиф попросил Рону назвать дочку Женей. Так звали его любимую одиннадцатилетнюю сестричку, погибшую в начале оккупации их города летом сорок первого. До чего же она была красивой! Девятилетняя Женечка сейчас такая же, даже немного похожа.

Уже три часа и три минуты. Где же Рона? Она ведь знает, как Иосиф относится к опозданиям. Они должны успеть на вокзал к электричке в три тридцать пять, чтобы в родительский день навестить Женечку в пионерском лагере.

Женечка перешла в третий класс. Как стройна и красива эта маленькая женщина! Действительно, она напоминает свою погибшую тётю. В их роду все были

красивыми. И бабушка – папина мама, и папа – самый лучший хирург в их городе, и любимая Женечка, а о маме и говорить не приходится. Девчонки заглядывались на него. Но воспитанный в консервативных традициях и почему-то застенчивый, он ни разу не воспользовался этим. Даже с выпускного вечера, на котором в своём желании ему однозначно призналась одноклассница, он ушёл без всяких приключений. А через несколько дней началась война...

Где же Рона? Три часа тридцать минут. Успеть бы на следующую электричку. До чего же он голоден!

... а через несколько дней началась война. Отца сразу призвали в армию. Иосиф тоже рвался на фронт, но в военкомате даже говорить не хотели с мальчишкой 1924 года рождения, которому семнадцать лет исполнится только через два месяца.

Перед уходом отец приказал семье эвакуироваться. Не получилось. А он в день, когда на окраину города уже ворвались немецкие мотоциклисты, сбежал из дома и примкнул к отступавшим красноармейцам. К каким там отступавшим? К убежавшим, к драпавшим. Рослый, сто семьдесят девять сантиметров, широкоплечий, лучший в школе гимнаст – на турнике неумоимо вертел «солнце», а на брусьях был одним из лучших – он быстро стал отличным красноармейцем. Во время обороны Москвы его считали лучшим в батальоне. Ранение в начале декабря. В госпитале на его застиранной болыничной рубахе блестела медаль «За отвагу». Медаль на рубахе! Смех! Мальчишка. Впрочем, в госпитале на несколько сотен, если не тысячу коек он был единственным с правительственной наградой. Редко награждали в ту пору.

Нет, это уже чёрт-те что! Почти четыре. Где же Рона? Так они не попадут к Женечке до окончания родительского дня. А ему так хочется увидеть доченьку! До чего же соскучился за четыре дня! Неужели что-то случилось? И не выяснишь. Телефона у них в доме ещё не было. Но ведь Рона могла позвонить ему в школу. Значит, ничего не случилось. Где же она?

После госпиталя артиллерийское училище. Окончил с отличием. В декабре 1942 года лейтенант Коган с двумя кубиками на петлицах стал командиром огневого взвода в батарее сорокапятимиллиметровых орудий противотанкового дивизиона под Сталинградом. Дивизия наступала уже больше двух недель. Взвод лейтенанта Когана отличился в нескольких боях. Поэтому удивление вызывало то, что лейтенанта Когана наградили всего лишь орденом Красной Звезды. Своеобразной компенсацией представилась ему медаль «За оборону Сталинграда». Он считал, что, прибыв в часть уже во время наступления, медали за оборону не заслуживает.

Зато летом во время обороны на Курской дуге старший лейтенант Коган с тремя звёздочками на погонах уже командовал батареей. И снова его батарея проявила героизм. А он лично – просто невероятный. Сражаться батарее пришлось с танками, среди которых были только что появившиеся у немцев «тигры», «пантеры» и самоходки «Фердинанд». И снова его наградили орденом Красной Звезды. Интеллигентный майор, начальник оперативного отдела штаба дивизии, по секрету рассказал старшему лейтенанту, что его, разумеется, по справедливости представили к ордену Красного Знамени, но по причине, ничего общего не имевшей с представлением, в политотделе... Ну, ты же понимаешь...

В ту пору он ещё не очень понимал. Понял только уже на Днестре, когда ситуация с награждением за оборону на Курской дуге выглядела пустячком, детской игрушкой в сравнении с тем, что произошло при форсировании Днестра.

Где же Рона? Он уже собирался отправиться на вокзал без неё, но часовая стрелка подбиралась к пяти. В лагерь он доберётся уже после окончания родительского дня и Женечку увидеть не сможет. Что же случилось? Надо срочно ехать домой.

Да, на Днестре в конце октября сорок третьего он, молодой коммунист, уже понял. Ночью, когда началась переправа, на одном из плотов рядом с пушчонкой приютился старший лейтенант Коган. Даже командиры взводов ещё оставались на левом берегу, а командир батареи, вместо того, чтобы отправить подчинённых, сам поспешил на правый берег. Ночь густо прочерчивали пулемётные трассы. Взлетали и долго не гасли осветительные ракеты. Разрывы мин густо поднимали столбы воды. Лодки, лодочки, плоты вместе с людьми тонули одни за другими. Старший лейтенант Коган не знал, удалось ли кому-нибудь сквозь этот огонь и смерть добраться до правого берега. В первый момент, когда его оглушило, когда ставшие свинцовыми сапоги потянули его на дно вслед за орудием, когда адский холод сковал каждую мышцу, он не мог сообразить, куда выбираться. Наконец, увидев, что до левого берега ближе, на пределе сил поплыл и добрался до суши. Старшина содрал с него всё обмундирование. Он не запомнил, кто растирал его спиртом. Но уже перед самым рассветом на плоту с пушчонкой – чудо! – переправился на правый берег. До самого начала наступления два уцелевших орудия из его батареи и два из другой – всё, что осталось от дивизиона, командиром которого он был назначен –

творили немыслимое. Уже не по секрету, уже вся дивизия официально знала, что старший лейтенант Коган представлен к званию Героя Советского Союза. Уже все представленные к наградам получили их. А его награда задерживалась. И он уже догадывался почему. Уже понимал. Так за Днепр он не получил даже самой маленькой медали. Ведь уже был представлен к награде. Как же можно было награждать чем-нибудь другим?

А затем тяжелейшее зимнее наступление. Перед Новым годом дивизия перешла в оборону. В тот страшный день случилось, можно сказать, очередное чудо: снаряд взорвался в нескольких метрах впереди его наблюдательного пункта и – ничего. Только снежный ком обрушился и заслепил бинокль, не дав возможности определить, это «пантера» или только Т-4. А во втором взводе на левом фланге дивизиона осталась только одна пушка. Расчёта возле пушки нет. Трёх убитых он увидел. Где остальные? Никого.

Где же Рона? Кажется, он был очень голоден. Был? Ему и сейчас зверски хочется есть.

Успеть бы к пушке раньше, чем танк приблизится на половину расстояния. Примчался к пушке, задыхаясь. Тут же достал из ящика два бронебойных снаряда, один положил рядом со станиной, а вторым зарядил орудие и сел на место наводчика. Выстрел. Недолёт. Эх, зарядил бы кто-нибудь пушку. Он навёл бы прицел на место, куда попал снаряд, и вторым выстрелом уже точно поразил бы танк. Но заряжать пришлось ему самому, единственному возле орудия. Тем не менее, хоть и запоздал с выстрелом, над башней поднялся дым и сразу – огонь. Впереди слева взорвалась мина. Он не слышал её полёта. Лишь едва расслышал стук осколков по щиту. После Днепра слух полностью не восстановился. Это очень усложняло жизнь артиллерийского офицера. А

главное – невыносимая боль в пальцах левой руки. Он поднял её, чтобы посмотреть. Но пальцев, которые адски болели, не было. И кисти не было. Только чуть ниже локтя свисали окровавленные ошметки шинели и гимнастёрки и часто капала кровь. То ли от кровопотери, то ли от увиденного закружилась голова и он без сознания упал на снег.

Шестой час. Два часа бессмысленного ожидания. Неужели не ясно, что, если Рона не пришла максимум через десять минут, значит, уже не придёт? Скорее домой! Воспоминаниями он старался заглушить непонятную боль, не ту физическую и не в кисти, а боль охватившей его тревоги.

Через месяц в госпитале получил копию приказа о присвоении ему звания капитана, а ещё через несколько дней – удостоверение о награждении капитана Когана Иосифа Ефимовича орденом Красного Знамени. Награда за Днепр испарилась, словно представления к ней и не было.

Из госпиталя, чтобы не терять год, выписался досрочно. Без экзаменов был принят на механико-математический факультет университета. Долечивался амбулаторно в гарнизонном госпитале. Лучший студент факультета. Окончил университет с отличием. Рекомендация профессора, заведующего кафедрой в аспирантуру. В аспирантуру принят не был, но как бы в утешение всё-таки оставлен учителем в городе, а не направлен в село у чёрта на куличках.

Ворвавшись во двор, он немедленно задрал голову и посмотрел на свой балкон. Балконная дверь закрыта. Значит, Роны дома нет.

– Не смотрите, Иосиф Ефимович. Рона ушла.

Это красавица Валерия из первого подъезда, его бывшая ученица.

– Откуда ты знаешь?

– Видела, как она уходила. Уже давно. Торопилась. Может быть к своему Вовчику. К этому дерьму.

Иосиф посмотрел остолбенело, но тут же, взяв себя в руки, намереваясь уйти. Валерия придержала его за портфель.

– Вот у меня Серёга. Вам не чета. А могла бы я ему изменить? Да ни в коем случае! Нет, вру. Есть единственный случай. С вами. Так ведь я же полюбила вас ещё в восьмом классе. Ещё до Сергея. Серёжа отличный муж, но ведь вам не чета. Хоть люблю его, но не могу же я его сравнить с вами. А кого вообще можно сравнить? Но каждая женщина мечтает о большем. О таком, как вы. Но, к сожалению, вы мне не по штату. А Роне достались. Как же можно от вас опуститься до кого угодно, тем более до такого Вовчика? Иосиф Ефимович, дорогой, отомстите Роне. Это будет справедливо. Со мной.

– Брось дурить, Лера. До свидания.

Он ринулся к своему подъезду. Вошёл. И вспомнил, что накануне вот здесь из квартиры на первом этаже выглянул сослуживец Роны, неприятный тип. И тоже упомянул какого-то Вовчика. Не было сомнений в том, что выглянул сосед не случайно, явно подстерегал.

– Иосиф Ефимович, вас весь дом очень уважает. Приструните свою Рону. На кой ляд ей при таком муже шуры-муры с этим Вовчиком, с этим бабником, не пропускающим ни одной юбки? Тут вам прислали письмо, так в нём всё объясняется лучше.

Иосиф взял письмо, не разворачивая, скомкал и выбросил в мусоропровод. А сегодня снова Вовчик. И странно – Рона не пришла, как договаривались.

Ключ долго не попадал в щель замка. Что за чертовщина? Наконец, войдя в квартиру, открыл балконную дверь и огляделся, не оставила ли Рона записки.

Нет. Уже около шести. А он ведь не завтракал. Подошёл к холодильнику. Почему-то вместо того, чтобы открыть его, снял с полки папку со своей докторской диссертацией. Положил на стол. Развязал тесёмки. Раскрыл. Снял заглавный лист. Текст, формулы – всё слилось в одно нечитаемое месиво. Вовчик. Что за чертовщина? Нет, нет! Рона и какой-то Вовчик? Чушь!

Ни одно виденное им ню не могло сравниться с красотой обнажённой Роны. Но и сейчас, уже десять лет жена, она стесняется быть перед ним обнажённой. И такая брезгливая. И вдруг... Нет, не может быть.

Вдруг вспомнил, что несколько дней назад она с неописуемым восторгом рассказывала о мужестве какого-то сослуживца. В студенческую пору во время занятий на военной кафедре он прыгал через горящий костёр. Его рассмешил этот рассказ – прыгал через костёр... Но главное не это, а Ронин восторг. Тогда он даже не обратил на него внимания. Прыгал через костёр...

Он не рассказывал ей о войне. Она ведь не спрашивала. Вероятно, даже не знает за что у него ордена и медали. Больше того, вероятно понятия не имеет о том, при каких обстоятельствах он потерял руку. Как зовут этого мужественного сослуживца? Как она назвала его? Не помню. Кажется, Владимир. Владимир? Вовочка? Вовчик? Не может быть.

Говорят, со временем страсть угасает. Да и разница в возрасте – восемь лет. Но у него ничего не угасло. Он любит Рону так же страстно, как тогда, когда любил её, впервые войдя в класс. А разница в возрасте? Кажется, он сохранил неистраченным весь положенный здоровому крепкому мужчине запас сил с момента ощущения им полового инстинкта в тринадцать лет до их первой брачной ночи, когда ему было уже двадцать

пять. И этот нерастраченный запас он щедро с колоссальной любовью отдаёт только Роне. Только одной Роне. А как же иначе?

Не просто совершенная женщина. Идеал! Вдобавок к красоте, стати, характеру, материнским качествам ещё умна и талантлива. И это не личное, не субъективное мнение. Инженера со всего лишь пятилетним стажем назначили руководителем группы в проектом институте. Не он же назначил. И это при нынешней обстановке! Ко всему ещё и неопиcуемая доброта, то самое щедрое свечение глаз, которое он мгновенно заметил на фоне жадных взглядов красивых девиц в первый день преподавания. Как эта доброта, это свечение спасли его в день похорон отца!

В 1953 году, через четыре года после окончания университета Иосиф с блеском защитил кандидатскую диссертацию. Терпеливо ждал утверждения ВАКом шесть месяцев, год, второй, третий ... Наконец на четвёртом году не выдержал. Приколол к пиджаку колодку с ленточками орденов и медалей и поехал в Москву. С невероятным трудом пробился на приём к председателю математической секции ВАКа. Разумеется, он знал имя и отчество академика, но – воспитанный и деликатный – войдя в кабинет, не поздоровался и без приглашения сел за стол напротив пожилого человека.

– Итак, слушайте меня внимательно. Я молча и терпеливо ждал утверждения три с лишним года. Вам придётся молча, терпеливо и не перебивая, выслушать меня в течение пяти минут. Ну что за телодвижения, академик? Не тянитесь к телефону. Прежде чем дотянетесь до трубки, ничего, что у меня одна рука, вы окажетесь на полу рядом с опрокинутым креслом.

Он не повышал голоса. Но об этом тоне в дивизии говорили, что он способен остановить разогнавшегося

носорога и усмирить кобру. Впервые со дня последнего ранения Иосиф заговорил в этом тоне. В дивизии знали, что говорили – академик, словно загипнотизированный, ни разу не прервал его. Только дикий испуг исказил его физиономию.

– Об уровне моей диссертации говорить не буду. Он вам известен. Сужу об этом, потому что недавно прочёл вашу статью, в которой вы ссылаетесь на мою работу. А ещё прочёл вашу новую статью, в которой, сославшись на мою идею, вы подленько забыли упомянуть автора. Это явный плагиат. В переводе на русский язык – воровство. Но не будем считаться. Воровство в сравнении с вашим мировоззрением – мелкий недостаток, которым можно пренебречь. С этим вопросом всё. Следующий. Вам известна моя фронтовая биография. Следовательно, вам известно, как я расправлялся с нацистами, носителями идеологии, подобной вашей. Спокойно, академик! Я же вас предупредил. Но вам, возможно, неизвестно, что носители этой идеологии убили мою маму, мою бабушку и одиннадцатилетнюю сестричку. Вы понимаете, какой заряд ненависти к носителям вашей идеологии, вашего мировоззрения таится во мне? Так вот, в вашем распоряжении две недели. Две недели и ни дня больше. Если в течение этого времени я не получу положенного мне диплома, вопрос о вашем антисемитизме и связанными с ним немалыми подлостями будет предметом обсуждения французского математического общества, а затем и других научных кругов. Могу вас обрадовать – речь будет не только о вас персонально, но и о некоторых ваших коллегах, математиках Московского государственного университета. Может быть, вам понравится быть нерукопожатным и вы-

брошенным из числа порядочных учёных? Получив диплом, я совершу подлость, не предприняв того, что обязан сделать независимо от его получения.

Он встал и не произнеся больше ни звука вышел, оставив академика в ступоре. Трудно поверить, но ровно через две недели он получил диплом кандидата физико-математических наук. И немедленно поехал к отцу.

Отец, красивый мужчина пятидесяти девяти лет, лучший, любимейший хирург в их родном городе, всё ещё оставался одиноким, несмотря на желание многих женщин стать его женой. Иосиф даже удивился, увидев некоторых претенденток, и понял, что кроме всего унаследовал у отца и ген верности. Он в лицах рассказал отцу, что предшествовало получению диплома.

– Сынок, я горжусь тобой. И всегда гордился. Но не могу не осудить твоего поведения. Я говорю о поведении в ВАКе. Оно могло закончиться весьма печально. Знаю, ты можешь мне возразить, что поведение в подразделении сорокапятки могло закончиться ещё печальнее. Но в этом случае, в ВАКе, в отличие от взвода, батареи, дивизиона, ты был единственной мишенью. Ты мог вылететь из партии, а следовательно, и с работы. Ты можешь мне возразить, что частной практикой репетитора освобождённый от подоходного налога инвалид Отечественной войны, зарабатывал бы значительно больше, чем в школе. Допустим. Но у академика есть возможность напустить на тебя карательные органы, в существовании которых сейчас можно обвинить и меня, и тебя. Я вступил в партию за несколько месяцев до твоего рождения – в двадцать четвёртом. Это был ленинский призыв. Ты вступил в партию на фронте. Нас нельзя упрекнуть в карьеризме. Но сегодня мы члены преступной банды. И если мы вдвоём, проявив благородство и

гражданское мужество, выбросим наши партбилеты, битву Дон Кихота с ветряной мельницей в сравнении с этим поступком можно квалифицировать как вершину мудрости. Вот если бы хоть половина наших с тобой партайгеноссе одновременно выбросила партбилеты, это, возможно спасло бы нашу несчастную страну. Я дико боюсь революций, но не могу же я надеяться на то, что этот лысый реформатор согласится на что-нибудь разумное. Сам-то он вообще думать не способен. Иося, сынок, у тебя семья, дивная семья. Веди себя ответственно. Не сомневаюсь в том, что ты получишь и докторский диплом. Вероятно, статус твой изменится. А пока смирись и веди себя ответственно. Мы, нынешние преступники, честно служили родине. У нас на семью из двух человек четыре ордена Красной Звезды, два ордена Отечественной войны второй степени, медаль «За отвагу», орден Красного Знамени. Ты командовал сорокапятками на Первом Украинском фронте. Что такое сорокапятка никому объяснять не надо. Я был командиром медсанбата на Третьем Белорусском. Ты знаешь, что такое медсанбат. Но я не об этом. Какое огромное расстояние было между нами, а слух о том, что ты представлен к званию Героя Советского Союза дошёл до нас. К чему это я? Ты же не пошёл к Коневу с претензией, что не получил положенного тебе звания, положенной тебе награды?

Через несколько дней Иосиф снова приехал в родной город. На сей раз с Роной. На похороны отца. Внезапный инфаркт миокарда. Сколько смертей на своём веку пережил Иосиф! Тяжко. Молча. А сейчас рыдал, как ребёнок. Сейчас он чувствовал себя как тогда, перед падением на снег. Вот тут Рона показала, что значит настоящий друг. Материнская любовь женщины на восемь лет моложе его, то самое удивительное щедрое

свечение глаз, которое он увидел в первый день своей педагогической работы, вытащили Иосифа из тяжёлой депрессии.

Так где же она?! Уже сумерки. Который час? Около семи. Пора быть дома, даже если она почему-то уехала к Женечке одна. Господи! Где же она? Действительно Вовчик? Существует такой? Кто он? Как выглядит? Сколько ему лет? Но ведь этого не может быть!

А почему не может быть? Потому что Рона святая. Святая. Но что мы знаем о святых, если они не нечто облачное, а просто люди? Роне двадцать восемь – самый пик. Самка ищет совершенного самца для продолжения рода – ей необходим лучший из самцов, который, например, копьём может убить мамонта и обеспечить семью пищей. Самке нужен самец, могущий защитить её и её детей от саблезубого тигра.

Иосиф, спустись на минуту с привычных позиций – лучший ученик в школе, лучший воин на войне, лучший студент в университете, лучший учитель в школе. Может быть, проблема в тебе, а не в Роне. Суди справедливо. Если есть за что, осуждай не с позиций стоящего на возвышении, а с позиций равного.

Ладно. Хорошо. Но ведь Роне сейчас не нужно продолжение рода. Сколько раз он говорил с ней о втором ребёнке. Это лишь раздражало её. Вспомни, возражала она, легион сменявших друг друга нянь, сцеживание молока, стирки и глажение пелёнок, очереди на молочной кухне, детские садики, которые Женечка ненавидела всеми фибрами души. И речи не может быть о втором ребёнке в таких условиях!

Всё так, но инстинкт не отменён даже у святых. Всё так. Но инстинкт ведь остаётся. Он заложен и проявляется независимо от навязываемого разумом желания или нежелания. Человек рефлекторно отдёргивает руку

от горячего. Разумом он может затормозить этот рефлекс, но не отменить. Кроме того, в отличие от инстинкта, разум при желании можно выключить.

Да, но если Рона действительно, подчиняясь инстинкту, выбрала ещё кого-то, он, безусловно, должен быть лучше мужа.

Иосиф, надо разобраться. Надо понять, кто виноват, чтобы осудить или простить. А что, если вина в тебе, а не в ней. Чем этот, скажем, Вовчик может быть лучше? Интеллектом? Иосиф был знаком с некоторыми сослуживцами Роны. С теми, которых в их отделе она считала наиболее интеллигентными. Вовчик или Владимир или как его там среди них не числился. Нет, в интеллекте, при всей его скромности, они очень уступали ему.

Он невольно улыбнулся, когда навеянное словами Валерии «каждая женщина мечтает о большем» в несколько искажённой форме внезапно царапнуло периферию сознания. Надо полагать, Валерия имела в виду не это. Как-то ещё в артиллерийском училище после отбоя в казарме возник трёп о величине мужского члена. Утром он не помнил об этом трёпе и никогда больше не вспоминал. Нет, вспомнил ещё раз. В Пушкинском музее. Увидев копию скульптуры Микеланджело, он удивился тому, что у Давида относительно маленький член. Ну, не то, чтобы совсем маленький, но меньше, чем у него, мужчины примерно такой же комплекции. Впрочем, не у всех же людей органы и части тела одинаковой величины. Скажем, размер обуви у солдат его подразделения был от сорокового до сорок шестого. У него самого – сорок второй. Можно ли считать, что Микеланджело ошибся? Ошибся, конечно, но в другом – изваял Давида необрезанным. Чуть всё это. Действительно величина имеет значение? Откуда ему знать? Вероятнее всего, это чушь. Впрочем... Кроме

того, даже если имеет, женщине нужны какие-то предварительные разведданные. Кому известны такие подробности? Любовники ведь сходятся не после предварительных замеров. Может быть, какие-то слухи? Чёрт его знает. Женщины ведь так болтливы. Господи, ну, о чём ты думаешь? Ты, кажется, окончательно сошёл с ума.

Если продолжить эту чушь, следует вспомнить и об искусстве постели. Правда, в перечне искусств ему такое искусство неведомо. Но ведь говорят, даже пишут. Даже, кажется, есть какие-то руководства? Для него это вроде снабжения таблицы умножения дифференциальным и интегральным исчислением для лучшего понимания и усвоения таблицы. И при чём тут Рона?

Как же он упустил? Как он забыл о том восторге, с каким она говорила о мужестве этого самого, как его? Ну, конечно! Мужество самца. Может ли быть в шкале предпочтений для самки что-нибудь важнее мужества? Мужественный самец может обеспечить пищей и защитить. Именно с ним надо удовлетворить половой инстинкт для продолжения рода. Муж-мужчина-мужество...

Который час? Темно... Забыл включить свет и уткнулся в диссертацию. Посмотрел на фосфоресцирующие стрелки наручных часов – десять девятнадцать. Почему-то он ещё не перекусил. Рона... Надо спуститься к телефонной будке и позвонить. Куда позвонить? В милицию? В скорую помощь? В больницы? Как звонить в больницы?

Он встал и зачем-то зашёл в комнату Женечки. Наощупь открыл крышку пианино. Ткнул указательным пальцем в клавишу. Если вина в нём (кто знает?), справедливее всего Рону ни о чём не спрашивать. Просто не заметить. В подобных случаях, не разобравшись, легко

наломать дров. Хлопнул по клавишам ладонью. Господи, какой мерзкий звук! Женечка без отца? Как он сможет существовать без Женечки? Чушь! Он опустил крышку.

Искусство постели... Если это причина, то где у них постель? А может быть, постель всего-навсего эфемеризм процесса? Может быть, достаточно подстилки на траве в лесу по пути к пионерскому лагерю? Где-то существует подстилка, которую несколько раз они брали с собой на пикники. Посмотреть, осталась ли она дома. Где она обычно находится? Господи, Иося, до чего ты докатился!

Одиннадцать, нет, две минуты двенадцатого. Стоп! Он ведь упустил экстерьер! Во-первых, тот может быть моложе. Во-вторых, притерпевшись к своему состоянию, ты забыл, что ты безрукий инвалид. Но Рона ведь может сравнить двух мужчин – мужчину с ампутированной рукой и нормального. Может быть, женщине хочется быть приласканной нормально, двумя руками. Как он не подумал об этом? Следовательно... Если бы Рона пусть даже не сказала, если бы как-то намекнула, он сумел бы понять. Трудно. Но были у него трудности и побольше. Речь ведь не об этом, не о руках. Она же ведь восторгалась мужеством – понимаешь, мужеством ... – прыгнувшего через костёр мужчины.

А он, Иосиф Коган, вероятно, совсем немужественный. Он ведь даже не помнит, прыгал ли когда-нибудь через огонь. Во всяком случае, никогда не говорил об этом. Следовательно, понятно, на чьей стороне преимущество. Он вообще никогда не говорил с ней о войне. Даже не намекнул, что за Днепр был представлен к званию Героя Советского Союза. А какие тому доказательства? Никаких. Не получил за Днепр ничего.

Даже самой маленькой медали. Даже "За боевые заслуги" или, как пренебрежительно называли эту медаль артиллеристы, "За половые заслуги" – получала ведь какая-нибудь штабная машинисточка или связистка такую медаль, не отказав штабнику.

Господи, уже одиннадцать семнадцать. Где же она? Господи, главное, чтобы всё у Роны и Женечки было в порядке. Остальное вполне подлежит обсуждению. Если понадобится. Можно будет понять. Может быть, даже без обсуждения? Только вот что за чертовщина какая-то?! Ну просто занозой въелось это... Ну почему мужество? Мужество... Прыгнуть через костёр, это мужество? Обидно...

2013

МАССАЖ

Маленький кабинет. Не кабинет даже, а кабина для массажа. При слабом свете двух горящих свечей Вера не могла заметить, что вошедший пациент на протезе. Но ведь и хромоты не заметила. Сейчас, когда он уже лежал на массажном столе, этому было объяснение. Культия левой голени длинная. Ампутация над самыми лодыжками. По существу, нет только стопы. Но какие мышцы! В карточке имя – Лиор. Инвалид Армии Обороны Израиля. Ни фамилии, ни возраста, ничего.

Вера скупно плеснула на ладонь масло. Такие мышцы грех массировать халтурно, облегчая трение маслом. Бережно поглаживая, двумя руками прошла вдоль позвоночника от слегка обнажавших верхушки ягодиц плавок до шеи. Какие мощные и красивые мышцы! С какой лекальной очерченностью вздуты чуть ли не до самого затылка! А шея! Какой мужчина!

Верка! Ты что? Какой мужчина? При чём здесь мужчина? Пациент. Естественно. Но ведь уже сорок лет, с Лёшкиного возвращения в Россию, совершенно одна. Разве это несколько не оправдывает? Верка, перестань! Нужны тебе эти мужчины. Даже с Лёшкой. Работай! Что с тобой творится!? Почему ты начинаешь с широких мышц спины? Но ведь какие они! Да, это мужчина. По-моему, у тебя сегодня какое-то помешательство. Тысячи пациентов-мужиков лежали под твоими руками и никогда не было ничего подобного. Подумаешь, красивые мощные мышцы. Он что, первый такой? Перед ним был турист из Москвы. Красивый парень. Спортсмен. И намного моложе. Сколько лет

этому? Никак не меньше сорока пяти. Почему же москвич был пациентом, а не мужчиной? Ладно, работай. Тоже мне, о возрасте вспомнила.

Возраст... В семнадцать лет в родных Бендерах, из которых до этого никуда ни разу не выезжала, с золотой медалью окончила школу. Мечтала стать врачом! Но путь в столицу республики, в Кишинёв, был преграждён. Не Днестром шириной в пару-тройку сотен метров, а невидимой непроницаемой стеной высотой до самой бесконечности. Внезапно Бендеры оказались уже не в Молдавии. А где? Россия? Украина? Неизвестно. Ближайший медицинский институт в Одессе. Но это Украина. И будь я обвешана золотыми медалями с головы до ног, меня, еврейку, в Одесский медицинский институт не примут.

Отец изредка переписывался с инструктором Горьковского горкома партии. Во время войны тот был парторгом в батальоне, которым командовал дедушка, папин отец.

Будущий командир батальона, будущий гвардии майор в начале июля успел отправить в эвакуацию беременную жену – бабушку. Сына – моего отца так и не увидел. Сын родился осенью сорок первого, а дедушка погиб в Германии за несколько дней до победы. Его вдова и четырёхлетний ребёнок вернулись в Бендеры, где продолжали голодать и подвергаться издевательствам.

Как здорово очерчены мышцы от самых лопаток к подмышкам. Все-таки придётся добавить капельку масла. Да, ничего не скажешь, мужчина!

Верка, прекрати немедленно! Что это с тобой? Ведь даже лица его разглядеть не успела. И голоса, кроме «здравствуй», когда он вошёл, не слышала. Отвлекись. Вспомни, как поступила в Горьковский медицинский институт. И вообще – думай о чём угодно,

только не об этих глупостях. Поступила без всякой проекции. Подчинённый деда даже с общежитием не смог помочь. Зато как он рассказывал о дедке! Рассказывал, что более честного и справедливого человека, чем комбат, никогда не встречал. Просто потому, что таких больше нет. А об отваге и говорить нечего. И погиб именно из-за этих качеств.

Батальон был самым лучшим не только в полку, не только в дивизии, но и во всём корпусе. И хотя большое начальство по какой-то непонятной причине недолюбливало гвардии майора и батальону ставили самые губительные задания, потери у них всегда были меньше, чем у других. Комбат тщательно продумывал каждый шаг, каждое действие батальона и щадил солдат.

За несколько дней до победы комбат получил очередной приказ об атаке. Это было совершенно бессмысленно. Никому эта атака уже ничего не давала. Но не подчиниться гвардии майор не мог. Отдавать такой приказ подчинённым было стыдно. И комбат сам возглавил атаку. А ведь мог поступить как любой комбат – приказать командирам рот и ждать исполнения на командном пункте. Святой был человек! Святой!

Сняла койку у симпатичной бабки почти на самой окраине города. Относительно дёшево.

Она массировала, стараясь отвлечься воспоминаниями. Но восхищение каждой мышцей отвлекало от воспоминаний. Сознание уплывало в неосознанное и непонятное. И объяснения этому не было и не находилось.

В кабине едва слышно звучала «Маленькая ночная серенада». Секундная пауза. Новый опус. До сих пор пациент не проронил ни звука. И вдруг обрадованно выдохнул:

– Шуберт. Пиано соната. Аллегро. Ох, как я люблю её!

– Ты музыкант?

– К сожалению, нет. Я шофёр автобуса. Понимаешь? Балагула. У меня в автобусе тоже так тихо звучит эта музыка. Даже когда я рассказываю своим пассажирам-туристам всякие байки о том, что они видят из окон автобуса.

– Ампутация у тебя в результате ранения?

– Да. Идиотский бой в Бофоре. Может быть слышала?

– Кажется, это в южном Ливане?

– Да. Тридцать лет тому назад. Понимаешь, а мне тогда как раз девятнадцать стукнуло.

Значит, ему сорок девять. Выглядит куда моложе. Ровно на десять лет старше меня. Какие мышцы! Хоть студентам демонстрируй на лекции по анатомии. Мужчина!

Верка, ты определённо очумела. Ведь никогда ничего подобного не бывало. Мужчина... Пациент он, пациент, а не мужчина! Ты бы ещё Алёшку вспомнила. Мужчину. Единственного в твоей жизни мужчину. Внук бабушки, у которой снимала койку. На два года старше. Оказались в одной группе. Все шесть лет, до самых государственных экзаменов тянула его, лентяя. Приставал. Женихался. Но не на ту напал. Я умела постоять за себя. А вот девчонки в нашей группе, захлёбываясь от восторга, болтали о несказанном удовольствии, о таком, что, ну просто ничего подобного не бывает, ну ничего.

Не до удовольствий было. На втором курсе начала подрабатывать массажисткой в отделении реабилитации инвалидов войны. Жалко было их. Очень образно и точно написал о них любимый поэт Борис Слуц-

кий: «Про кислый дух бракованного теста, из коего по-вылепили нас». Действительно, бракованное тесто... Порой, массируя несчастного ампутанта, представляла себе, что это мой дедушка, что не погиб он, а всего лишь остался без ног. С какой любовью массировала тогда этого несчастного инвалида. Как сейчас.

Возможно, восторженные рассказы девчонок всё же в какой-то мере способствовали тому, что на третьем курсе вышла замуж за Алексея. И любопытство моё неудержимое сказалось. И неуютность быть белой вороной – она и без этого всё время ощущалась, а тут ещё единственная в группе девственница в двадцать лет. Это ж надо было ухитриться не знать, что оно такое, то самое, что даже во время обычной болтовни доводило девчонок чёрт знает до какого экстаза. Замужество почему-то не объяснило мне этого. Вполне можно было прожить и не узнав такого удовольствия. Но ведь жена, хоть Алексей всего лишь посредственный студент и совсем не тот человек, который может стать похожим на дедушку. И вообще трудно было понять, что приводило девчонок в такой восторг. Единственной пользой замужества оказалось рождение Нины на четвёртом курсе.

Ох и трудно пришлось бы в течение тех двух с половиной лет, если бы не бабка Алексея. Чудесная старушка!

Нинка, институт, работа массажисткой, да и бабке помочь по дому надо, а институт окончила с отличием. Можно ли иначе? Начала работать участковым врачом, отказавшись от отпуска. А толку? 1996 год. Нет уже Советского Союза. И зарплаты два месяца нет. Спасибо пациентам, подкармливали. Лёшка, не очень напрягаясь, перебивался подсобными работами. Что делать?

Родители и старшая сестра с семьёй из Бендер уехали в Германию. Звали с собой. Понять нельзя, как папа мог поехать в страну, где убили его отца. Как можно жить на содержании потомков убийц отца? Немыслимо.

Сотрудник Сохнута не советовал, а настойчиво уговаривал совершить алию, репатриироваться в Израиль. Я сопротивлялась, объясняла, что Алексей русский, что есть ещё русская бабушка. Но он убеждал, что всё это не препятствия. Вот так, правда, без бабки в девяносто седьмом прилетели в Израиль. Бабка и сама не хотела ехать, а тут ещё Лёшка не переставал твердить, что неизвестно, как там всё образуется, а здесь уже как-то крутишься и домик надо сохранить.

Израиль поразил меня. После горьковского голода и нищеты безграничное изобилие, описать которое способен только Рабле с Золя в тандеме. Предстояли экзамены, чтобы подтвердить диплом и получить разрешение на работу врачом. Алексей сходу отказался от этого. Это тебе не Горьковский мединститут, на арапа экзамены не сдашь. Я усиленно учила иврит, готовясь к экзаменам. Всё нравилось мне. Но изобилие было не бесплатным. Вот Нина захотела мороженое. Ну, как откажешь ребёнку? Я занималась и стала убирать подъезды, мыла лестницы. А Лёшка целыми днями валялся на диване. За исключением времени, которое стал проводить с этой, как называли деваху, нелегалкой.

Я увидела её на улице, когда она толкала коляску со стариком-инвалидом. Рассказывали, что он чудом выжил в Берген-Бельзене¹⁰. Вот эта девка и приставлена к нему, пусть и нелегалка. Грудастая, с задом, как корма баржи. Не чета мне, всё ещё такой, словно только что

¹⁰ - нацистский концлагерь (В.К.)

окончила школу, словно и не рожала. Так и отбыл мой законный муж в Россию ровно через год после прилёта. С этой с телесами, вынужденной покинуть Израиль.

Воспоминание о Лёшке сейчас вообще не пробуждают никаких эмоций, будто и не было его. Мне и тогда было только обидно из-за того, что он так легко бросил четырёхлетнюю дочь. А несколько лет спустя получила письмо с просьбой прислать документ о разводе. Повозилась. Сделала. Послала. Куда денешься? Может, грудастая больше подошла ему своей массой. А может быть, восторгами, о которых рассказывали девочки в их группе. У меня-то ведь этих восторгов не было.

А вот с экзаменом не получилось. Детский садик работал до трёх часов. После этого Нину не на кого было оставить. Заработанных мытьём лестниц денег не хватало на няню. Тут как раз на Мёртвом море закончили строительство гостиницы и стали набирать массажистов. От дома около тридцати километров. Условия – лучше не придумаешь. Решила, что экзамены могут и подождать. И вот уже четырнадцать лет в этой гостинице. Об экзаменах и думать забыла. Зачем? От добра добра не ищут. И уж если с детства мечтая стать врачом, об экзаменах думать забыла, то о мужчинах и подавно. Зачем? Правда, отбиваться от них, от кобелей этих, приходится на каждом шагу. Ни один из них, как ни обхаживал, ни разу не будил во мне каких-либо чувств. А тут – на тебе!

Пошла пятнадцатая минута массажа. Осталось только поглаживание спины и задней поверхности ног. И воспоминания мешаются, как в блендере, с мыслями, не помогая отвлечься. Мужчина! А ведь я по существу и лица его ещё не видела.

– Повернись на спину.

Культя. Казалось бы, мышцы должны атрофироваться, но нет – мощные красивые бёдра одинакового диаметра. Удивительно! А прямые мышцы живота! А большие грудные мышцы! Да-а-а!

Приступила к массажу ног. Бережно. Каждую мышцу в отдельности. Правой рукой у самого колена захватила портняжную мышцу и, медленно выжимая, стала продвигаться вверх. И вдруг он вздрогнул, как вздрагивают от щекотки, и так же вдруг вздыбились его плавки. Массировавшая рука смущённо застыла сантиметрах в двадцати от паха.

– Прости, понимаешь, не знаю, как это случилось. Понимаешь, это ведь не автобус. Чёрт его знает, где педдали тормозов, на которые надо нажать в таком случае. Понимаешь, так давно у меня не было женщины. А тут ты. Не просто красивая и стройная, а такая... ну, понимаешь...

– У тебя что, нет жены?

– Нет. Вот уже скоро двадцать лет. А какая была жена! Какая была Зива! Погибла в Тель-Авиве в автобусе, который взорвала эта мерзкая подлая нелюдь. Остался я тогда с двумя малышами-погодками и своим отчаянием. Спасибо, мои старики воспитали внуков. Изумительные парни. Оба сейчас в армии сверхсрочники. Делают военную карьеру. Понимаешь, бывали у меня женщины. Но вообще я не блядун. Я не могу просто так, как кобель на сучку. Понимаешь, мне надо, чтобы у женщины, кроме тела, была душа. Мне такая как ты нужна. А где таких взять? Ты ведь, конечно, замужем?

– Нет. Представь себе, нет. Муж оставил меня четырнадцать лет назад с четырёхлетней дочкой и вернулся в Россию. Дочка с весны в армии.

– Где ты живёшь?

- В Араде.
- А как добираться сюда?
- Автобусом.
- В котором часу ты кончаешь работу?
- В шесть.

– Послушай, Вера, понимаешь, я на машине. В шесть я приеду за тобой и отвезу в Арад. Посидим. Поговорим. Если есть где переночевать и не выгонишь, утром привезу тебя на работу. А если выгонишь, тоже не страшно. Я ведь профессионал, могу и ночью спуститься из Арада.

Одновременно массируя две красивых мышцы, идущие от грудины и ключиц наискосок за уши, оставляющие открытым небольшой кадык, впервые за этих скоро полчаса увидела его лицо. Хорошее доброе лицо мужчины, которому не дашь его сорока девяти. Но главное – глаза. Как он смотрит на меня! Когда встретила с ним взглядом, показалось, что увидела себя в печальном зеркале, увидела себя, такую, как мне, вероятно, суждено было прожить свою жизнь.

Рано утром Вера сидела рядом с Лиором на переднем сидении. По круто петляющей дороге автомобиль спускался к Мёртвому морю. «Если найдётся, где переночевать, и ты не выгонишь меня». Не выгонишь! Да я бы тебя оставила не до утра, а до конца времён! Господи! Что могли рассказать девчонки из студенческой группы? Что они знают? Удовольствие? Как вообще это можно назвать таким обычным словом, когда радость и счастье вливается в каждую клеточку тела?! Не только в живую. В ногти, в кончики волос! И уже совсем предел, когда душа внезапно с радостным стоном покидает тело и медленно возвращается, чтобы снова покинуть и рассказать о других прекраснейших мирах. Что

там говорить о девчонках, если даже у классиков мировой литературы она не видела соответствующего пережитому описания. Откуда ему взаться, если в самых совершенных, самых объёмистых словарях нет нужных слов? Ещё не придуманы. И всё это узнать только в тридцать девять лет!? Лиор, Мне Свет¹¹, где ты был все эти годы?

Удивительно – простонародная речь с постоянным этим «понимаешь», всего школьное образование и при этом такая аристократическая деликатность, обволакивающая нежность и такая врождённая интеллигентность.

Он столько раз приезжал в нашу гостиницу. Как же случилось, что ни разу не попал ко мне на массаж? Ни разу не встретила его. А вчера полчаса пилила себя за то, что увидела в пациенте мужчину, ещё не зная, что по-настоящему значит мужчина. Кто мне подарил его?

– Лиор. Мне Свет.

Общались они исключительно на иврите. Только «мне свет» она произнесла по-русски.

Она положила левую руку на его ладонь на рычаге ручного тормоза. Лиор взглянул на неё. На такой дороге и профессионалу нельзя отвлекаться. Он улыбнулся своим мыслям. Нельзя отвлекаться. Будь хоть какое-то место, где можно спокойно остановиться, он бы отвлёкся! Но змея дороги вырублена в скалах. Невероятно! Ведь он уже далеко не мальчик. Весь вечер, вся ночь почти без сна, а он так хочет её, что остановился

¹¹ - *Мне свет* – точный перевод ивритского имени *Лиор* (В.К.)

бы, не задумываясь, было бы где. Сколько раз он лечился в этой гостинице и как же случилось, что ни разу не увидел её, ни разу не попал к ней на массаж? Судьба... Или самые драгоценные подарки достаются только после очень долгого ожидания?

За очередным поворотом открылся вид на Мёртвое море. Солнечный диск полностью выплыл над серолиловыми горами Моава. Широкою, золотом сверкающую дорогу солнце вымостило от иорданского берега к израильскому. Красота какая!

– Вера, у меня ещё четыре дня в гостинице. Три массажа, понимаешь. Первое, я потребую, чтобы все три массажа были у тебя. Второе, попытаюсь связаться с сыновьями, выяснить, когда им удастся вырваться к моим старикам, чтобы я, понимаешь, смог, познакомить всех с моей женой.

Он на мгновение умолк, удивившись, что впервые после гибели Зивы, произнёс такие слова.

– Ну и ещё одна небольшая бытовая деталь. У меня, понимаешь, годичный абонемент на симфонические концерты в филармонию. Одиннадцать концертов. Срочно надо приобрести второй абонемент. И после концерта не обязательно возвращаться в Арад. Старики живут в Тель-Авиве. Но до моей квартиры в Бат-Яме, понимаешь, от филармонии почти такое же расстояние, как до стариков. Да, ещё один уже серьёзный вопрос. Если ты хочешь сейчас сдать экзамены на разрешение работать врачом, то, понимаешь, нет никаких проблем. У меня достаточно денег, чтобы ты могла оставить работу. А вообще, если бы ты с твоими руками работала в своём частном кабинете, ты была бы миллионершей. Никакой врач с тобой сравниться не смог бы.

– Я знаю. Мне уже не раз говорили об этом. Поэтому начальство меня ценит и относится соответственно. Не думаю, что, став врачом, я окажу больным большую пользу, чем сейчас. А о деньгах я как-то не думала. Нет, массажа я не брошу. Ведь именно он подарил мне тебя, дорогой Мне Свет. Пусть пока всё остаётся, как есть.

Он взял её левую руку с неожиданно крепкой для такой изящной женщины кистью и нежно прижал к губам.

2013

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Уважаемые читатели, простите меня, собирающегося приблизиться к неформальной лексике, или, короче, простите мне мою невоспитанность.

Примерно в конце пятидесятых годов услышал я сорок восемь четверостиший "От рифмы не уйдёшь". Прочитую несколько. Не уверен, что сейчас мог бы вспомнить все. Главное, чтобы вы могли представить, о чём речь.

От холода себя страхуя,
В кафе вошли четыре деда.
Они вошли после обеда,
О бывшей юности тоскуя.

Или:

Под пирамидою Хеопса
Священный бык с коровой пасса.
Смешной должно был тот вид
С вершины древних пирамид.

Студента стала опекать
Одна порядочная дама.
Его лелеяла, как мама,
Ходила в парки с ним гулять.

На берегу, цветущем маком
Художник деву ставил в позу.
Он рисовал её, как розу,
И покрывал картину лаком.

Один влиятельный вассал
Весь графский замок обошёл.
Нигде уборной не нашёл.
И в книгу жалоб записал.

Стиль баттерфляй на водной глади
Нам демонстрируют три девы,
Плывя направо и налево
В большом бассейне в Ленинграде.

На славный праздник сабантуй
Приехал очень важный гость.
Его больших размеров трость
Нёс впереди его холуй.

И в заключение:

На винограднике шабли
Пажи маркизу развлекали.
Стихи поэмы ей читали.
А после всё же у....ли.

Почти все сорок восемь четверостиший – возможно, по молодости – так понравились мне, что и самому захотелось приобщиться:

Один редактор издавна
В кармане нёс кусок газеты.
Была ему газета эта
Для просвещения дана.

После операционного дня прочёл всё это у нас в ординаторской. Реакция врачей оказалась более чем

положительной, а заведующий отделением старый хирург профессор Городинский попросил записать ему все стихи. Это не обрадовало меня – мало того, что я доставил ему удовольствие, так ещё и писать должен. А я так не любил писать! Тут я уже обнаглел и сказал, что напишу, если кто-нибудь из моих коллег вместо меня напишет протоколы четырёх сделанных мной сегодня операций. Записали. Без ропота. А через два дня профессор Городинский вручил мне два написанных им четверостишия:

Мать игуменья Миропы
Была толста, кругла, как шар.
Её послушница ей в спину
Втирала на ночь скипидар.

Так себе. Зато следующее...

За славный труд воздали мзду.
Почти на каждую доярку
Надели орден и звезду.
И за здоровье пили чарку.

По-моему, блеск!

Но почему я вспомнил об этом, заключая сборник рассказов, не имеющий ничего общего с четверостишиями "От рифмы не уйдёшь"?

Мне девяносто два года. В дополнение к вполне не юному возрасту я страдаю заболеванием, не оставляющим никаких шансов на выздоровление. Все годы после войны я хотел отделаться от неё, забыть или хотя бы отгородиться от памяти о ней. И уж если писать о чём-то имеющем какое-то отношение к литературе, то о чём угодно, только не о войне, на которой прожил четыре

года. Но она, подлая, которую я начал через три недели после шестнадцатилетия и которая закончилась за три недели до моего двадцатилетия, глубоко вонзила в меня свои когти, не отпуская ни на мгновение. И о чём бы я ни писал, война возвращала меня к себе.

Но есть тема, для войны перекрытая шлагбаумами – любовь. Если слегка присолить и приперчить тему неременной для любви физической компонентой, эротикой, которая естественна для любви, кажется, можно обезопасить себя от войны, забыть о её существовании. Вот и попробовал в меру умения сделать это. Но, как вы уже убедились, от рифмы не уйдёшь.

Гиватаим

11.01.2017